


Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Уфимский университет науки и технологий»



На правах рукописи

Султанова Зиля Азатовна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИЙ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)**

Научная специальность

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Абдуллина Гульфира Рифовна

Уфа – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ПСИХОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКЕ.....	11
1.1. Понятие «эмоция» в психологии.....	11
1.1.1. Разновидности эмоций.....	17
1.1.2. Функции эмоций.....	24
1.1.3. Эмоциональные оценки и общественное восприятие эмоций.....	32
1.2. Лингвистические средства выражения эмоций.....	37
1.2.1. Способы выражения эмоций в языке.....	41
1.2.2. Особенности языковых средств, выражающих эмоциональный компонент в различных типах текстов.....	56
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ.....	62
ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНГАМА АТНАБАЕВА, ДИНИСА БУЛЯКОВА, ИБРАГИМА ГИЗЗАТУЛЛИНА, НАЗАРА НАДЖМИ).....	65
2.1. Лексические средства выражения эмотивности	65
2.2. Синтаксические средства выражения эмоций.....	104
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ.....	120
Глава 3. ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИЙ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ).....	123
3.1. Фонационные средства выражения эмоций.....	132
3.2. Кинетические средства выражения эмоций.....	139
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ.....	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	161
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	165

ВВЕДЕНИЕ

Эмоции и их научное изучение на сегодня занимает важное место в общей системе современного языка. Язык существует для выражения мыслей человека, его чувств. Сознание индивида выражается в его эмоциональном отношении к окружающей реальности. Человек – языковая личность, он впитывает воспринимаемое из среды и отражает в языке.

Эмоции долго оставались предметом исследования наук, основанных на физических параметрах: медицины, психологии, физиологии. Широко распространены эмоции в тех науках, которые связаны с деятельностью человека: социологии, лингвистике, философии.

Эмотиология – наука, занимающаяся изучением эмоций, которые могут быть выражены языком. В рамках эмотиологии эмоции рассматриваются во взаимосвязи с когнитивными процессами. По мнению исследователей, эта связь заключается в том, что именно когниция вызывает у говорящего эмоцию, так как субъект отражает лишь те явления, которые его интересуют и ценны только в конкретный момент времени, а не реальность целиком. Воспроизведение эмоции есть тот проводник воспроизведения окружающего мира в языке, выражающий исключительность реалий этого мира для индивида говорящего и слушающего.

Эмоциональная лексика – это слово или словарный запас, который говорящий или писатель использует для выражения своих эмоций. Богатство эмоционально-оценочной лексики неразрывно связано с национальным сознанием, национальной культурой, традициями и обычаями. Это инструмент, который воплощает язык и социальный опыт, а эмоции являются частью этой национальной культуры.

Степень разработанности проблемы исследования. Исследователи выдвигали различные подходы к изучению эмоций в языке: лингвокультурологический (А. Вежбицкая, Л.Е. Вильямс), стилистический

(А.Г. Болотов, Т.В. Матвеева), коммуникативный (Г.Е. Змеева, В.А. Маслова, В.И. Шаховский), психолингвистический (Н.В. Витт, Э.Л. Носенко).

Нельзя рассмотреть аспект эмоциональности человека без его связи с сознанием, социальным поведением и мышлением. Отечественными учеными (С. Азнаурова, И.В. Арнольд, Е.М. Галкина-Федорук, В.И. Шаховский и др.) выявлена связь эмоций, находящихся в структуре сознания и мышления, и когнитивных процессов. Человеческая речь создана не для описания, рассуждения и повествования, а для выражения желания. А это, в свою очередь, не может производиться без сопровождения эмоциями [Breal Michel, 1897: 14].

Башкирский язык чрезвычайно богат различными лингвистическими и паралингвистическими средствами выражения эмоций, что отражает особенность национального характера данного этноса. На разных уровнях языка это представляется в применении междометий, синонимов, антонимов, сравнительных оборотов, фразеологизмов, активных синтаксических конструкций.

Актуальность темы обуславливается высокой значимостью средств репрезентации эмоций в башкирском языке, а также недостаточностью изучения проблемы представления эмоций в художественной литературе: область изучения лингвистических и паралингвистических средств и репрезентации эмоциональных состояний остается не до конца исследованной.

В качестве **объекта исследования** выступают выступают разноуровневые средства репрезентации эмоций и их невербальных симптомов в башкироязычных художественных произведениях.

Предметом исследования является функциональная специфика этих средств.

Цель диссертационного исследования – комплексное изучение лингвистических и паралингвистических средств выражения эмоций в башкирском языке на примере художественных произведений.

Данная цель послужила основой для решения таких **задач**, как:

- определение теоретических основ изучения эмоций в психологии и лингвистике;
- описание наиболее частотных лингвистических и паралингвистических средств выражения эмоций в башкирском языке;
- выявление особенностей вербальных и невербальных средств, выражающих эмоциональный компонент в художественных текстах;
- анализ лексических, синтаксических, фонационных и кинетических средств репрезентации эмоций в произведениях Ангама Атнабаева, Диниса Булякова, Ибрагима Гиззатуллина и Назара Наджми.

Материалом лингвистического анализа послужили следующие произведения: драмы Ангама Атнабаева «Ул кайтты» («Он вернулся»), «Әсә хөкөмө» («Суд матери»), а также стихи под его авторством; романы Диниса Булякова «Килмешәк» («Пришелец»), «Гүмер бер генә» («Жизнь дается однажды»), «Туззырылған тамук» («Взорванный ад»), повесть «Асык ишек» («Открытая дверь»); повести Ибрагима Гиззатуллина «Үлгәндән һуң утыз йыл» («Тридцать лет после смерти»), «Юлға сығыр алдынан» («Перед дорогой»), «Ғашиктар баксаһы» («Сад влюбленных»); пьеса «Язғы йыр» («Весенняя песнь») и стихи Назара Наджми. Количество контекстов, используемых для анализа, составляет 1772 единицы.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области: лингвистики и лингвистической семантики (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Н.Н. Болдырев, Л.М. Васильев, В.В. Виноградов, В.В. Воробьев, В.З. Демьянков, М.В. Зайнуллин, В.И. Карасик, В.И. Шаховский и др.), психолингвистики и когнитивной лингвистики (Л.Г. Бабенко, А. Вежбицкая, К. Изард, Дж. Лакофф, Л.А. Калимуллина, У. Кеннон и др.), теории коммуникаций и структуры речи (В.А. Маслова, Ф.Б. Саньяров, П.В. Симонов, З.Г. Ураксин, Р. Якобсон и др.).

Основными **общенаучными методами** исследования в данной работе послужили: наблюдение, обобщение и интерпретация. **Практическими методами исследования** выступили: анализ научных трудов и метод логического сопоставления теоретического материала – для сравнения и обобщения различных научных подходов к проблеме понимания; контекстуальный метод – для выявления репрезентации универсальной дихотомии положительных и отрицательных эмоций в башкирском художественном тексте; метод систематизации – для классификации всей совокупности полученных в ходе исследования средств репрезентации эмоций.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые в башкирском языкознании представлена попытка комплексного междисциплинарного подхода к изучению лингвистических и паралингвистических средств выражения эмоций на примере художественных произведений разных жанров: прозаических, поэтических и драматических.

Теоретическая значимость исследования состоит в восполнении пробела в изучении средств репрезентации положительных и отрицательных эмоций в рамках башкирских художественных текстов. Результаты исследования могут способствовать развитию теории психолингвистики, лингвокультурологии, социолингвистики, эмотиологии и т.д. Значимость исследования с точки зрения семантического, функционально-коммуникативного, лингвокультурологического подходов к репрезентации эмоций обусловлена перспективностью использования материалов диссертации для описания эмоциональной составляющей любой национальной языковой картины мира.

Практическая значимость исследования. Собранный иллюстративный материал и результаты проведенного анализа могут быть использованы при разработке вузовских лекционных курсов по лексикологии, психолингвистике, лингвокультурологии, социолингвистике, эмотиологии и т.д., выполнении курсовых и выпускных квалификационных работ,

магистерских диссертаций. Результаты исследования окажут неоценимую помощь при написании учебников, учебно-методических пособий и программ для средних профессиональных и высших учебных заведений.

Рабочая гипотеза: исследование лингвистических и паралингвистических средств выражения эмоций на примере художественных текстов позволяет выявить духовные ценности, особенности менталитета башкирского народа.

Положения, выносимые на защиту:

1. В башкирском языке функционируют две группы слов, передающих эмоциональное состояние человека: 1) эмоциональная лексика, т.е. слова, которые способны выражать эмоции; 2) лексика эмоций, т.е. слова, сообщающие об эмоциях.

2. В башкирском языке используются лексические и синтаксические способы выражения эмотивности.

3. В башкирском языке используются фонационные и кинетические виды паралингвистических средств выражения эмоций.

4. В произведениях башкирских писателей Ангама Атнабаева, Диниса Булякова, Ибрагима Гиззатуллина, Назара Наджми отражены вербальные и невербальные средства передачи положительных и отрицательных эмоций.

Положения диссертации и ее автореферата **соответствуют паспорту научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России**, а именно: п.4. Лексический строй русского языка, другого языка России (слово как основная единица языка, лексическая семантика, типы лексических единиц и категорий, структура словарного состава, функционирование лексических единиц, развитие и пополнение словарного состава, лексика и фразеология в их связи с внеязыковой действительностью); п.8. Методы исследования языковых единиц и категорий: структурные, функциональные, корпусные, лингвокогнитивные, коммуникативно-прагматические, психолингвистические и стилистические исследования русского языка,

другого языка России; вопросы перевода различных единиц лексического, грамматического, стилистического уровней с одного языка на другой; п.9. Национально-культурная специфика вербального и невербального поведения народов Российской Федерации: традиции и инновации. Социолингвистические аспекты русского языка, другого языка России. Современные языковые ситуации в республиках и регионах Российской Федерации. Проблемы языковой политики и прогнозирования дальнейшего развития национальных языков России в условиях конкретных типов двуязычия.

Степень достоверности и апробация работы. Основное содержание исследования отражено в 16 публикациях автора, в том числе в 6 статьях в научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Основные теоретические положения диссертации были представлены в виде докладов на: Всероссийской научно-практической конференции «Хәбибулла Ғәбитов – шағир, телсе-ғалим, фольклорсы, драматург, йәмәғәт эшмәкәре», посвященной 135-летию со дня рождения Хабибуллы Габделькагировича Габитова (Сибай, 2021), Международной научной конференции «Филологические науки: состояние, перспективы, новые парадигмы исследований» (Уфа, 2021), IV Международной научно-практической конференции «Медиапространство Российской Федерации: глобальный и национальный аспекты», посвященной 80-летию со дня рождения ученого, писателя, литературоведа, лауреата премий им. М. Уметбаева и З. Бишевой, доктора филологических наук, профессора Тимергали Абдулгалимовича Кильмухаметова (Уфа, 2021), Международной научно-практической конференции (к 90-летию со дня рождения Народного поэта Башкортостана Рами Гарипова) «Проблемы национальной словесности и журналистики в поликультурном пространстве: история, современное состояние и перспективы» (Уфа, 2022), X Международной научной конференции «Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии» (Уфа, 2022),

CCLX Международной научно-практической конференции «Молодой исследователь: вызовы и перспективы» (М., 2022), LX Международной научно-практической конференции «Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования» (М., 2022), XVII Всероссийской научно-практической конференции «Проблема жанра в филологии», посвящённой 90-летию со дня рождения Фазу Алиевой (Махачкала, 2022), IV Международной научно-практической конференции студентов ссузов, вузов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Вопросы тюркологии и востоковедения в полиэтническом пространстве», посвященной 75-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента Академии наук Республики Башкортостан, Ишмухамета Гильмутдиновича Галяутдинова (Уфа, 2023), XI Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии» (Уфа, 2023).

Рукопись диссертации обсуждена и одобрена на заседании кафедры востоковедения и башкирского языкознания факультета башкирской филологии, востоковедения и журналистики Уфимского университета науки и технологий.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет, цели и задачи, теоретико-методологическая база, материал и методы исследования, гипотеза, формулируются положения, выносимые на защиту, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, приводятся данные об апробации, описывается структура работы.

В первой главе дается определение понятию «эмоция» в психологии: эмоции рассматриваются как «суждение», определяются разновидности и функции эмоций, прослеживается связь между эмоциональной оценкой и народной психологией; особый акцент делается на лингвистические средства

выражения эмоций: устанавливаются способы выражения эмоций в языке, выделяются наиболее часто используемые языковые средства выражения эмоций, отдельно анализируются особенности языковых средств, выражающих эмоциональный компонент в различных типах текстов.

Вторая глава посвящена вербальным средствам отображения широкого спектра положительных и отрицательных эмоций в творчестве Ангама Атнабаева, Диниса Булякова, Ибрагима Гиззатуллина и Назара Наджми.

В третьей главе рассматриваются паралингвистические средства репрезентации эмоций в произведениях вышеназванных авторов.

В заключении представлены основные выводы по данному исследованию.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ПСИХОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКЕ

1.1. Понятие «эмоция» в психологии

Эмоции – это особая группа субъективных психологических состояний, которые выражаются в виде переживаний, ощущений, отношений человека, процесса и результата практической деятельности. Эмоциональная жизнь многогранна. В один день человек может испытывать такие разнообразные эмоции, как счастье, разочарование, облегчение, раздражение, скука, страх, восторг и удивление. Каждая из этих эмоций отражает несколько уникальных психических состояний [Султанова, 2022: 204].

Нейробиологические исследования показали, что эмоции берут начало в нейронной активности мозга, разные эмоции демонстрируют очень разные модели нейронной активности. Ядром эмоциональной мозговой активности является лимбический передний мозг: таламус, гипоталамус, ретикулярная формация и миндалевидное тело, все из которых являются подкорковыми, а ниже церебрального – нейронная основа – для когнитивной оценки и оценки событий. Таким образом, существуют два нейронных пути, участвующих в активации эмоций: корковый и подкорковый. Активация эмоций через таламо-миндалевидный путь объясняет, как младенцы и очень маленькие дети эмоционально реагируют на боль, и почему взрослые выражают сильные предпочтения и выносят эмоциональные суждения, прежде чем у них возникнут какие-либо эмоции.

Долгие годы психологи стремились сформировать единое мнение касательно природы эмоций. В XVIII-XIX вв. наиболее распространенной теорией об эмоциях являлась интеллектуалистическая, по которой органические проявления эмоций служат следствием психических явлений. Одно из наиболее ёмких определений данного явления дал И.Ф. Гербарт, согласно которому представление является фундаментальным

психологическим фактором [Гербарт, 2007: 15]. Чувства же соответствуют связям, устанавливаемым между представлениями, и рассматриваются как реакция на конфликт между представлениями. Например, образ близкого человека, который покинул этот мир, при сравнении с образом живого вызывает печаль. Данное аффективное состояние вызывается непроизвольно и приводит к органическим изменениям, таким как слезы, которые характеризуют скорбь. Эмоция, как психологическое явление, тяжело отделяется от процессов, которые происходят в организме, а психологические и физиологические характеристики эмоций служат друг для друга объяснением.

В 1872 году Чарльзом Дарвином была опубликована книга «Выражение эмоций у людей и животных», в которой ученый обосновал, что эволюционный принцип, помимо биофизического, относится также к психическому развитию живого, а значит, телесные изменения, сопровождающие эмоции – это рудименты приспособительных реакций организма [Дарвин, 1872].

Идеи Ч. Дарвина стали основой для другой теории, разработанной У. Джемсом и К. Ланге, согласно которой первопричиной эмоций являются именно органические изменения, то есть изначально под действием внешних стимулов в организме происходят соответствующие чувствам процессы, и лишь потом возникает сама эмоция. Уильям Джемс, отец современной психологии, считал, что без осознания физиологических изменений эмоция сведется к «холодному и нейтральному состоянию интеллектуального восприятия» [Джемс, 2011: 48]. Другими словами, ученый полагал, что суждение или когнитивное состояние сами по себе никогда не могут вызвать чувства, и именно физиологические изменения превращают эмоциональность в эмоцию. Можно, к примеру, не одобрять мнение собеседника, но если характерные физиологические изменения отсутствуют, то уже нельзя говорить, что человек эмоционально расстроен из-за этого.

Уолтер Б. Кэннон определил характерный физиологический профиль реакции «чрезвычайная ситуация» или ситуации «дерись или беги» (увеличение мышечного кровотока, увеличение активности потовых желез, повышение уровня глюкозы в крови и т. д.), хотя есть веские доказательства того, что эта реакция возникает в ситуациях стресса, она встречается не во всех эмоциональных состояниях. В частности, это не связано с более пассивными эмоциональными состояниями, например, как печаль.

Все еще остается открытым вопрос о том, можно ли идентифицировать конкретные эмоции с помощью специфических вегетативных изменений. Некоторые теоретики полагают, что для эмоций необходимо только общее возбуждение [Симонов, 1972: 186].

Существуют некоторые свидетельства систематических вегетативных различий между эмоциями. Таким образом, гнев, страх и печаль вызывают большее увеличение частоты сердечных сокращений, чем отвращение, а гнев вызывает большее повышение температуры пальцев, чем страх [Кеннон, 1927: 19]. Но таких результатов недостаточно, чтобы оправдать утверждение о том, что каждая эмоция имеет уникальный физиологический профиль. Это единственное действительно веское доказательство того, что существуют отчетливые физиологические изменения, связанные с различными эмоциями, происходят в результате изучения выражений лица разных культур.

Пол Экман убедительно продемонстрировал, что для нескольких эмоций или семейств эмоций существуют универсальные выражения лица. Он показал, что между разными исследователями, использующими разные методы, существует поразительное согласие в отношении выражений гнева, страха, удовольствия, печали и отвращения. Эти доказательства основаны не только на высоком согласии между грамотными и дописьменными культурами в обозначении этих выражений, но также на исследованиях фактического выражения эмоций, как преднамеренного, так и спонтанного, и связи выражения с социальным интерактивным контекстом [Экман, 2010: 68].

Экман провел несколько различных экспериментов. Наиболее известным является исследование, посвященное людям в Новой Гвинее, которые ранее не имели контактов с жителями Запада. В первой серии экспериментов испытуемым рассказывали историю и просили выбрать из фотографий выражение лица, наиболее подходящее для этой истории. В другой серии экспериментов испытуемых просили сделать само выражение лица; затем выражения их лиц были сняты на видео и показаны студентам, которых попросили идентифицировать выражения.

Интересно, что именно в ходе этого эксперимента Экман также обнаружил доказательство того, что физиологические изменения, характерные для определенной эмоции, могут быть вызваны непосредственно манипуляциями с лицевой мускулатурой. Когда испытуемые двигали лицевыми мышцами, не зная, какое выражение их просили изобразить, наблюдалась активность, как температуры кожи, так и частоты сердечных сокращений, характерная для конкретной эмоции [Экман, 2010: 42]. Другими словами, можно сделать вывод, что изменение выражения лица достаточно, чтобы вызвать изменения вегетативной системы, характерной для определенных эмоций [Султанова, 2022: 92].

По итогам исследований ученый выдвинул идею, что существует по меньшей мере пять основных систем эмоций, которые встречаются у всех людей (и, возможно, у других видов), состоящих из идентифицируемых физиологических изменений и выражений лица, которые повсеместно встречаются в конкретных ситуациях, вызывающих эмоции.

Еще одна теория заключается в том, что, по-видимому, возможны случаи, когда эмоции могут быть без познания или, по крайней мере, существуют случаи, когда когнитивная оценка не является необходимым предварительным условием для эмоции. Существуют доказательства того, что наши самые ранние эмоции или аффекты не требуют сложных знаний.

Основатель бихевиоризма Джон Уотсон (1929) провел несколько печально известных экспериментов над новорожденными. Он обнаружил, что

ограничение способности новорожденного двигать головой было универсальным стимулом для гнева, что внезапная потеря опоры (падение ребенка) была универсальным стимулом для страха, а нежные ласки повсеместно вызывали удовольствие (Уотсон назвал эту реакцию «любовью»).

Нико Фрижда изучил то, что он называл «необученными стимулами» для эмоций среди нескольких разных видов животных. Он отметил, что многие виды, в том числе люди, «инстинктивно» реагируют на странное и необычное. Например, собаки и человекообразные обезьяны боятся людей, одетых или ведущих себя необычно, лошади боятся шуршания пластиковых пакетов, а макаки-резусы в ужасе от механических движущихся монстров. Более того, другие реакции страха, хотя и не врожденные или присутствующие при рождении, легко усваиваются с очень небольшим обучением, например, человеческий страх перед пауками и змеями [Frijda, 1986: 17].

Однако лучшим доказательством того, что эмоции могут возникать до любой когнитивной оценки, являются данные, собранные психологом Робертом Зайонц. Зайонц утверждает, что, по крайней мере, в некоторых случаях возникает «аффект» без какого-либо предварительного «познания» или когнитивной оценки. Психологи склонны говорить об «аффекте» и «познании», а не об «эмоции» и «суждении». Утверждая, что аффект предшествует познанию, Зайонц создает прямую угрозу *теории суждения*.

В экспериментах с «эффектом простого воздействия» Зайонц и других ученых убедительно установлено, что люди предпочитали раздражители, на которые они воздействовали чаще, даже если стимулы создавались так быстро, что субъекты не могли сознательно распознавать то, что они видят. Например, в одном эксперименте Зайонц и его коллега показывали слайды с неправильными многоугольниками группе испытуемых, которые, как это было независимо установлено, появлялись слишком быстро для распознавания. Испытуемых просили различать: какой из двух полигонов им понравился больше, и какой они видели раньше. В этом исследовании

скорость узнавания была практически эквивалентна случайности, но ответы «Нравится» надежно различали те полигоны, которые были «старые» или (в каком-то смысле) «знакомые», и те, которые были «новыми» или «незнакомыми» [Zajonc, 1984: 14].

Чуть позже Зайонц провел еще серию экспериментов, призванных показать, что новые аффективные реакции могут быть вызваны без вмешательства познания. В этих экспериментах он и его коллеги изучали то, что он называл «бессознательным аффективным праймингом», идея которого заключалась в том, чтобы вызвать аффективную реакцию на «нейтральный» раздражитель, такой как китайский иероглиф (предъявленный тому, кто не знает китайского языка), методом «загрунтовки» стимул с «аффективным» изображением, например, изображением счастливого или сердитого человеческого лица.

«Прайм» выставлялся подопытным так коротко, что они не успевали понять, что видели, но все же китайские иероглифы, вдохновленные улыбающимся лицом, оказались намного предпочтительнее, чем те, которые представлялись сердитым лицом. Однако, когда иероглифы предъявлялись медленнее, чтобы их можно было сознательно распознать, этот эффект прайминга исчезал [Zajonc, 1984: 26].

Альтернативную точку зрения на связь эмоциональных и органических процессов предложил американский психофизиолог Уолтер Кэннон. Он утверждал, что, несмотря на биологическую целесообразность телесного проявления эмоций (предполагалось, что они являются предварительной «настройкой» организма к ситуации, когда от него потребуется повышенная трата энергии), они очень похожи друг на друга и не могут объяснить качественные различия в высших эмоциональных переживаниях человека. [Кэннон, 1927]. Положения Кэннона были развиты в исследованиях Филлипа Барда, который показал, что эмоциональные переживания и соответствующие им органические изменения возникают почти одновременно и отвечают за это центральная часть лимбической системы и гипоталамус [Elliot, 1990].

Однако, занимаясь изучением специфических особенностей проявления эмоций, нельзя забывать о том, что в большинстве случаев чувства носят исключительно личностный характер, то есть в них отражаются значения предметов и ситуаций для конкретного человека.

1.1.1. Разновидности эмоций

Жизнь без эмоций невозможна, ведь они, как утверждал Чарльз Дарвин [Дарвин, 1872: 8], являются средством установления важности путей для реализации потребностей, а выражение эмоции движения выполняет еще и информационную функцию. Жесты, мимика, пантомимика – все это позволяет человеку судить о состоянии говорящего и его отношении к тому, что с ним происходит. Интерпретация таких движений, как правило, происходит на основании соотношения движений с контекстом общения. Следовательно, чувства содержат в себе информацию о каком-либо объекте либо ситуации, а не только выражают отношение человека. Эмоции при этом имеют признаки, которые отделяют их от познавательных процессов человеческой психики. Например, они полярны в положительном и отрицательном значениях: счастье – горе, уверенность – сомнение, радость – грусть и т. д. В тяжелых жизненных ситуациях данные полюсы формируют противоречивое единство. Например, страх и беспокойство следуют за любовью к человеку.

По классификации эмоций существуют два противоположных мнения, согласно одному из них, у человека от рождения заложены базовые эмоции, на основе которых в дальнейшем он способен выражать свои чувства [Когнитивная психология, 2002: 142].

Другие ученые, наоборот, считают, что при рождении у человека нет набора основных (базовых) эмоций. Все эмоции приобретаются с течением жизни человека и зависят от его социальной среды, культуры и обучения. Авторы называют разное число базовых эмоций. Так, Пол Экман выделяет шесть основных базовых эмоций: удовлетворение, удивление, интерес,

печаль, страх и гнев [Экман, 2010]. К. Изард указывает девять эмоций: интерес, удивление, радость, гнев, горе, презрение, страх, отвращение, стыд [Изард, 1980].

Эмоции – психический процесс, который состоит из трёх главных компонентов и является комплексным:

1. Психологический компонент – собственно переживание (радость, страх, горе и др.).

2. Поведенческий компонент – действия (борьба, бегство и пр.) или экспрессия (жесты, мимика).

3. Физиологический компонент, который представляет собой трансформацию физиологических систем, возникающих при эмоциях (изменение частоты сердечных сокращений, сдвиги в обменных процессах, изменение частоты дыхания и т.д.) [Когнитивная психология, 2002: 17].

Первый компонент так же, как и третий, описывает внутреннее проявление эмоций, второй же играет роль разрядки излишков эмоциональной энергии. Принятые общественные нормы расставляют границы проявления таких эмоций, сдерживают их, отчего человеку необходимо выразить излишнюю энергию в рамках принятых и приемлемых движений, действий. Например, спорт, подвижные игры, танцы, бытовые действия, ходьба и т.д. С этой целью В.В. Бойко введено понятие трансформации внешних и внутренних воздействий в положительную, нейтральную или отрицательную энергию поведения и состояния [Когнитивная психология, 2002: 36].

В.В. Бойко также определяет устоявшиеся стереотипы в эмоциональном поведении индивида: 1) внешняя дисфорическая активность; 2) внутренняя рефракторная активность; 3) внешняя эйфорическая активность.

Первый стереотип охарактеризован энергетикой внешних воздействий, выражаемых в негативных актах поведения и состояниях психики. Вторым стереотипом определён энергетической составляющей, которая обращается на самого индивида. Она затормаживает или вовсе блокирует поведение. Последний стереотип выражен энергетическим потенциалом человеческих

эмоций, трансформируемый в позитивное состояние психики и поступки [Когнитивная психология, 2002: 76].

Проявления в поведении есть у всех этих стереотипов. Для внешней дисфорической активности может быть характерным проявление деструктивных и негативных чувств по отношению к окружающим. Внутренняя рефракторная активность выражается в стремлении к избирательности контактов, спокойному образу жизни, сокрытию истинных чувств и желаний, мнительности, застревании на аффективных состояниях. Проявление внешней эйфорической активности выражено в способности веселиться, радоваться, а также в партнерстве и сотрудничестве.

В зависимости от ситуации человек может проявлять любую из форм эмоциональной энергии. Несмотря на это у любого индивида есть стереотип, который доминирует над остальными. Исследователи пытались классифицировать эмоции по критериям на протяжении всей истории психологии, однако так и не смогли прийти к единому мнению.

Рене Декарт является автором одной из первых классификаций чувств. Он выделил 6 видов эмоций: любовь, ненависть, удивление, печаль, радость и желание. Исследователь полагал, что эти чувства являются базовыми, в то время как остальные эмоции – это лишь плоды их сочетаний [Когнитивная психология, 2002: 39].

Стоит отметить, что эти классификации являются, скорее, просто перечислением чувств. Попытки же по-настоящему классифицировать эмоции, опираясь на какие-либо основания, делали другие исследователи.

Например, В.М. Вундт отдельно описывал триаду чувств с направлениями, разделяя напряжение и разрешение, удовольствие и неудовольствие, возбуждение и спокойствие [Когнитивная психология, 2002: 49]. Эта триада помогала характеризовать любую эмоцию и уровень ее градации от напряжения к разрядке.

Г. Шлозберг (рис. 1) также закладывал 3 переменных в основу своей квалификации. На рисунке можно увидеть ось удовольствия-неудовольствия

(определяет полюс эмоционального переживания), ось, которая отражает уровень активации с такими полюсами, как сон-напряжение. Третья же ось – это принятие-непринятие.



Рис. 1. Классификация эмоций (по Шлосбергу).

Представляет интерес классификация, которую разработал П.В. Симонов. В ней тоже учтены три основные переменные: информационная характеристика среды, величина потребности, а также характер взаимодействия с объектом (Рис. 2).

Величина потребности	Информационная характеристика среды	Контактное взаимодействие	Дистанционное взаимодействие		
	Овладение, обладание	Избегание, защита	Преодоление, борьба		
Высокая	$I_c > I_n$	Удовольствие, наслаждение	Восторг, счастье, радость	Бесстрашие, смелость, уверенность	Торжество, чувство, преодоления, превосходство, воодушевление, бодрость
Малая	$I_c = I_n$	Комфорт	Спокойствие	Расслабление	Невозмутимость
Высокая	$I_c < I_n$	Неудовольствие, отвращение, страдание, шок (запредельное торможение)	Беспокойство, печаль, горе, отчаяние, депрессия	Настороженность, тревога, страх, паника, оцепенение	Нетерпение, негодование, злость, гнев, ярость, бешенство, иступление, переходящее в депрессию

Основным достоинством этой классификации является то, что она помогает спрогнозировать характер и силу переживаний, если учесть влияние внутренних и внешних факторов. Классификация включает в себя обширный спектр различных эмоций.

Есть четыре основных феномена, которыми представлены эмоции: чувства, эмоциональные реакции, эмоциональные свойства, эмоциональные состояния.

Эмоциональные реакции – это само непосредственное протекание, переживание определённой эмоции. Они основываются на базовых потребностях, при этом связаны с действующими обстоятельствами напрямую. Например, радость от долгожданной встречи или испуг от резкого звука [<http://slovari.yandex.ru>].

Чувства – более стойкие образования психики, это сложный вид эмоционального отношения человека к сторонам действительности, характеризующийся как устойчивый. Формируются чувства на базе вторичных, духовных, потребностей. Чувства отличаются большей длительностью в отличие от эмоциональных реакций. Чувства можно разделить на интеллектуальные, нравственные и эстетические. Такое деление зависит от предметной сферы, к которой относятся эмоции.

Интеллектуальные чувства – те переживания, которые проявляются в процессе интеллектуальной деятельности, например, удивление, любопытство, сомнение, интерес и т.д.

Нравственные чувства – отношение личности к поведению. Это относится и к собственному поведению, и к поведению окружающих. Основанием такого отношения служит сравнение с нормами, которые были выработаны обществом (чувство долга, любовь, дружба, гуманность, доброжелательность, сочувствие и др.).

Эстетические чувства – те, которые проявляются при созидании, они представляют эмоциональное отношение человека к прекрасному в жизни

людей, в искусстве или природе (чувство восхищения картиной, чувство любви к музыке).

Такие эмоциональные состояния могут быть охарактеризованы изменениями нервно-психического тонуса. Они базируются на согласовании между потребностями и возможностями.

Эмоциональные свойства могут включать в себя особенности эмоционального реагирования, которые характерны для индивида, такие как эмоциональная возбудимость, эмпатия, лабильность, алекситимия и т.д. Данные свойства могут быть показателями особенностей нервной системы и темперамента или являться следствием физических или умственных патологий.

Следующая отличительная черта эмоций – энергетическая насыщенность. Зигмунд Фрейд выделил такое понятие, как «энергия», он связывал его с эмоциями, отмечая, что энергетика эмоций начинает проявляться в полярности напряжения и разрядки.

Есть два вида эмоций: стенические и астенические, первые сопровождаемы подъёмом активности (гнев, восторг), во втором случае происходит понижение активности (грусть, печаль). Говоря о характеристиках эмоций, важно также выделить интегральность и целостность. Индикаторами эмоционального состояния становятся изменение частоты пульса, дыхание, температура тела, артериальное давление и т.п.

Психические процессы не могут существовать отдельно от эмоций. Они могут задавать эмоциональный тон ощущениям, например, «приятное» – «неприятное», в мышлении же – как его интеллектуальные ощущения (интерес, вдохновение и др.).

Эмоции могут отражать и субъективную значимость какого-либо объекта, при этом они не дают знаний о характеристиках и свойствах, потому и не могут являться познавательным процессом [Когнитивная психология, 2002: 18].

Вегетативное возбуждение обычно продолжается даже после того, как когнитивный мониторинг изменил оценку ситуации. Эта более сложная картина эмоций заключается в том, что Соломон ошибается, говоря, что как только оценка того, что меня, к примеру, обидели, изменится, эмоция гнева исчезнет. На самом деле физиологические изменения, связанные с гневом, не могут исчезнуть, как только произойдет изменение суждения. М. Элиот также подчеркивает, что наша эмоциональная жизнь течет «потоками», которые постоянно меняются в ответ на постоянно меняющиеся оценки, постоянно развивающиеся действия и тенденции действия. Только после того, как процесс завершится, мы можем определить процесс «в воспоминании» как относящийся к «одной из знакомых эмоций, определенных древними и современными таксономистами» [Elliot, 1990: 300].

Предположим, мой отец уходит из семьи. Меня, наверное, захлестнет поток разных эмоций, разных аффективных оценок, неприятных ощущений и физиологических изменений: буйство, истерики, маниакальность или вялость. Я могу быть смущена тем, что думаю о ситуации, и тем, чего я хочу, находясь в наибольшей опасности. С одной стороны, могу думать, что меня предали, с другой, что я ничего не стою и заслуживаю того, чтобы меня бросили. С третьей стороны, я могу полагать, что понесла невосполнимую утрату или, наоборот, считать его последним негодяем. Или могу едва осознавать, что о чем-то думаю. В любом случае, могу иметь лишь самые смутные представления о последовательности аффективных оценок и когнитивных переоценок, которые, действительно, имели место во временной последовательности. Однако позже, когда у меня появится возможность поразмыслить над своими различными эмоциональными реакциями, я могу перечислить их в памяти и описать свое состояние в терминах понятий эмоций.

Я была обижена, опечалена, подавлена, ревнива, напугана и так далее. Этот поток событий значительно отражает зависимость от концепции эмоций, находящихся в моем распоряжении в языке и культуре, в которых я живу. И,

конечно, я могу ошибаться в своих оценках и решить, что моя основная эмоция – обида, тогда как мое поведение, физиологическое состояние и выражение лица показывают, что преобладающую реакцию лучше всего описать как горе. То, как мы классифицируем наши эмоции, во многом будет зависеть от понятий, доступных нам в нашей культуре.

Когда мы «каталогизируем» эмоцию, мы обычно распознаем определенный тип ситуации как когнитивно оцененную определенным образом в свете определенного набора желаний и интересов.

Есть разные жизненные ситуации, разные ценности, интересы и так далее, поэтому не удивительно, что разные культуры каталогизируют эмоции по-разному. Однако объяснение поведения ссылкой на обычные языковые понятия для эмоций – ревности, зависти, амаэ, фаго – это постфактумная когнитивная оценка в терминах народной психологии, резюмирующая конкретный эмоциональный процесс, определенную последовательность событий.

1.1.2. Функции эмоций

В психологии до сих пор нет единого описания функций эмоций. Макк Дауголл (1920) считал эмоции рудиментами, говоря о том, что это всего лишь аффективный след инстинкта, при этом он, как и любой рудимент, обречен постепенно исчезнуть.

Побуждение и стимуляция к какой-либо деятельности являются основными функциями эмоций. Так, страх помогает избежать опасности, интерес, напротив, удерживает внимание на каком-либо объекте. Эмоции могут активизировать процессы психики благодаря энергетической насыщенности. Именно с этим связана мобилизация организма в ответственных и стрессовых ситуациях. При этом слишком длительное эмоциональное напряжение тоже может отрицательно сказываться на результате деятельности. Так, Закон Йеркса-Додсона (по имени американских исследователей Йеркса и Додсона) доказывает нам, что эмоции влияют на

продуктивность деятельности человека. Согласно этому закону, продуктивность деятельности возрастает с увеличением уровня эмоций до известного предела; далее результат ухудшается и в итоге приводит к снижению показателей деятельности человека (рис. 3).

Рис. 3. Закон Йеркса-Додсона (графическое отображение).



Эта проблема также стала одной из тем современной дискуссии по вопросам значимости эмоций среди «физиков» и «лириков». Физики считают, что развитое мышление не просто могло бы существовать без эмоционального сопровождения, но и должно. Выраженные эмоции способны исказить восприятие действительности, становиться препятствием на пути к достижению поставленных целей. Но для чего тогда эмоции нужны в современном мире? Какие у них функции?

Эмоции – это регуляторы, они прямо связаны с потребностями человека; этот механизм направлен на удовлетворение потребностей. Соотношение потребностей и эмоций наиболее отчетливо представлено П.В. Симоновым в его информационной теории эмоций [Симонов, 1970]. Эмоции, согласно данной теории, рассматриваются как производные от интенсивности и

качества потребности и вероятностной характеристики среды. Эта зависимость может быть выражена формулой:

$$\mathcal{E} = \Pi (I_c - I_n),$$

где \mathcal{E} – это эмоция, ее сила и знак;

Π – это величина актуальной потребности;

I_c – информация, которая существует в настоящий момент;

I_n – информация, которая необходима для удовлетворения потребности.

Это значит, что если $\Pi = 0$ (потребность отсутствует), то эмоции не возникают; в случае, если $I_c = I_n$, то есть человек владеет необходимой информацией для удовлетворения потребности, происходит то же самое. Однако при нехватке такой информации эмоция способна достигать максимальных значений (тревога, страх перед неизвестностью, беспокойство либо состояние недовольства, когда нет возможности удовлетворить пищевую потребность). Или, например, при ее избытке, когда $I_c > I_n$, человек может ощущать позитивные эмоции, расслабляется и успокаивается [Когнитивная психология, 2002: 147].

Человек всё время соотносит информацию о потребности и возможности её удовлетворить, в зависимости от соотношения испытывает различные эмоции, осуществляющие регуляцию поведения.

Также у эмоций есть оценочная функция. Она помогает оценивать значимость ситуаций, зачастую в условиях нехватки информации и времени. Эмоциональное окрашивание чаще всего отражается в отсутствии должного логического анализа в ситуациях, где информации о ситуации недостаточно. Эмоциональный фон выполняет функцию регулятора и помогает принять решение о пользе или вреде объекта.

П.В. Симонов описывал, как оценочная функция помогает решить ряд задач, при этом возникновение эмоционального восприятия играет важную роль в выборе партнера, спутника жизни, а также помогает выжить в неизвестной среде и т. д. [Симонов, 1982: 15].

Есть предположение, что существует аффективная или некогнитивная оценка, которая касается тех вещей, которые «имеют значение» для организма; это происходит очень быстро, автоматически и ниже порога осознания, а также вызывает физиологические изменения, такие как усиление гальванической кожи, отклик [Zajonc, 1984].

Сам Зайонц интерпретирует свои результаты как доказательства, влияющие на эмоции, физиологию и интенсивность, когнитивная оценка не является необходимой для эмоции. Тем не менее данные, которые он приводит, могут быть столь же правдоподобно истолкованы как показатели того, что, по крайней мере, некоторые эмоции связаны с примитивными оценками, возникающими ниже сознания и независимо от «высшей» когнитивной обработки.

Точно так же в экспериментах по восприятию испытуемые «оценивали» некоторые слогги как угрозы. Конечно, классифицируются ли эти оценки как «некогнитивные» и «аффективные», зависит от того, что вы подразумеваете под аффектом и познанием. Однако, если автоматическая оценка удовольствия, отвращения или новизны считается аффектом, можно согласиться с тем, что аффект может возникнуть до какой-либо высшей когнитивной обработки. С эволюционной точки зрения кажется правдоподобным предположение, что быстрые (автоматические) оценки являются адаптивными только потому, что они проводятся чаще, быстрее, чем «высшие» когнитивные процессы, и моментально приводят организм в состояние готовности к действию. Может быть, предпочтительнее знать сразу же: является ли что-то в окружающей среде дружественным или враждебным, лекарством или ядом, и подготовиться к соответствующим действиям.

Следует помнить, что эмоциональные оценки касаются важных вопросов и что эмоции фокусируют наше внимание на тех аспектах окружающей среды, которые мы оцениваем, как решающее для нашего выживания и благополучия. Когда мы делаем эмоциональные оценки окружающей среды, мы не задаем ей вопросы в духе философского

исследования или интеллектуального любопытства. Мы оцениваем аспекты мира с точки зрения его влияния на наше благополучие.

Эмоциональные оценки приводят к изменениям вегетативной нервной системы и двигательной активности, в том числе мимики. Во многих случаях необходимо уметь сигнализировать о своем эмоциональном состоянии и обладать эмпатией. Выражение лица разгневанной гориллы предупреждает других горилл, что им лучше отступить, если они хотят избежать нападения. Точно так же, если человек смотрит на нас сердито, мы сразу понимаем, что нам лучше отступить и выглядеть скромным, если мы хотим избежать неприятностей. Интерпретация выражения чужих эмоций может быть не всегда быстрой, но все же лучше иметь организм, который может ошибиться, быстро принимая решение и перепутать улыбку с рычанием, чем тот, который делает паузу для обдумывания и подвергается нападению. Эти результаты предполагают, что одна из важных биологических функций эмоций состоит в том, чтобы выбрать из множества конкурирующих раздражителей те, которые важны для желаний, целей и интересов организма, и которые нуждаются во внимании.

Последующие двигательные и вегетативные изменения сигнализируют о том, в каком состоянии находится организм, и готовят его к последующим действиям. Центральное место в эмоциях занимает аффективная оценка, которая очень быстро оценивает аффективную значимость, то есть то, что поставлено на карту для нужд и интересов организма в этой конкретной встрече с окружающей средой.

В серии статей, итогом которых стала книга «Эмоциональный мозг» (1996 г.), нейрофизиолог Жозеф Леду утверждал, что не существует единого феномена под названием «эмоция», а есть всего лишь разновидность эмоциональных систем [Joseph Ledoux, 1999: 132]. Эмоции не свойственны только людям или «высшим» животным; основные эмоциональные системы можно обнаружить у многих «низших» видов, даже у насекомых и рыб. Эти

базовые эмоциональные системы существуют таким образом, чтобы организм мог справляться с возникающими жизненными вызовами.

Можно предположить, что базовые эмоции являются адаптированной в ходе эволюции системой определенных видов чувств, возникающих во время взаимодействия между организмом и окружающей его средой. Ж.Леду считает, что список основных эмоций соответствовал бы списку «особого адаптивного поведения, который имеет решающее значение для выживания» [Joseph Ledoux, 1999: 18].

Его «рабочая гипотеза» заключается в том, что «разные классы эмоционального поведения представляют разные виды функций, которые заботятся о различных проблемах для животного и имеют разные системы мозга, посвященные им». Эмоциональная система, которую Ж.Леду изучил наиболее полно, – это система страха. Объектом его исследования был условный страх у крыс, но его исследование имеет важное значение для естественного страха, в том числе страха у людей, а также для изучения общих эмоций. Ж.Леду считает, что какой бы ни была теория, «ядро» системы эмоций – это «механизм вычисления аффективной значимости стимулов» [Joseph Ledoux, 1999: 271]. Другими словами, организм может как-то оценивать эмоциональную значимость стимула. Результаты Р.Зайонца (среди прочего) показывают, что такая «оценка» может происходить очень быстро до любого сознательного познания или сложной обработки информации.

Ж.Леду предлагает рассматривать эмоции и познание как «отдельные, но взаимодействующие психические функции, опосредованные отдельными, но взаимодействующими функциями мозга» [Joseph Ledoux, 1999: 236]. Первоначальная реакция на страх возникает «эмоциональной оценкой» в миндалевидном теле, которая происходит очень быстро и до когнитивного вмешательства. Последующая более медленная «когнитивная оценка» может более тщательно идентифицировать стимул, оценить уместность предварительного автоматического ответа и, предположительно, предпринять

попытку изменить и контролировать как первоначальные, так и последующие реакции организма.

Как говорилось ранее, Соломон утверждает, что эмоции «включают в себя и относительно интенсивные оценочные суждения», которые являются «неотложными» и «особенно важными для нас, касающимися вопросов, которые мы вложили в себя» [Solomon, 1995: 250]; эмоциональные реакции – это «аварийное поведение» [Solomon, 1995: 236].

Понятие некогнитивной аффективной оценки очень хорошо объясняет те черты эмоционального «суждения», на которые указывает Соломон. Аффективная оценка действует очень быстро и срочно в ситуациях, когда человек или другой организм жизненно заинтересованы в том, что происходит; это касается вопросов, «которые для нас особенно важны». Оценка немедленно делает человека физиологически подготовленным к возможным «аварийным» действиям. Весь процесс отличается «напряженностью» и требует его исключительного внимания. Но, строго говоря, интенсивна не столько оценка, сколько физиологическая деятельность, которую она вызывает. Эта деятельность, в свою очередь, помогает сосредоточить внимание на том, что считается неотложным, и готовит к экстренным действиям, если это необходимо. Лайонс считает, что эмоциональная реакция – это физиологическая реакция, вызванная оценочным суждением [Joseph Ledoux, 1999: 236]. В этом тоже есть доля правды.

Физиологические реакции, характерные для определенных эмоций, действительно, вызываются аффективными оценками. В то же время мы, кажется, столкнулись с дилеммой. С одной стороны, у нас есть доказательства того, что эмоциональные реакции вызываются некогнитивными аффективными оценками, но аффективные оценки являются простыми оценками. Возможно, можно представить, как «Мне это не нравится!» или «Это угроза!». Эти оценки не могут сделать тонкую дискриминацию. С другой стороны, можно передать многие эмоции, для которых в нашем языке есть названия, которые определяются в терминах сложных когний. Учитывая

описание Ж.Леду быстрых путей, которыми они пользуются, это кажется невозможным для грубых и готовых аффективных оценок, чтобы различать тонкие различия между стыдом и виной, ревностью и завистью. Но сложные познания недостаточны сами по себе, чтобы вызвать эмоциональный отклик.

Модель Ж.Леду предлагает ответ на нашу дилемму: что происходит в простом эмоциональном эпизоде. Даже в простых случаях, которые он изучал, аффективная оценка вызывает вегетативные и моторные изменения, что удалось зафиксировать с помощью когнитивного мониторинга. Другими словами, простое чувство представляет собой процесс, включающий ряд различных событий, в частности, включая как аффективные, так и когнитивные оценки. На этой модели именно аффективная оценка вызывает вегетативные и двигательные изменения и превращает эмоциональность в эмоцию, как сказал бы Джеймс. А также, по-видимому, эти аффективные оценки различаются в грубой и готовой форме между различными системами эмоций, такими как страх, гнев, печаль и удовольствие. Кажется вероятным, что более тонкие различия делаются когнитивно, поскольку когнитивная оценка и переоценка также являются частью процесса эмоций.

У сложного познания есть много возможностей сыграть важную, причинную, роль в развитии эмоционального процесса. Что мы привыкли называть разными эмоциями, на самом деле будет результатом разных эмоциональных процессов, включающих различные когнитивные оценки.

Важно помнить, что в эмоциональном процессе существует различного рода непрерывная обратная связь от одного события к другому. Например, физиологические изменения могут помочь сосредоточить наше внимание на том, что важно для нас в данной ситуации. Вегетативное возбуждение может подтолкнуть нас к действию. Субъективные ощущения также могут усиливать внимание и в дополнение могут служить источником информации о том, на что человек реагирует и как это важно. Когнитивные оценки и переоценки могут модифицировать склонность к действию, физиологические изменения и субъективные ощущения.

Отреагировав инстинктивно замиранием или напряжением, человек может увидеть, что ситуация больше не угрожающая, поэтому он расслабляется, сердце перестает колотиться, его чувства постепенно успокаиваются.

Тенденции действия, вызванные аффективной оценкой, такой как замирание в страхе или напряжение в гневе, часто меняет саму ситуацию – может быть, враг отступает – и так косвенно меняет человеческую оценку ситуации и тем самым влияет на его последующее поведение.

Психолог Фиби Элсворт указала, что различные события, происходящие в эмоциональном процессе, сами по себе являются процессами, которые в какой-то мере разворачиваются независимо и управляются собственным временным курсом [Frijda, 1986: 19].

1.1.3. Эмоциональные оценки и общественное восприятие эмоций

Картина эмоций, которая описана нами выше, согласуется с народными психологическими представлениями об эмоциях. Предположительно, существует набор встроенных механизмов аффективной оценки, который у более примитивных видов и у новорожденных автоматически настраивается на определенные стимулы, но который по мере того, как люди учатся и развиваются, может также принимать в качестве входных данных более сложные стимулы, в том числе сложные «суждения» или мысли. Более того, хотя эти аффективные оценки лежат в основе эмоционального процесса, они всегда уступают место когнитивным оценкам и переоценке, которые могут положить конец эмоциональному эпизоду или изменить его. Система страха реагирует не только на «большого черного медведя», но и также на гораздо более тонкие угрозы, требующие когнитивной обработки. А также его результаты всегда могут включать некоторые симптомы экстренной реакции (учащение пульса и т. д.), последующая когнитивная оценка и переоценка могут привести к целому ряду других видов поведения.

Эмоциональная оценка всегда инициирует эмоциональную реакцию, но эта аффективная оценка может сама по себе быть оценкой какой-то когнитивно сложной информации («Мой начальник оскорбил меня»). Кроме того, он волей-неволей вызывает физиологические изменения, что уступит место дальнейшей познавательной деятельности, которая изменит наши ответы («Хотя мое сердце колотится, я понимаю, что будет лучше, если я весело улыбнусь»). Оглядываясь назад, эмоциональный процесс такого рода можно каталогизировать в памяти как одну из эмоций, которую мы признаем в народной психологии (в конкретном случае – страх).

Далее кратко остановимся на том, почему эта гипотеза разумна как общая гипотеза об эмоциях. Реакции, изученные Ж.Леду, – это очень простые реакции, в которых есть аффективная оценка простого стимула, за которой следует характеристика реакции страха. Однако, вполне возможно, что те же нейронные механизмы могли бы работать с гораздо более сложными входными данными. Рассмотрим случай фобии. В фобическом состоянии человек приобретает эмоциональную память о каком-то травматическом событии, которое может быть связано с определенным раздражителем. У Пэт Гринспен есть пример фобического страха перед заносом, который развился в результате резкого заноса на снегу. Теперь даже легкий занос в безопасных условиях на сухой дороге заставляет ее задыхаться от страха. Кажется, что происходит то, что конкретный раздражитель – в данном случае занос – обладает способностью автоматически вызывать эмоциональную реакцию. Гринспен научилась связывать занос с аффективной оценкой страха, независимо от того, действительно ли она в опасности. В этом случае входная информация [Бижева, 2000: 56] – легкий занос на сухой дороге, но реакция – полноценная реакция страха. Точно так же у Соломон Рорти есть пример мужчины, который обижен на женщин у власти, хотя он искренне считает, что это не так. Соломон Рорти объясняет ситуацию своими неоднозначными чувствами к матери, в чьей любви он никогда не был уверен. Как рассказывает Рорти, человек автоматически реагирует с обидой на новую женщину-

начальницу, прежде чем он узнает что-нибудь о ней. Независимо от деталей дела, мысль – «Вот женщина-руководитель» – немедленно и автоматически приводит к неблагоприятной аффективной оценке [Solomon, 1995: 258].

Мораль, которую мы хотим извлечь из этих случаев, состоит в том, что аффективная оценка может быть вызвана сложным выученным стимулом так же легко, как и стимулом, который запрограммирован на такой ответ. Во всех этих случаях сложный раздражитель – например, мысль о том, что перед нами женщина во власти – закрепился в эмоциональной памяти, так что он автоматически вызывает эмоции. Ж.Леду объяснил разницу между декларативной и эмоциональной памятью о пугающем событии, таком как автомобильная авария. Декларативная память опосредована височной системой и не имеет эмоциональных последствий. Я помню такие вещи: как, с кем я был, и какая машина у меня была. Однако, можем одновременно испытывать «аверсивную эмоциональную память» и текущую телесную реакцию, опосредованную «системой эмоциональной памяти», такой как имплицитная система памяти о страхе, включающая миндалевидное тело. Два воспоминания могут сливаться в сознании так, что мозг будет эмоционально возбужден травмирующей ситуацией; или я смогу забыть обо всем, что касается декларативной, то речь идет о памяти, и все же такой сигнал, как вид автомобиля, точно такой же, как тот, за рулем которого я был, вызовет эмоциональную реакцию. Существует достаточно доказательства Ж.Леду и других, что есть разные системы памяти для декларативной памяти и эмоциональной памяти. Это показывает, что существуют нервные пути, благодаря которым усвоенные стимулы могут мгновенно вызывать аффективную оценку и эмоциональные реакции. Если идея о том, что эмоции требуют аффективной оценки, верна, объясняет, почему эмоции всегда считались пассивными состояниями, и насколько это соответствует действительности. Мы предполагаем, что аффективная оценка является неотъемлемой частью эмоционального состояния. В простейших случаях аффективная реакция заранее запрограммирована в организме, как, например,

когда мы (и множество других организмов) на внезапный громкий звук реагируем вздрагиванием. Более сложные случаи связаны с желаниями и интересами, которые были приобретены или выучены, но это все еще вызывает автоматическую оценку «Мне это нравится!» или «Мне не нравится!» или, возможно, «Это опасность!» или «Это угроза!» Таким образом, понятие некогнитивной оценки, производимой автоматически и автоматически приводящей к физиологическим изменениям, объясняет, почему традиционно эмоции трактовались как «страсти», как явления, которые воздействуют на нас, а не находятся непосредственно под нашим контролем, а не как «суждения», которые мы сознательно и вдумчиво способны сделать. Некогнитивные аффективные оценки не поддаются контролю, разве что косвенно [Психология эмоций, 1984: 220].

Сторонники теории суждения утверждают, что объяснение человеческих эмоций лежит в области народной психологии, обычно в терминах желаний и убеждений, характерных для человека. Всё же их объяснение не дает научного обоснования последовательности событий эмоционального процесса. В лучшем случае они подводят своего рода постфактум, резюме. Фактическая последовательность познания, аффективных и когнитивных оценок, физиологических реакций, склонности к действию и т.д. вряд ли достоверно выявляется с помощью самонаблюдения или кабинетной психологии. Тем не менее, в некотором смысле сторонники теории суждения в конце концов настаивают на том, что мы можем описать эмоции, распознаваемые нашей культурой с точки зрения определенных верований и желаний. Представители теории суждения находят объяснение чувствам «ревности» или «стыда» в природе человека, резюмируют с точки зрения того, как культура понимает, какая ситуация произошла, какие убеждения о ней были у человека, и что из его или ее желаний, целей, интересов и ценностей были поставлены на карту. Чувства пытаются организовать эмоциональную среду в нашей конкретной культуре.

Эмоции, действительно, отличаются особыми потребностями и интересами, делают ставку на какую-то ситуацию и тем, как данная ситуация оценивается когнитивно в свете конкретных желаний и интересов. И эти желания, интересы и оценки могут быть специфическими для какой-то конкретной культуры.

Но это не противоречит идее о том, что аффективная оценка всегда устанавливается от эмоционального процесса. Точнее, аффективная оценка «оценивает» ситуацию с точки зрения нескольких простых категорий («Это враг!» – «Это друг!», «Мне это нравится!» – «Мне это не нравится!»), и это вызывает физиологическую активность, склонность к действиям и изменению выражения лица, составляющие эмоциональную реакцию.

Мы можем сказать, что эмоции тесно связаны с потребностями человека, его состоянием. Если в отношении какого-то объекта нет выраженных потребностей, то сложно ожидать сильных эмоций, связанных с данным объектом (исключение составляет чувство юмора: смеяться человек готов над чем угодно). Эмоции являются важным психологическим инструментом обеспечения социального бытия человека, появляются и существуют у человека как необходимая сторона его душевной жизни. Они оказывают сильное воздействие на физиологические функции человека, образуя вместе с ними единую психофизиологическую систему.

Эмоциональные состояния зависят от характера психической деятельности. При хорошем настроении у человека активизируется познавательная и волевая деятельность. Эмоциональные состояния переменны, но в них отражаются индивидуальные особенности личности. В основном, абсолютное большинство людей при любых индивидуальных особенностях имеют смешанные показатели активности, напрямую зависящие от самочувствия и настроения человека [Психология эмоций, 1984: 27].

Таким образом, являясь важным психологическим инструментом обеспечения социального бытия человека, эмоции возникают и существуют у человека как необходимая сторона его душевной жизни. Они оказывают

сильное воздействие на физиологические функции человека, образуя вместе с ними единую психофизиологическую систему. Благодаря этой единой психофизиологической системе эмоции сопровождаются большими или меньшими изменениями функций организма.

1.2. Лингвистические средства выражения эмоций

Выражение эмоций в языке в качестве объекта лингвистики начали изучать относительно недавно, во второй половине прошлого столетия. На сегодняшний день предложены разные теории, подходы к исследованию этого феномена с целью объяснить, какие именно слова могут являться нагруженными эмоционально, а какие – не содержат эмоций. Теоретический и практический интерес вызывают факторы, которые заложены в слове и обуславливают именно эмоциональную коммуникацию.

Исследователи интересуются значениями слов, ситуациями, в которых их употребляют, и тем, каким образом они могут выражать чувства и мысли. Хотя в лингвистике сегодня существует термин «эмотивность», «имманентное свойство выражать системой собственных средств эмоциональности, являющую собой факт психики, присущее языку; индивидуальные и социальные эмоции, которые отражены в семантике единиц языка», по сей день он имеет очень размытый характер [Шаховский, 1987: 16].

Проблему эмоций и языка сегодня исследователи решают на стыке нескольких направлений: стилистическом, когнитивном, психолингвистическом, структурно-семантическом и лингвокультурологическом. Эмоция является междисциплинарным феноменом.

Однако, прежде всего, нам стоит определиться с тем, что из себя представляет слово «эмоция». По определению, представленному в «Словаре лингвистических терминов» [Ахманова, 1966], эмоции относят к «внешним проявлениям чувств». Эмоция определяется как «душевное переживание, волнение, чувство, часто сопровождаемое какими-нибудь инстинктивными

выразительными движениями» [<https://www.efremova.info>]. Проанализировав данные определения, можно заметить, что каждое из них затрагивает тему внешнего проявления эмоциональных состояний. Действительно, эмоциональная часть человеческой жизни неразделимо связана с человеческой деятельностью. В частности, эмоции играют большую роль в речи, где выражают отношение индивида к явлениям окружающей среды.

На сегодняшний день достижения в сфере лингвистики уже далеки от заявлений Е.М. Галкиной-Федорук, что «эмоциональной лексики в языке нет» [Галкина-Федорук, 1958: 110]. После подробного изучения этого феномена лингвисты сделали вывод, что эмоциональная сторона языка точно существует, при этом занимает одно из ведущих мест в системе языка.

В языках есть не только универсальные способы выражения чувств. Известно, что в каждой культуре есть определенные модели их выражения, характерные только для ее носителей: «Культура находит отражение в языке, а так как эмоции являются частью культуры любого народа, они облигаторно концептуализируются и вербализуются в языке» [Шингаров, 1971: 110].

Вместе с самой культурой меняется и культура выражения эмоций. Сменяются способы выражения эмоций, одни заменяются другими, какие-то, спустя некоторое время, теряют свою актуальность, а другие, напротив, обретают новые. Такая заинтересованность в этом явлении с точки зрения лингвистики привела к тому, что в науке появилось несколько направлений изучения этого феномена. Одно из важнейших направлений – эмоциональная (или эмотивная) лексика. Эмоциональность на языковом уровне принято понимать как эмотивность.

Впервые эти понятия разделил В.И. Шаховский. По мнению учёного, эмотивность – компонент семантической структуры слова, при этом она соотносится с самим смыслом лексической единицы, эмоция же – категория психологическая [Шаховский, 1987: 80].

Различные эмоциональные состояния человека закрепляются в семантике слов в качестве спецификаторов, которые выражают

эмоциональность. С.В. Иванова определяет эмоциональную семантику слов как отношение человека к окружающей его среде через языковые средства [Иванова, 2002: 60].

Понятие «эмоция» может использоваться как в широком, так и в узком смысле. Категория эмоций может выражаться в тексте при помощи совершенно разных языковых средств: лексических, синтаксических, фонетических и т.д. Отмечается также, что именно лексические средства наиболее часто используются для передачи эмоций.

Эмотив может выражаться через слово, фразеологизм, предложение и даже через весь текст, который содержит в себе эмотивы.

Можно определить две группы слов в языке, передающие эмоциональное состояние человека:

1) эмоциональная лексика, или слова, которые способны выразить эмоцию;

2) лексика эмоций, или слова, сообщающие об эмоциях.

Эмоциональная лексика содержит эмоциональную семантику, а лексика эмоций не выражает эмоции непосредственно, а называет лишь эмоцию.

Существуют определенные статусы для эмоциональной семантики слова. Е.И. Шапиро характеризует их так: эмоциональное значение, передающееся при помощи аффиксов, которые отражают эмоциональное состояние человека [Шапиро, 2011: 12].

Такое значение может содержаться в междометиях и бранной лексике; эмоциональная коннотация передает эмоциональное состояние человека к объекту, в частности, к его определённым признакам.

Рассматривая данное понятие в широком смысле, стоит отметить, что эта группа включает все средства языка, которые используются для выражения эмоций, а также те средства, которые служат для описания языковой личности и испытываемых ею эмоций по отношению к каким-либо объектам. В узком же смысле само понятие «эмоции» призвано обозначать все

эмоциональные лексемы, которые связаны с коннотацией значения либо с одним из компонентов коннотации.

На сегодняшний день можно без сомнения утверждать, что слово может иметь эмоциональный и рациональный компоненты. При этом признание самого наличия этих компонентов не может объяснить некоторые детали: как денотативное значение может соотноситься с экспрессивным значением слова или каким образом изменяются нормы выражения эмоций, их эмотивный компонент в речи. Эти вопросы, а также другие, которые тесно связаны с внутренними параметрами эмотивности слов, на сегодня остаются открытыми.

При описании явления эмоциональности авторы предпочитают просто перечислять примеры, но из-за их резкого отличия и подходов к их разграничению составить определенную классификацию невозможно. Согласно исследованиям, сложность такой классификации заключается в определении: эмоция выступает в роли самостоятельного вида или это описание одной эмоции, но разными словами, синонимами. Также стоит определить: является ли это словесное обозначение новым или выражает только степень выраженности эмоции.

Так, можно выделить только некоторые параметры для разграничения разных эмоций: а) эмоции разделяются на простые или сложные (чувства) по наличию или отсутствию интеллектуальной оценки. Сложные эмоции (гордость, любовь и т.д.) возникают только при определенном уровне интеллекта, что и отличает их от простых, предполагающих больше не оценку, а, скорее, непосредственное ощущение какого-либо положения вещей, как хорошего, так и плохого (злость, страх, удовольствие т. д.); б) по так называемому «знаку» переживания эмоции разделяются на отрицательные (астенические) и положительные (стенические).

При этом эмоция, как отрицательная, так и положительная, может иметь как астеническую, так и стеническую направленность, это зависит от ситуации, культурной специфики, особенностей восприятия, свойственных

индивидууму; в) по направленности на окружающих или говорящего эмоции разделяются на личные (отчаяние, тоска, горе) и неличные (жалость, восхищение, сострадание); г) по влиянию на человеческую деятельность (тормозят или активизируют активность) эмоции разделяются на пассивные (отчаяние, тоска) и активные (воодушевление, радость); д) по интенсивности – эмоции низкой степени интенсивности (досада, удовлетворение) и высокой степени интенсивности (счастье, несчастье) [Когнитивная психология, 2002].

Независимо от параметров, являющихся основой для разграничения таких эмоций, многие лингвисты приходят к единому мнению, что следует разделять эмоции на первичные (базовые) и второстепенные. Но в таком разделении тоже нет общей точки зрения. Одни лингвисты считают, что первичные эмоции соотносятся с нервными процессами и отражаются в мимике, другие придерживаются мнения, что первичная эмоция не комбинируется с другими. Так, можно прийти к выводу, что эмоции есть явление своеобразное, специфическое и многогранное, при этом выражение этого явления в языке – вопрос спорный и неоднозначный.

1.2.1. Способы выражения эмоций в языке

Комплексный подход помогает исследователям глубже изучить эмоции и их языковые выражения. Б. Волеком введено понятие знакового эмотивного кода, который, с точки зрения семиотики, выражен языковыми и паралингвистическими средствами, он реализует эмоциональное состояние в речи человека, его настроения и чувства. Этот знак, по мнению Б. Волека, состоит из таких вербальных знаков, которые могут представляться языковыми единицами разных уровней: фонем или даже текстов.

Вербальные эмотивные знаки, как правило, являются комплексными, соотносятся они не только с самими эмоциями, но также с иными объектами, ведь таких знаков, которые выражают лишь эмоции, очень мало. Чаще всего употребляются такие выражения эмотивности, как некомплексные знаки,

которые содержат лишь эмотивные компоненты. Это могут быть междометия, или инвективная лексика. Выделяют несколько способов выражения человеческих эмоций.

Первый способ – номинация. Основой выделения такого способа является отношение между знаком и явлением реального мира, обозначаемым этим знаком.

Второй способ – описание. Здесь характерной особенностью становится символическая связь между эмоцией и языковым знаком. Описание строится на выражаемых изменениях человеческой речи и мимики [Волек, 1995: 14].

Ещё один способ, которым можно представить эмоции в языке – выражение реакций, то есть эмотивный тип проявления: те языковые знаки, которые выражают эмоции. Согласно исследованию Б. Волека, «эмотивные знаки, которые вербализованы, всегда имеют характер символичности» [Волек, 1995: 11]; это означает, что каждый знак имеет случайный и произвольный характер, а дешифровка эмотивного знака будет производиться языковой личностью, обладающей определённой эмотивной компетенцией. Другой тип – это эмоциональные метафоры. Они являются средством, с помощью которого эмоции в языке концептуализируются; это означает, что неясное нам и скрытое выражается через что-то известное и знакомое.

Категория эмоций может выражаться различными языковыми средствами, например: лексически, фонетически, синтаксически. Но стоит отметить, что чаще всего для выражения чувств используются именно лексические средства. Эмотив может выражаться через слово, фразеологизм, предложение и даже через весь текст, который содержит в себе эмотивы.

Существуют определенные статусы для эмоциональной семантики слова. Е.И. Шапиро характеризует их так: эмоциональное значение, передающееся при помощи аффиксов, которые отражают эмоциональное состояние человека. Такое значение может содержаться в междометиях и бранной лексике; эмоциональная коннотация передает эмоциональное

состояние человека к объекту, в частности, к его определённым признакам [Шапиро, 2011: 12].

Рассматривая это понятие в широком смысле, видим, что данная категория включает в себя все языковые средства, служащие для выражения эмоций, а также средства, применяемые для характеристики языковой личности, ее эмоций по отношению к объектам действительности.

Что касается узкого смысла, то понятие «эмоция» обозначает все эмоциональные лексемы языка, связанные с коннотацией значения или с одним из компонентов коннотации слова. Лексика, содержащая эмоции, передает отношение человека ко всему окружающему, в каждой сфере деятельности человек не обходится без эмоциональной составляющей. С помощью эмоциональной лексики человек может выразить свои чувства, переживания, а также оценку.

В современном мире общение в основном происходит через социальные сети. Интернет объединяет пользователей со всего мира, позволяет обмениваться текстовыми сообщениями, фото, видео. Несмотря на все его преимущества коммуникантам труднее выразить свои эмоции через социальные сети, чем при общении в реальной жизни. Для того чтобы более точно выразить эмоции, создаются различные языковые и графические средства.

Эмоциональная лексика – это слово или словарный запас, который говорящий или писатель использует для выражения эмоций. Богатство эмоционально-оценочной лексики неразрывно связано с национальным сознанием, культурой народа, его традициями и обычаями. Это инструмент, который воплощает язык и социальный опыт, а эмоции являются частью этой национальной культуры.

Эмоциональные отношения – это выражение эмоций. Эмоция может быть положительной или отрицательной для человека и представляет собой особое психологическое состояние, выражающее это отношение и отражающее практическую деятельность человека и его результат. Сложность

языковой трактовки эмоций порождает интерес к ее изучению. Исследование эмоций осуществляется сложным описанием понятий, объединяющих причины и условия возникновения той или иной эмоции.

Эмоция – явление универсальное. Интенсивность смены чувств имеет несколько иной характер. Если у одного человека эмоции выражены ярко и сильно, то у другого человека – более слабо. Коммуникация считается сложным механизмом; в процессе общения используется множество языковых и паралингвистических факторов выражения эмоций.

Следует отметить, что башкирский язык богат различными языковыми средствами выражения эмоций, что отражает особенность национального характера данного этноса. На разных уровнях языка это представляется в различных паремиях, применении междометий, метафор и метонимий, активных синтаксических конструкций. К видам репрезентации эмоций в башкирском языке можно отнести междометия, фраземы, поговорки, эмоциональные синтаксические конструкции, сравнения, метафоры и т.д.

В статье «Система средств вербализации эмоциональной концептосферы башкирского языка» Ф.Б. Саньярова констатируется, что в «Башкирско-русском словаре» зафиксировано более 3500 эмоциональных лексем, и это без учета эмосем-диалектизмов, лексем с положительной и отрицательной оценкой человека, денотата, которые распространены в местных говорах современного башкирского языка [Саньяров, 2007: 386].

Лексические эмотивы башкирского языка целесообразно классифицировать следующим образом:

1) эмотивы-аффективы; их принято считать чистыми знаками выражения эмоций, так как они несут в себе эмотивную функцию, в связи с чем именно такие эмосемы составляют большую часть лексем с эмотивным значением: *алапай, алыот, алаша, бигэләш, бирән, йобалгы, йопан, гонт, мөртәт* и т.д.;

2) лексические эмотивы, называющие эмоции и чувства, т.е. константы эмоциональной концептосферы: *кайгы, асыу, шатлык, һагыш, ярһыу, куркыу* и т.д.;

3) эмотивы-экспрессивы, т.е. эмоционально окрашенные слова: *аждаһа, бешмәгән, йылан, куркак, эт* и т.д.

Проявление эмоций в языке осуществляется с помощью специальных эмоционально-экспрессивных слов и словосочетаний.

Эмоциональные категории слов с учетом лексической и функциональной семантики распределяются следующим образом:

1. Основные эмоции-номинативы (существительное, прилагательное, глагол и наречие):

1) первичные изосемические сказуемые эмоций с исходной категориально-эмоциональной лексической семантикой типа радости;

2) вторичные изосемические предикаты эмоциональной семантики и эмоций, состоящие из типа застоя.

2. Эмоции-номинативные суффиксы: имплицитные (скрытые) предикаты эмоций с дифференциально-эмоциональной лексической семантикой, такие как тупой взгляд/взгляд.

3. Эмоционально-номинативные экспрессивы:

1) Уф! – эмотивная семантика, которая относится к типу (восклицательных знаков) как носители эмотивно-экспрессивных;

2) эмотивно-коннотативные с семантикой [Шаховский, 1987: 15].

В разных языках существуют специальные единицы, характеризующие эмоциональное состояние испытуемого.

Под эмоциональной лексикой понимаются:

1) слова, имеющие выраженную языковыми средствами эмоциональную окрашенность;

2) бранные слова;

3) слова, служащие обозначением испытываемых чувств, настроений, переживаний или средством выражения эмоциональной оценки;

4) междометия [Алефиренко, 2001: 83].

На междометиях хотелось бы сделать отдельный акцент, так как они являются одним из главных средств передачи всей гаммы чувств, эмоций, волеизъявлений, но не называющих их.

Междометия в современном башкирском литературном языке представляют собой довольно распространенный пласт лексики, хотя и считаются количественно ограниченной группой слов. Первичных междометий без учета фонетических вариантов и полнозначных слов-аффектов, также способных выражать в определенном контексте и с соответствующей интонацией чувства и состояние человека, насчитывается около семи десятков [<http://www.bookre.org/reader?file=1386236>].

Своеобразна морфонологическая структура междометий. По фонетическому строению междометия подразделяются на первичные и производные.

Первичные (или непродуцированные) междометия имеют следующую звуковую структуру:

1) состоят из одного гласного или трех одинаковых гласных, произносимых с паузой: *а, а, а-а-а, и, и-и-и, о, о-о-о, у, у-у-у*;

2) гласный + согласный: *ай, аһ, эй, их, уф, эх* и др.;

3) гласный + согласный + согласный: *эйи, уфф*;

4) гласный + согласный + гласный: *аһа, әлә, әһә, иһи, ура* и др.;

5) согласный + гласный: *фу, һы, һе, һи, йә* и др.;

6) согласный + гласный + согласный: *бәй, вәй, һәй*;

7) согласный + согласный + гласный: *тфу*;

8) согласный + гласный + согласный + согласный: *тайт, һайт*;

9) гласный + согласный + дифтонг: *абау, әлеу* и др.

Структурные типы междометий образуются и путем повторов: *ай-ай, аһ-аһ, вәс-вәс, һай-һай*, иногда с добавлением согласного перед повторяющейся гласной во второй части (парные междометия): *ай-бай, ай-һай, ах-вах* и др.

Для междометий совершенно не характерны узкие гласные *ө, у*, согласные *г, з, д, с, к, м, н, п*, очень ограниченно употребляются сонорные *р, л*, чаще всего выступают согласные *б, в, й, һ*.

Производные междометия по структуре бывают простыми, сложными и составными. Они либо полностью теряют свою однозначность, переходя в разряд междометий, либо выполняют функции междометий, представляя собой омонимичные пары однозначных единиц.

Производность некоторых простых междометий может быть доказана лишь этимологическими изысканиями, например: *атак, вәшкәй, әстәк*.

Сложные междометия образуются сочетаниями междометий со словами других категорий (чаще всего с частицами и местоимениями): *бынагайыш `вот те на`, әттәгенәһе `ой да`* и др.

Составными являются сочетания междометий с однозначными словами и фразеологические единицы, выражающие чувства, состояние, эмоциональное отношение к окружающему: *абау алла `о боже`, ай әттәгенәһе (огорчение, сожаление), абау за инде (умиление), эйе лә (одобрение, подбадривание); китсе әле `иди-ка, да ну тебя`, бына һин уны `ишь ты`, кара һин уны `смотри-ка ты`, шул зына етмәгәйне `этого только не хватало`* и т. п.

По характеру функционирования междометия делятся на две группы [<http://www.bookre.org/reader?file=1386236>]:

1. Междометия, произносимые человеком непроизвольно и выражающие его чувство, состояние без отношения к окружающему. Они издаются при внезапном ощущении боли, неожиданном страхе и т.п., от других разрядов междометий отличаются особой интонацией, постоянным употреблением в начале предложения, в них обычно протяжно произносится конечный звук: *а, эмм, ойй, әлләә, уффф* и т.п. «Ә`эм, калай эсе», *тизар за бешкән аяктарын һыуык балсыкка тыгалар (Г. Дәүләтшина) `Ой-ой, какой горячий», – говорят они и обожженные ноги суют в холодную глину`*.

Этих междометий намного меньше, чем междометия второй группы. Они не имеют коммуникативной направленности, но все равно обладают вполне определенной семантикой, общепонятны носителям языка, информируют о физическом или душевном состоянии субъекта, поэтому представляют собой явление языка, а не речи.

2. Междометия, выражающие эмоциональное отношение субъекта к высказываемому. В отличие от первой группы, этот разряд предполагает обязательную коммуникативность, выступает в составе предложения или реплики и составляет основную часть междометий по количеству, в сочетании с интонацией и мимикой выражает самые разнообразные эмоции человека.

Своеобразно функционирование междометий в составе предложения. Они не являются членами предложений, поэтому связываются с предложением в целом семантически и интонационно или выступают в роли самостоятельного высказывания.

Наиболее распространенным является препозитивное употребление междометий по отношению к предложению или фразе. При этом они могут функционировать в различных типах предложений, но преимущественно при восклицательных, вопросительных и реже – при повествовательных.

Сама речь может быть и монологической, и диалогической. Контекст, как правило, поясняет и конкретизирует значение междометий:

Ә-һә... Ырыскул агайзар кайтып килә! (Б. Бикбай). 'Ого, возвращается дядя Ырыскул со своими!'; Исхак, күрешеп, һаулашып бөткәнде лә кәтмәй: – Эй, Айбулат, һин генә өйҙә булманың, – тип һүзгә кереште (Г. Дәүләтшина). 'Исхак, даже не дожидаясь, когда они закончат здороваться, сказал: – Эх, Айбулат, тебя не было дома...'; Их, шәп була бит беззең Ырымбур ягының карбуздары (С. Агиш) 'Эх, хороши же наши оренбургские арбузы'.

Такие слова выражают почти все существующие положительные и отрицательные эмоции и чувства. Это может быть удивление или испуг, восторг или горе, радость или досада, облегчение или благожелание и т.д. Неоднозначность междометий раскрывается только в контексте.

Очень часто эмоции и чувства человека в башкирском языке передаются при помощи фразеологизмов, которые репрезентируют самые разные психические состояния человека, его внутренний мир, состояние души.

Фразеологическая эмоциональная картина мира намного ярче и насыщеннее, чем лексическая. Каждый из фразеологизмов создан на основе только ему присущего образа и потому успешно сосуществует с другими единицами языка. Такие фразеологические обороты создаются обычно для обозначения явлений, требующих к себе разного рода эмоциональные отношения.

Слово же, как бы оно ни было метафорично, не создает той образности и эмоциональности, которую имеет фразеологизм. Например, слово *уткер* в переносном значении 'бойкий', 'проворный' с синонимичными фразеологизмами *утеп сыккан* 'видавший виды', *ут-һыу кискән* 'прошедший огонь и воду' и т.д.

В «Фразеологическом словаре башкирского языка» под ред. З.Г.Ураксина [Ураксин, 1996] содержится 635 фразеологизмов с эмотивно-оценочным содержанием: *Усал, вәт усал, быны тере кул менән генә алырмын тимә* 'Суров, вот суров, такого голыми руками не возьмешь'. *Капыл канат үстеме үзенә, аяк остарына ғына баһып, осоп тигәндәй, егетенең янына килде* 'Будто у нее вдруг крылья выросли, она почти влетела в палату и подошла к парню'.

При изучении системы средств репрезентации эмоциональных концептов в башкирском языке нельзя забывать о пословицах и поговорках. Связь языка и культуры, эмоциональный опыт народа, его чувственное восприятие мира ярко отражаются в перцептивных паремиях. Например, в сборнике пословиц и поговорок [Әхтәмов, 2009] методом сплошной выборки мы отобрали 76 примеров, репрезентирующих эмоции и чувства.

В них базовыми концептами выступают: *нәфрәт* 'ненависть', *кайгы* 'горе', *йән* 'душа', *куркыу* 'испуг', *тулкынлану* 'волнение', *шатлык* 'радость', *рәхәтлек* 'наслаждение' и др. Анализ показывает, что наиболее

употребительны концепты *кайгы* (18 пословиц) и *йән* (17 пословиц): *Кайгы килһә, яңгыз булмай* 'Беда одна не приходит'; *Кешенең йәнәнә кереп карап булмай* 'В чужую душу не влезешь'; *Кайгы-шатлык бергә йөрөй* 'Где радость, там и горе'; *Мөхәббәт таи ярыр* 'Любовь камень рассечет'; *Вак тип көйөнмә, бар тип һөйөнмә* 'Не переживай, что мелкий, не радуйся, что есть'; *Йөрәктән сыккан йөрәккә этә* 'Сердце сердцу весть подаст'.

Вербализация эмоций и чувств человека активно реализуется на уровне синтаксиса, который составляет периферию ядерных концептов. В башкирском языке подобная репрезентация чаще осуществляется эмоциональными (тойғоло һөйләмдәр), риторическими предложениями, синтаксическими конструкциями, выражающими те или иные эмоции и чувства. Профессор Д.С. Тикеев считает: «По сравнению с другими синтаксическими конструкциями, в эмоциональных предложениях доминирует эмоциональность, особенная интонация, т.к. через них автор выражает свое эмоциональное отношение к действительности» [Тикеев, 2004: 125].

Ученые, изучавшие семантические паттерны почти в 2500 языках со всего мира, обнаружили, что слова, обозначающие эмоции, такие как «тоска», «горе» и «счастье», могут иметь очень разные значения в зависимости от языковой семьи, из которой они произошли. В структуре индивидуальности эмоции и смыслы принадлежат разным уровням, но их взаимосвязь несомненна. Во многих языках есть слова, которые можно считать «основными» эмоциями: любовь, ненависть, гнев, страх, печаль, счастье.

Ранние теории, созданные под влиянием Чарльза Дарвина и привязанные к общим биологическим структурам людей, предполагают, что существуют определенные универсальные эмоции, которые служат исходным материалом для всех остальных, поскольку основные цвета могут смешиваться для создания множества новых оттенков [Дарвин, 1972: 12].

«Первичные» эмоции могут иметь свои собственные значения и нюансы в разных культурах, которые не поддаются прямому переводу. Как уже

отмечалось, речь является одной из самых важных форм для выражения эмоций человека. В основе эмотиологии лежит лингвистическая концепция эмоций.

Эта концепция заключается в том, что человек фиксирует в языке свои чувства и тем самым отражает свой окружающий мир. Отмечается, что наиболее часто человеку присуще выражать только то, что имеет для него значение. А именно – человек не будет эмоционально реагировать на то, что ему безразлично. С помощью эмоции выражается важность и значение какого-либо предмета или процесса, эмоции служат посредником между людьми. Так, эмоциональная оценка является продуктом психической деятельности, выражаемой при помощи слов, словосочетания или с помощью грамматических и синтаксических средств.

Е.В. Шелестюк придерживается другого мнения. В исследованиях этого автора отмечается, что эмоция является функцией языковых единиц, которая позволяет выразить эмоциональное отношение человека к действительности [Шелестюк, 1998: 14].

Е.И. Шапиро подчеркивает то, что функцией эмоциональной языковой единицы является именно способность человека, который желает передать свои эмоции собеседнику, осмыслить, а затем выразить в словесной форме, осуществляя при этом определённую языковую единицу, содержащую нужную эмоцию. Языковой характер категории эмоций очевиден: существуют узуальные разноуровневые языковые средства, обладающие свойством эмоций. Иначе говоря, при помощи определенной семантической части эмоция находит свое отражение через языковую единицу. Эмотивом, по мнению автора, является такая языковая единица, основной функцией которой является передача эмоций говорящего [Шапиро, 2011: 10].

Р. Якобсон эмоциональную функцию называет также экспрессивной; по его мнению, эта функция заключается в задаче выразить отношение говорящего к окружающей его действительности [Якобсон, 1979: 200].

Эмоциональность и экспрессивность – это наиболее важные факторы в языковом развитии по той причине, что они помогают создавать новые средства для того, чтобы передать чувства другого человека наиболее точно, но емко. На современном этапе развития нашего общества существует огромное количество различных категорий. Одной из таких категорий является экспрессивность, которая применяется для реализации интенций спикера и воплощения его личности в коммуникативном акте.

Ученые полагают, что экспрессивность – это эмоциональное состояние действительности и желание донести эту действительность до оппонента. Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что существует огромное количество способов передачи эмоций (в том числе и языковых, воплощающихся на различных уровнях языка). Шарль Балли вывел данные экспрессивные средства выражения эмоций из «ассоциаций, которые порождены присутствием выражений, создающих бессознательную синонимию в памяти» [Балли, 2002: 17]. Существование большого количества средств выражений эмоций в языке считается одной из актуальных проблем современной лингвистики.

Экспрессивность может быть выражена на всех языковых уровнях, а именно – фонетико-фонологическом, морфемном, лексическом, фразеологическом, словообразовательном, грамматическом, текстуальном. Экспрессивность увеличивает воздействие высказывания на реципиента. Экспрессивная лексика является предметом изучения семасиологии. Выбор средств выразительности изучается стилистикой, где можно выделить четыре направления в анализе экспрессии:

- 1) описательная стилистика;
- 2) стилистика индивидуальной речи;
- 3) сопоставительная стилистика;
- 4) стилистика текста [Шаховский, 1998: 38].

Существует несколько точек зрения определения экспрессивности.

В.И. Шаховский, исследуя вопрос о схожести эмотивности и экспрессивности, отмечает, что эти понятия очень близки, но при этом обладают автономностью. Ученый считает, что может существовать даже неэкспрессивная эмотивность. Выявляя их различия, В.И. Шаховский пишет о том, что эмотивное высказывание всегда содержит в себе реализацию эмоциональной оценки, при этом экспрессивность направлена на убеждение собеседника в чем-либо:

- 1) экспрессивность – стилистическая и лексикологическая категория;
- 2) экспрессивность имеет языковую природу (воплощается с помощью языковых механизмов), а эффект экспрессивности обнаруживается в тексте только в том случае, если у экспрессивности имеется двойственная природа: речевая и языковая [Шаховский, 1987: 113].

Категории «эмоциональность» и «экспрессивность» находятся в тесной связи. Чтобы провести эффективный лингвистический текстовый анализ, надо понимать разницу между данными понятиями. Под эмоциональностью В.И. Шаховский понимает «использование элементов языка для выражения эмоций, отношения говорящего к обозначаемому и воздействия на чувства адресата», под экспрессивностью – «усиление выразительности, образности и воздействующей силы высказываний» [Шаховский, 1987: 62].

Итак, основными способами языкового выражения эмоций на разных языках являются: фонетический, морфологический, лексическо-стилистический, синтаксический.

На фонетическом уровне эмоциональность выражается при помощи таких приемов, как аллитерация, рифма, ритм и др.

На морфологическом уровне эмоциональность выражается при помощи структурных элементов, например, суффиксов.

На лексическом уровне эмоциональность выражается при помощи междометий, слов, которые прямо называют эмоции, стилистических тропов.

На синтаксическом уровне эмоциональность выражается при помощи таких приемов, как инверсия, эмфатическое употребление глагола, восклицательные конструкции, восклицательные предложения-однословы, повторы.

Очень часто экспрессивность соотносится с интенсивностью, что помогает усилить воздействие на реципиента. Интенсивность находится в тесной связи с качественной оценкой какого-либо объекта, процесса или явления и выражается с помощью лексических средств, где присутствуют интенсивный компонент, аффиксы или тропы.

Следует заметить, что существуют и другие точки зрения. При языковом описании эмоциональность переходит в состояние эмотивности. Так происходит эмоциональная коммуникация, при которой отражаются эмоциональные характеристики человека.

На этот счет существуют разные точки зрения. Анализируя труды ученых [Брандес, 2004], [Банникова, 1992], [Левковская, 2004], можно сделать вывод, что под эмоциональностью они понимают лингвистическую категорию, которая служит для выражения чувств субъекта.

Рассматривая вопрос о синонимичности эмотивности и экспрессивности, Ш. Балли утверждал, что эти понятия должны существовать вместе, так как определить экспрессию можно, приравняв его к единой мысли, определив его через постановку простого эмоционального слова, так называемого слова-идентификатора, которое соответствует понятию или представлению [Балли, 2002].

Другой исследователь в области эмотивной лингвистики В.В. Виноградов считает, что экспрессия выражается через слово, при этом отражая социальную среду. Также он отмечает, что для экспрессии характерна субъектность [Виноградов, 1959: 12].

В.Н. Телия отмечает, что понятия «эмотивность» и «экспрессивность» не должны употребляться вместе, так как экспрессивность реализуется в высказывании, при этом выражаясь через интонацию [Телия, 1988: 30].

Вслед за В.Н. Телией, такую точку зрения разделяет и Е.М. Вольф. Эмотивность является языковой категорией, в которой могут отражаться лишь эмоционально-оценочные суждения [Вольф, 1985: 34].

Общение может выражать не только логическое содержание информации, но и душевное состояние, эмоции, желания говорящего. В этих случаях язык начинает выполнять свою эмоциональную (эмоционально-выразительную) функцию [Тарасов, 199: 35].

Понятие эмоциональности и требование к её представлению в языке привели к введению разнообразных категорий понятий. Наряду с категоризацией эмоций было обновлено определение их основных аспектов, а также систематическое моделирование. В последнее время эмоции изучаются как лингвокогнитивный, психолингвистический, лингвокультурологический и лингвистический феномен. Такие исследования не отрицают друг друга, а, наоборот, дополняют.

Эмоциональные средства служат для выражения чувств, а экспрессивные – для усиления выразительности, как при выражении эмоций, так и при выражении мысли [Маслова, 2005: 68].

Любой язык богат словами, содержащими компоненты, выражающие эмоциональное отношение говорящего к предмету или явлению, его положительную или отрицательную оценку. По наличию или отсутствию эмоционального компонента лексические единицы можно разделить на следующие группы: отрицательные, нейтральные и положительные.

В большинстве случаев мы можем наблюдать тесную взаимосвязь между прагматическими типами значений лексических единиц. Например, в обиходно-разговорном жанре употребляется определенное слово, которое, будучи гибким, может приобретать положительное или отрицательное эмоциональное значение. Наряду с этими тремя типами прагматических значений лингвисты выделяют четвертый тип языковых элементов в структуре предложения – «коммуникативную нагрузку», обусловленную

различной степенью осознания говорящим, в особенности слушателем информации, выраженной в предложении.

В каждом предложении говорящий и слушатель осознанно выделяют существующее или новое (подлежащее и сказуемое), которое занимает определенное место в структуре предложения. Прагматический смысл определяется отношением участников коммуникативной ситуации к данной ситуации.

Говоря о фонетических средствах выражения эмоций, многие исследователи называют, прежде всего, интонацию, ударение, тона, сочетают эти фонетические характеристики с понятием просодии (гр. *prosodia* – ударение, припев – то же, что стихотворение или стихосложение). Следует отметить, что указанные характеристики можно обнаружить только в речи. В любом языке они образуют характерную только для этого языка систему средств, с помощью которых можно выразить и понять эмоции [Маслова, 2005: 14].

Прагматический (мотивационный) уровень языковой личности соотносится с эмоциями, оценками, с ситуацией общения, способами аргументации, тактиками и стратегиями речи, с целями, задачами, интересами и конкретными коммуникативными установками (позициями), от которых зависит план поведения личности. Именно коммуникативно-деятельностная потребность личности, которая представляет единицу прагматического уровня языковой личности, обуславливает ее индивидуальные особенности.

1.2.2. Особенности языковых средств, выражающих эмоциональный компонент в различных типах текстов

Определение эмотивной специфики различных типов текстов связано с учетом их жанрово-типических черт и сводится к следующим критериям:

- а) типичное место эмотивных тем в тематической структуре текста;
- б) допустимая степень выражения эмоционального отношения автора к

компонентам коммуникативной ситуации в тексте; в) образы типического автора и адресата текста; г) допустимая степень экспрессивности выражения эмоций [Бахтин, 1997: 240].

Реальная речевая коммуникация для говорящего связана со стремлением наиболее полно выразить свою индивидуальность, проявить свое «Я – эмоциональное состояние» и в максимальной степени воздействовать своей речью на собеседника.

В письменной коммуникации, из-за отсутствия интонации голоса и жестикуляции, автор не сразу получает обратную связь со стороны адресата, поэтому эмоции передаются с помощью вербальных языковых средств: как правило, эмоционально-окрашенных, выразительных лексем, синтаксических конструкций.

Например, в современной деловой переписке наблюдаются следующие особенности: некоторое смещение в сторону неофициальности, фамильярности общения, размывание или изменение таких существенных характеристик официально-деловой коммуникации, как строгость, четкость, логичность, формальность, регламентированность и полнота изложения информации.

Так, тексты деловых писем-поздравлений, в первую очередь, выполняют фактическую и этикетную функции, характеризуются эмоциональностью, но, в зависимости от цели автора, данный жанр в конкретной ситуации может приобретать новые, свойственные конкретному дискурсу, функции (воздействующую, рекламную, манипулятивную); часто вмещает в силу своей публичности элементы информативного характера: самопрезентацию автора, подробную характеристику адресата, описание события, ставшего поводом поздравления.

Жанр письма-поздравления основывается на базовой коммуникативной цели автора: поздравить, выразить свою положительную эмоцию и вызвать у адресата ответный отклик. Дискурс как коммуникативная сфера определяет функционирование в нем жанров [Банникова, 1992: 65].

Жанровые особенности текстов проявляются не только в специфике их тематического содержания, стиля и композиции, но и в существовании типической экспрессии, этикетных норм, ценностных установок, эмоциональных настроений участников коммуникации. В речевых жанрах раскрываются разные стороны человеческой личности. Эмоциональность, как имманентно присущее человеку качество, также по-разному воплощается в текстах различной жанровой принадлежности.

Как известно, проза, характеризующаяся пространственной и временной последовательностью событий, дает писателю возможность представить мир во всей его сложности и разнообразии. В прозаическом тексте средства репрезентации эмоций основаны на использовании описательной прозы и детальной характеристики персонажей. Здесь автор может передать эмоции через прямую речь, внутренние монологи персонажей и их поведение, которые позволяют читателю проникнуться в чувства героев и сопереживать им.

Драматический текст отличается от прозы тем, что он представляет события через диалоги и действия персонажей на сцене. Здесь акцент делается на необходимости выразительности и динамики. Средства репрезентации эмоций в драматическом тексте достигаются в первую очередь благодаря использованию просодических и паралингвистических средств, таких как интонация, мимика, жесты и т.п. Как правило, данные средства наиболее часто встречаются в ремарках.

Поэтический текст открывает совершенно новый мир репрезентации эмоций. Стихотворения, в своей сущности, ставят свободу выражения и языка на передний план. В них большое внимание уделено эстетическим аспектам и звучанию текста, что создает особую интонацию и настроение, способствующие передаче эмоционального контекста. Поэтические произведения обычно имеют более лаконичную форму и акцентируют внимание на использовании образов, метафор, ритма и структуры. Средства репрезентации эмоций в поэтическом тексте могут быть более субъективными

и многозначными, позволяя читателю насладиться звучанием слов и их скрытым смыслом.

Кроме того, исследователи отмечают, что в интернет-коммуникации особое место занимает эмоциональная составляющая, она отображает настроение, эмоции, чувства и переживания человека. В процессе интернет-коммуникации существует затруднённость эмоционального компонента общения, но в то же время у пользователей ощущается стойкое стремление к эмоциональному наполнению текста, этим обусловлено создание эмотиконов, смайликов, знаков, которые помогают выразить эмоцию.

Как нами было отмечено выше, изучение эмоций и способов их выражения на сегодняшний день является одной из самых актуальных тем исследований в различных научных дисциплинах. Категория эмоциональности изучается в психологии, биологии, в социологии, философии, этнологии, лингвистике и других науках. Лингвистические подходы вносят существенный вклад в изучение языка эмоций.

Активный словарный запас – это набор слов, которые человек произносит спонтанно и который составляет лишь подмножество его пассивного словаря или всего набора слов, которые человек может распознать. Важно отметить, что размеры активного и пассивного словарей не коррелируют; пассивный словарный запас увеличивается в процессе обучения, в то время как активный словарь имеет тенденцию к застою, что позволяет предположить: люди повторно используют слова, с которыми им удобнее всего. Исследования, в которых участникам давали ярлыки эмоций, раскрывают процессы, связанные с пассивным знанием эмоций.

По мнению лингвистов, одни и те же слова, в зависимости от контекста, в процессе повседневного общения могут передавать совершенно разные переживания. И в этом случае роль контекста становится ключевой для толкования истинного значения той или иной языковой единицы.

Говоря о средствах передачи эмоций в текстах, нельзя упускать из виду и паралингвистические средства эмотивности. Паралингвистика включает в

себя акцент, высоту тона, громкость, скорость речи, модуляцию и беглость. Некоторые исследователи также включают определенные невербальные явления в категорию паралингвистики: выражения лица, движения глаз, жесты рук и тому подобное [Иванова, 2004: 16].

Отметим, что лингвисты в последнее время проявляют больший интерес к этой области. Рост в последние десятилетия общения «не лицом к лицу» (с помощью электронной почты, текстовых сообщений и социальных сетей) привел к использованию смайликов в качестве замены паралингвистики.

Общеизвестно, что в какой-то момент общение включает в себя нечто большее, чем слова, которые люди говорят или пишут. Общение также состоит из аспектов, которые обозначают тон, настроение, личность, силу и намерения. Согласно подсчетам ученых, 7 процентов информации или мыслей, которые люди хотят донести, выражаются с помощью слов, 38 процентов – с помощью тона и 55 процентов – с помощью жестов.

В свою очередь, слушатель также воспринимает и запоминает от 15 до 30 процентов речи говорящего по тону, от 25 до 50 процентов – по зрению и более 50 процентов – как на слух, так и на зрение. Согласно исследованиям, за две недели мы запоминаем 10 процентов того, что мы читаем, 20 процентов того, что мы слышим, 30 процентов того, что мы видим, 50 процентов того, что мы видим и слышим, 70 процентов того, что мы говорим, и 90 процентов того, что мы говорим и делаем.

Паралингвистические особенности языка чрезвычайно важны, поскольку они могут полностью изменить сообщение. Тон и высота голоса обычно рассматриваются на всех языковых уровнях. Если собеседник начинает разговор с приветствия грубым тоном, нахмурившись и скрестив руки на груди, общение, скорее всего, будет неэффективным. Или наоборот, когда собеседник начинает разговор с улыбкой и в хорошем настроении, поставленная задача достигает цели, поскольку язык тела собеседника влияет на других. При использовании языка тела надо учесть, что некоторые жесты могут отражать разные значения в разных странах. Но некоторые

паралингвистические средства могут быть одинаковыми у всех народов, мы можем назвать их универсальными, а также есть некоторые паралингвистические средства, которые подходят только для одного языка, поэтому мы должны различать жесты, позы, выражения лица носителей языка, чтобы лучше общаться и лучше понимать друг друга [Иванова, 2004: 22].

Итак, подытоживая, отметим, что паралингвистическое поведение, манера, с помощью которой человек говорит, чтобы передать определенные эмоции, также могут помочь нам в оценке истины. Истина льется с языка, и ее очень легко показать.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

В результате изучения теоретических основ феномена «эмоция» можно сделать следующие выводы: эмоции, в первую очередь, – группа субъективных психологических состояний человека, которые выражаются в виде ощущений и переживаний в результате практической деятельности. По мнению многих ученых, эмоции напрямую связаны с физиологическими изменениями в организме человека. Так, чувство скорби и утраты вызывает слезы и даже боль, страх может вызвать дрожь или даже потерю сознания, а радость порой обладает обезболивающим эффектом. Наиболее популярной теорией об эмоциях среди психологов является теория «суждения», согласно которой в основе эмоции лежит когнитивное состояние: эмоция либо является суждением или убеждением, либо по факту включает в себя их.

Несмотря на наличие большого количества теорий и концепций в сфере изучения проявления эмоций, сказать, что данная тема является полностью раскрытой и структурированной, невозможно. На сегодняшний день не существует ни одной определенной классификации эмоций. По мнению первой группы ученых, у человека от рождения заложены базовые эмоции, на основе которых он способен в дальнейшем выражать свои чувства. Другие, наоборот, считают, что при рождении у человека нет набора основных базовых эмоций. Все эмоции приобретаются с течением жизни человека и зависят от его социальной среды, культуры и обучения.

Выражение эмоций в языке в качестве объекта лингвистики начали изучать относительно недавно, во второй половине прошлого столетия. На сегодняшний день предложены разные теории, подходы к исследованию этого феномена с целью объяснить, какие именно слова могут являться нагруженными эмоционально, а какие не содержат эмоций. Теоретический и практический интерес вызывают факторы, которые заложены в слове и обуславливают эмоциональную коммуникацию.

Исследователи интересуются значениями слов, ситуациями, в которых их употребляют, и то, каким образом они могут выражать чувства и мысли. Хотя в лингвистике сегодня существует термин «эмотивность», «имманентное свойство выражать системой собственных средств эмоциональности, представляющих собой факт психики, присущее языку; индивидуальные и социальные эмоции, которые отражены в семантике единиц языка», по сей день имеет очень размытый характер [Шаховский, 1987: 16].

Проблему эмоций и языка сегодня исследователи решают на стыке нескольких направлений: стилистическом, когнитивном, психолингвистическом, структурно-семантическом и лингвокультурологическом. Эмоция является междисциплинарным феноменом.

Эмоциональные состояния, такие как счастье, радость, горе, злость и т.п., можно выразить словами. Каждое слово – особый языковой знак. Также и эмоции – это двусторонняя категория, которая обладает как планом содержания, так и планом выражения. План содержания эмоций включает различное выражение эмоций и чувств говорящего. Эмотив представляет эмоции на вербальном уровне, эмотивом является особое языковое средство, и в разных языках они существуют на основе конкретной культуры.

Что касается лингвистических средств выражения эмоций, то после подробного изучения этого феномена ученые сделали вывод, что эмоциональная сторона языка точно существует, при этом занимает одно из ведущих мест в языковой системе. Также нами было установлено, что в языке существуют два понятия: эмоциональность (категория психологическая) и эмотивность (компонент семантической структуры слова, при этом она соотносится с самим смыслом лексической единицы).

Определение особенностей семантики слов, которые используются для выражения эмоций, важно не только с точки зрения необходимости условий, но и с той позиции, что итоги исследования являются ценными для обучения языку. Следует отметить, что в башкирском языке проблема изучения эмотивности находится в центре внимания лингвокультурологии.

Эмотивность включает в себя значительное количество аспектов, которые являются значимыми не только для общего языкознания, но и для башкирского языка, в частности. Наблюдается интересный факт: эмоции универсальны, они имеют место в любом языке. Но в каждом языке эмоции отражаются исключительным, уникальным образом, немаловажным элементом эмоций является национальная специфика. Особенно ярко это проявляется, если мы говорим о вербальном способе выражения эмоций.

Основными способами языкового выражения эмоций на разных языках являются: фонетический, морфологический, лексическо-стилистический, синтаксический. На фонетическом уровне эмоциональность выражается при помощи таких приемов, как аллитерация, рифма, ритм и др. На морфологическом уровне эмоциональность передается при помощи структурных элементов, например, суффиксов (аффиксов). На лексическом уровне эмоциональность реперезентируется при помощи междометий, слов, которые прямо называют эмоции, стилистических тропов. На синтаксическом уровне эмоциональность выражается при помощи таких приемов, как инверсия, эмфатическое употребление глагола, восклицательные конструкции, восклицательные предложения-однословы, повторы.

Эмоции реализуются на всех уровнях языковой системы: от фонетического до синтаксического текстового, их нельзя ограничивать только лексическим уровнем. Кроме вербальных средств репрезентации эмоций, активно функционируют просодические (акцент, высота тона, громкость, скорость, модуляция и беглость речи) и паралингвистические средства (выражения лица, движения глаз, жесты рук и т.д.).

Паралингвистика – язык тела, тона и мимики. Часто паралингвистические особенности классифицируются как просто вещи, которые проявляются, когда люди говорят. Однако в наше время паралингвистические особенности цифровых технологий передаются в письменной форме с помощью таких элементов, как смайлики, местоимения, а также различные типы приветствий и прощаний.

ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНГАМА АТНАБАЕВА, ДИНИСА БУЛЯКОВА, ИБРАГИМА ГИЗЗАТУЛЛИНА, НАЗАРА НАДЖМИ)

2.1. Лексические средства выражения эмотивности в башкирской литературе

Эмоции в художественной литературе выполняют не только традиционную функцию, но и выступают как элементы художественного описания.

Художественный стиль литературы отличается широким диапазоном стилистических средств и возможностей. В отличие от литературного, литературно-художественные формы языка (например, разговорный язык, жаргоны), приемы любого другого стиля речи используются в образном восприятии и описании реальности. Художественный стиль эмотивности отличается от других функциональных стилей умелым использованием широких возможностей языкового описания.

Изящная образность, глубокое содержание и многозначность слов, живописная конкретность, эмоционально-оформительские оттенки определяют внутренние особенности яркого стиля, приемы речи, в том числе и стилистические приемы произведения.

Эмоции являются основой языковой коммуникации, образуя специфическую языковую категорию – категорию эмотивности, объединяющую множество языковых элементов, выражающих эмоциональное состояние говорящего и характеризующих его внутренние переживания.

Как правило, для выражения эмотивности в художественных произведениях используются различные языковые средства: синтаксические,

фонетические, лексические и др. Лексические средства занимают ключевое место среди эмотивных средств языка.

Лексическая система языка состоит из двух элементов, передающих эмоции: эмотивной лексики (слов, которые непосредственно выражают эмоции) и лексики эмоций (слов, сообщающих о них).

Эмотивная лексика – это совокупность слов с эмотивной семантикой в статусе значения и созначения, а лексика эмоций – это слова, которые не выражают эмоции непосредственно, а лишь называют их [Бабенко, 1989: 36].

Б. Волек же, в свою очередь, делит данные группы на разные знаки эмотивности, «значение которых может конструироваться либо понятиями, либо прямыми эмоциональными переживаниями» [Волек, 1995: 16].

В.И. Шаховский выделяет следующие категории эмотивной семантики слова:

а) эмотивное значение, которое характерно для слов-аффективов (междометия, бранная лексика, вульгарная лексика);

б) эмотивная коннотация, выражающая эмоциональное отношение говорящего к чему-либо и сопровождающая логико-предметную номинацию (*престарелый, ребенок*).

Коннотация может быть сосредоточена в семантике аффиксов или актуализировать переносное значение слова.

В своей семантической модели ученый выделяет два типа контекстуальной семантики слов: а) экспликацию скрытых, глубинных, виртуальных эмосем и б) наведение эмосем из контекста, когда в слове нет своей эмосемы, но в некоторых контекстах на семантику слова наводится ситуативная эмотивная сема [Шаховский, 1998: 41].

Слова, называющие эмоции, являются носителями эмотивной семантики первого типа. Таким образом, имя эмоции потенциально эмотивно. Их можно рассматривать как «ключевые» элементы, «опорные точки», связанные с «предметами» эмотивного содержания в пространстве высказывания и целого текста [Новиков, 1983: 36].

К основным средствам выражения эмотивной лексики относят:

- 1) слова, называющие эмоции;
- 2) вульгарную лексику (бранные слова, проклятия, нецензурные слова);
- 3) междометия;
- 4) стилистически окрашенную лексику (эмоционально-оценочные слова);
- 5) синонимы, антонимы;
- 6) сравнения;
- 7) фразеологизмы;
- 8) заимствования.

Необходимо отметить, что для всех эмоций характерна полярность: каждая эмоция при различных обстоятельствах имеет свою противоположность: «любовь-ненависть», «радость-горе», «удовольствие-неудовольствие» и др. Положительные эмоции чаще всего возникают тогда, когда результаты действия совпадают или даже превышают ожидаемые. Напротив, несоответствие результата действий ожидаемому вызывает отрицательные эмоции, которые мобилизуют организм на осуществление новых целенаправленных действий.

Анализ показывает, что в выбранных нами произведениях А. Атнабаева, Д.Булякова, И.Гиззатуллина, Н.Наджми отражен широкий спектр как положительных, так и отрицательных эмоций. В них встречаются элементы, выражающие радость и горе, боль и гнев, удивление и удовлетворение, восторг и сожаление, испуг и ярость, протест и обида, разочарование и ревность, презрение, зависть и многие другие эмоции.

Передача данных эмоций осуществляется традиционно с помощью лексических средств. Рассмотрим репрезентацию эмотивной лексики *словами, называющими эмоции*. Например:

- 1) *Шатлыкман* һәр кем тырышты, һыуык булыуға карамастан, эш ырамлы барзы. Камал олатайзан алып һакау Минһажға тиклем һәммәһе лә етез

йөрөнө ‘*В радостях* каждый старался. Несмотря на холод, работа шла ладно. От деда Камала до картавого Мингажа двигались как можно быстрее’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

2) *Асыу, нәфрәт* күп йыйылған. Өс ай ярым йәки йөз зә егерме өс көн буйы немецтың маһайып килеүен дә күп ишеткән, йырткыслығына ла байтак шаһит булған яугирзәр ярһып һөйләй:

– *Кызганыу* юк фашиста, улар кеше кайғыһынан ауыз йырып көлә, кан есенә исереп алған фриц кулына капкан корбанын яуыз йырткыс кеүек язалай. Түзеп торорлок түгел быға

‘*Злости и ненависти* много накопилось. За три с половиной месяца или сто двадцать три дня солдаты были не только наслышаны, но и сами стали свидетелями зверств немцев:

– Нет *жалости* у этих фашистов, они смеются над людским горем, почуяв запах крови, они пьянеют и как звери мучают своих жертв. Невозможно терпеть подобное’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

3) Петро Степанович Коваленконың: «Я своего батьку не оставлю», – тигән һүззәрен ишеткәс, күңеле тулып китте Фәһимдең, таркала башлаған аңы бер азға яктырғандай булды. Бөтә нәмәгә *битараф* яткан кеше, терәк барлығын һизеп, күззәрен асырға самаланы, мэгәр булдыра ғына алманы, һыу һорарға итте, быға ла көсө етмәне. Ирәндәр кыймылданы, һүззәр сыкманы ‘От слов Петра Степановича Коваленко о том, что батьку своего он не оставит, Фагима переполнили чувства, и даже, кажется, сознание прояснилось. До этого лежавший *безразличный* ко всему, почувствовав поддержку, он попытался открыть глаза, но не смог, хотел попросить воды, но и на это не было сил. Губы не слушались, слова не прозвучали’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

4) – Йә, ниндәй кешене әрәм иткәндәр, – тип шыбырланы. Бер аз иҫ-акылын йыя алмай торзо ул. Кыззың һылыу йөзөн *һағыш* басты ‘ – Ох, какого человека погубили, – прошептала она. Какое-то время она не могла собраться

с мыслями. На лице девушки отразилась *тоска*’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

5) Фәһимдең йылы тыны кыздың йөзөнә бәрелде. Был йәш кызға бөтмәс *рахәтлек* килтерзе. Башы әйләнеп китте уның, битенә кан бөркөлдө. Ялкын ялмағандағы кеүек бузарынған кызды Фәһим ары алып китте. Аняға күз зә һалманы, үзенең йөрәге тураһында уйланы. Ә егет күкрәгенә тәү тапкыр һыйынған кыз ете кат күк ашаһынан йөззө. Ниндәй генә уйзар килмәне уның хыяллы башына: «Язмышым ошо, Хозай беззе белеп осраштырзы», – тине ул, *рахәтлектән* исергән килеш ‘Теплое дыхание Фагима обожгло шею девушки. Это доставило ей безграничное *удовольствие*. К щекам прилила кровь, а голова слегка закружилась. Разгоряченную девушку Фагим понес дальше. Не глядя даже на Аню, он думал о своем сердце. А впервые прижатая к мужской груди девушка была на седьмом небе от счастья. Какие только мечты не пришли в ее голову: «Это судьба, не зря нас Бог свел», – думала она, пьянея *от удовольствия*’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

6) Аняла *әмөт* тыузы. Тәүге һөйөү хистәрен йөрәгендә уяткан кешене терелтеү өсөн бөтәһен дә эшләргә булды ул ‘У Ани появилась *надежда*. Она решила, что сделает все ради человека, впервые пробудившего в ней чувство любви’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

7) Фәһимде *гәжәпкә калдырып*, кипкән үңәс буйлап эскә ризык йүгерзе ‘К удивлению Фагима, еда начала поступать внутрь’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

8) Эсендә *нәфрәт* токанған егеттең Гитлерға каршы яңынан яуға укталғыһы килде. Яңағын кысып, тештәрен шығырлатып куйзы ул ‘Переполненному *ненавистью* парню вновь хотелось броситься в бой с Гитлером. Он до скрипа сжал зубы’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

9) Мин һине *яратам*, Гөлшан! ‘Я *люблю* тебя, Гульшан!’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

10) Казнабаевтың йөрәге «жыу» итеп калды, ләкин ул тиз үк үзен кулга алды, *тулкынланыуын* һиззәрмәскә тырышты ‘У Казнабаева сердце ёкнуло, но он быстро взял себя в руки, старался не показывать *волнение*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

11) Күнелен *куркыу* биләне, шуға һөйләшеүзе йомшартырға теләне ‘Его душу охватил *страх*, поэтому хотел смягчить тон разговора’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

12) Арынбасаров *күңелһез* генә йылмайып куйзы ‘Арынбасаров *грустно* улыбнулся’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

13) Әллә *куркты*, әллә *исәңгерәне* ‘То ли *испугался*, то ли *растерялся*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

14) Донъяла ул иң *бахетле* кеше! Түзә алмай Фирая, берсә ирендәре кибә, берсә күззәренән үззәренән-үззәре кайнар йәштәре тәгәрләп сыға. Бешерә күз йәштәре, биттәре буйлап йәйелеп китә. Исмәғилгә быны һиззәрмәскә итә, тиз генә битен ундай сакта елгә куйып ала... Тыныслана... Ни тиһәң дә Исмәғилен көтөп алыузары еңел булманы уға. Шуға инде йомшап китеүзәре... *Шатлык* йәштәре аға... ‘Она самый *счастливый* человек на земле! Не может сдержаться Фирия. То сохнут губы, то слезы так и катятся из глаз, обжигая щеки. Она подставляет лицо ветру, стараясь скрыть слезы от Исмагила... Успокаивается... Тяжело ей далось ожидание Исмагила. Поэтому так и расчувствовалась... Это слезы *счастья*...’ (Д. Буляков «Открытая дверь»);

15) Флүрә *кайгыга* тарып ултырып калды ‘Флюра осталась сидеть погруженной в свое *горе*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

16) – Убью, гад, *ненавижу* всех фашистов, – тип уға ташланды ‘Со словами «Убью, гад, *ненавижу* всех фашистов» он накинулся на него’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

17) *Юкһыныуы* арткан һайын, батько тураһында күберәк уйлай Петро. Нишләп хат язмай ул? Башкаларға язмаһа ла, миңә язырға тейеш ул. Мин бит уға теләһә кем түгел, «сынку». Петро күкһел һоро күззәрен моңһоуландырып уйланып ултыра. Уның кызғылт ак йөзөн һағыш баһа ‘Петро

чем больше *тосковал*, тем чаще думал про батьку. Почему он не пишет? Мне же должен он написать. Я же для него не абы кто, “сынок”. Петро с грустными серыми глазами сидит, задумавшись. Его покрасневшее бледное лицо искажает тоска’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

18) Бик *бәхетле* икән Фәһим ‘Фагим, оказывается, очень *счастливый*’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

19) Балакайзарымдың күзе асыла, тип уйлағайным, тағы ла булманы, *бәхеттәрен* яндырзылар бахыркайзарзың ‘Думала, у деток моих глаза раскроются, так нет, сожгли их *счастье*’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

20) Бер көндө... Ул көн үзенең һокланғыс йәйге яктылығы һәм кот оскос *кайгы* караңғылығы менән бергә буталып йыракта калды инде ‘Однажды... Этот день, поражавший удивительным светом летнего солнца и омраченный чернотой ужасающего *горя*, остался позади’ (А. Атнабаев «Он вернулся»);

21) Тимербулат (*гәжәпләнен*). Ниңә? ‘Тимербулат (*удивленно*) Почему?’ (А. Атнабаев «Он вернулся»);

22) Йәшлек урамдары...

Тулы хыялдары...

Без *шатлыкка* туймаҫ иҫәрзәр.

‘Улицы молодости (моей)...

Полные надежд...

Мы глупцы, не насытившиеся *счастьем*’

(Н.Наджми);

23) Был һүззәрзе ишеткәс, Әүхәт *үпкәләне*:

– Минекә лә кораманан түгел, минекә лә шунда бит, – тине,

– Эй, корзаш, улай тип кем әйтһен, улар бөтәһе лә бер...

– Ана шулай, беззекеләр, тиң, – Әүхәт, *кәнәгәт* булыуын белдереп,

накалын һыпырып куйзы ‘Аухат *обиделся*, услышав эти слова:

– Мой тоже не лыком шит, тоже такой, – сказал он.

– Эй, сверстник, никто ж так не говорит, они все одинаковые...

– Вот так и скажи, что наши, – Аухат *довольно* потер бороду’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

24) Мин һаман да ун һигеззә кеүек,

Йөрәк һаман шулай түземһез...

Тик ун һигез йәшлек кыззар ғына:

«Ағай», – тизәр, – шуныһы күңелһез.

‘Мне как будто до сих пор восемнадцать,

Сердце также нетерпеливо стучит.

Лишь девушки, которым восемнадцать,

Обращаются ко мне: «Дядя», – вот что *грустно*’ (А. Атнабаев);

25) Нәфисә *йәнләнә төштө*. Быны, элбиттә, Нуриханов күрмәй калманы ‘Нафиса *оживилась*, что не могло укрыться от глаз Нуриханова’ (Д. Буляков «Пришелец»);

26) *Өмөттәре өзөлдө*. Бындай буранда нисек килеп етһен уның Исмәгиле? Етмәһә, нисәмә йөз сакрым ара ята... Йәшенеп кенә илаған сактары ла булды. Хәйер, шулары ла татлы төш һымак тойола бөгөн ‘*Надежда оборвалась*. Как в такой буран доберется к ней Исмагил? Тем более за сотню километров... Она даже плакала, спрятавшись. Кстати, даже эти слезы вспоминаются сладким сном...’ (Д. Буляков «Открытая дверь»);

27) Таштимер *күнелһез* уйзарын башынан кыуырға итте. Әллә ниңә был донъянан уңмаған кеше булды инде ул ‘Таштимер попытался прогнать *грустные* мысли из головы. Вот таким он невезучим уродился на этот свет’ (Д. Буляков «Пришелец»);

28) Әле тау буйындағы йәп-йәшел үлән өстөнә һузылып яткас, ауыл малайзарына хас шуклык менән быуындары шытырлағансы кирелде лә ниндәйзер үзенә генә билдәле бер *һағыш* менән әйтеп куйзы:

– Ауыл һағындыра...

‘Растянувшись в душистой траве у подножья горы, он, словно озорной деревенский мальчишка, потянулся до хруста костей и произнес с понятной лишь ему *тоской*:

– Скучаю по деревне...’ (Д. Буляков «Пришелец»);

29) Матур ғына йәшәп ятканда, уларзың өйөнә *кыуаныс* кайтты ‘В их спокойную жизнь нагрянула *радость*’ (Д. Буляков «Открытая дверь»).

Как видно, в данных примерах используется эмоциональная лексика, называющая сами эмоции: радость, удивление, наслаждение, ненависть, горе, страх, испуг, волнение, растерянность, грусть, злость, ревность. Авторы в своих произведениях для передачи гаммы чувств обращаются как к положительным, так и к отрицательным эмоциям.

Примечательно, что в текстах эмоции выражены разными частями речи:

а) существительными (*нафрәт* ‘ненависть’, *кайгы* ‘горе’, *куркыу* ‘испуг’, *тулкынланыу* ‘волнение’, *шатлык* ‘радость’, *рәхәтлек* ‘наслаждение’ и др.);

б) глаголами (*куркты* ‘испугался’, *исәңгерәне* ‘растерялся’, *яратам* ‘люблю’, *асыуы кабарзы* ‘разозлился’, *көнләшәме* ‘ревнует ли’, *көнләшмәс* ‘не будет ревновать’, *аптырап калды* ‘удивился’ и др.);

в) прилагательными (*асыулы* ‘злой’ и др.);

г) наречием (*күңелһез* ‘грустно’ и др.).

Одним из лексических средств выражения эмоций в произведениях башкирских писателей является **вульгарная лексика**, включающая в себя бранные слова, проклятия, нецензурные выражения. В тексте данная лексика передается словами, теряющими свое предметно-логическое значение, и вследствие этого становится эмоционально окрашенной и ярче всего проявляется в диалоге.

Необходимо отметить, что вульгарная лексика, в основном, употребляется авторами при выражении отрицательных эмоций. Например:

1) Дуҫ кыззарым аша көн дә

Записка тапшырталар.

Ул ғынамы?!

(Оятһыззар!)

Аулакка сакырталар.

Башкайзарым катты инде.

Калманы түзер хәлем.

Тотоп тукматам үззәрен.

Кайт кына тизерәк, йәнем!

‘Через подружек каждый день

Записки передают.

Только это бы!?’

(Бесстыжие!)

На посиделки зовут.

Уже голова трещит.

Нет терпения.

Скорее возвращайся, дорогой,

Попрошу побить их’ (А. Атнабаев);

2) Ултыртырға кем которткан?

Диуаналар, шайтан алғыры!

Кто выстроить подстрег?

Идиоты, черт побери! (А. Атнабаев);

– *Йәнһез*, – тине лә Аня илай башланы. Башка сара калманы Фәһимгә, көслөк менән булһа ла, кыззы күтәреп алырға тура килде ‘ – *Бездушный*, – произнесла Аня и расплакалась. Иных вариантов не было, Фагиму пришлось насильно подхватить девушку на руки’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

3) Йомошон һөйләп биргәс, теге *һүгенеп куйзы*:

– Күпме кешене яфалайзар, *эт талагырзары!*

‘После его просьбы тот *проматерился*:

– Сколько людей мучают, *собаки!* ’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

4) Изел башына беззең бер егет кайтып бара. Футбол тубы шикелле, кире типкэндәр. Хәрби билетында махсус тамға юк, йәнәһе. *Сволочтар!* Уссурийскизан килә егет, йәнәнәмдең үзенән... Оялмайзар... ‘Один из наших парней возвращается домой. Его, как мяч, отфутболили. В его военном билете не было специальной отметки. *Сволочи!* Из Уссурийска едет парень, издалека... Даже не стесняются...’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

5) – Кәрәгенде алдың, *хайуан!* – тип шыбырланы Сәфәрғәли, тешен кысып ‘– Получил свое, *скотина!* – прошептал Сафарғали, стиснув зубы’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

6) – Һинең кеүек *хайуанды*, караңғы мөйөшкә кысырыкклап, уңлы-һуллы *бәргеләргә* кәрәк ‘– Такую *скотину*, как ты, нужно в темном углу *побить*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

7) – *Оятһыззар*, кырағайзар... – тип әрләне-битәрләне ‘–*Бесстыжие*, дикари... – ругала она’ (Д. Буляков «Открытая дверь»);

8) – Кемдең *көсөгө* был? Бурзы яклай. Эсенә тибеп үлтерергә кәрәк үзен, – тип Фәһимгә карай килә башланы. Күззәре акайған күпкәк Шаһғәле ошо килеш сабый күңеленә мәңгегә һеңеп калды ‘– Это чей *щенок*? Вора тут защищает. Насмерть надо такого забить, – с перекошенным взглядом он направился на Фагима. Именно таким взбешенным запомнился ребенку толстый Шахғали’ (И. Гиззатулин «Тридцать лет после смерти»);

9) – *Кә-бә-хәт-тәр!* – тип рәхимһез яңғыраны генераль директорзың тауышы ‘– *Твари!* – безжалостно прозвучал голос генерального директора’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

10) – *Хәсистәр*, – тип йәне әрнеп үз алдына һөйләнде Юламан, – ниндәй зыяны тейгәндер инде бахыр януарзың... ‘– *Сволочи*, – прошептал с горечью Юламан. – Какой вред им нанес этот несчастный зверь...’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

11) – *Эгоист!* – Ошо һүззе кыскырыу менән, трубканы бәрзе.

‘– *Эгоист!* – с этими словами она бросила трубку’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

- 12) – *Мәсхәрә!* ‘– *Позор!* ’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);
- 13) – *Һат-лы-ык! Кәбәхәттәр!..* – тип үзен-үзе белештермәйенсә һөйләнде, зур бакса эсендә урын таба алмайынса. ‘ – *Ләсеңи! Сволочи!...* – шипел он, не находя себе места в огромном саду’ (Д. Буляков «Открытая дверь»);
- 14) – Ну *эттәр*, ну *сволочтар!* ‘– *Вот собаки, вот сволочи!* ’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);
- 15) – Һай *мөртәт*, карт *алйотто* кармагына эләктерзе бит!
– Әйтерһең карт *алйот* тип, теп-теүәл академик!
‘– *Вот зараза*, подцепил старого *дурака!*
– Скажешь тоже, старый *дурак*, академик ведь! (Д. Буляков «Взорванный ад»);
- 16) – Во-он! – тип кыскырып ебәрзе Курмантаев, әрнеп, түбәнһенеп, ярһып. – Сы-ғы-ып ки-те-гез! *Хә-шә-рәт-тәр!!!* ‘– Во-он! – яростно крикнул Курмантаев. – Пошли вон отсюда! *Мрази!* (Д. Буляков «Взорванный ад»);
- 17) Шунан күпме көсә бар, шул тиклем көсәнеп, өстәрәнә менеп килгән һақауға *екерзе:*
– Ки-ит, якын кил-мә, кил-мә-ә!!! *Хә-шә-рәт! Үл-те-рә-ә-әм!!!*
‘Тут она изо всех сил *заорала* на картавого, который уже лез к ней:
– Уй-уйди! Не подходи, не подходи!! *Гнида! У-у-убью!!!*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);
- 18) – Һин – *фашист!* – Гөлшан түзеп тора алмай ине
‘– Ты *фашист!* – Гульшан была не в состоянии молчать’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);
- 19) Әлегә тиклем куркып торған Гөлшанды капыл эсә һыу һибеп бешерзеләрме ни, беләгенән кысып тоткан Илғужаның кулынан ыскынып китеп, күз асып йомғансы «шеф»тың яғаһына барып йәбеште:
– Һин нимә, *хайуан*, миһең башымды акса менән үлсәргә итәһеңме? Ун биш меңме? Мә һиңә, мә! – Ул уңлы-һуллы башлыкты *сәпәкләргә тотондо*

‘Испуганную Гульшан будто жаром обдало, она вырвалась из рук Ильгужи и мгновенно вцепилась в «шефа»:

– Ты что, *скотина*, решил мою голову в деньгах измерить? Пятнадцать тысяч, значит? Вот тебе, вот! – она *начала бить* главного’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

20) – *Һез – кеше ултереүселәр, иң әшәке хайуандар!* ‘– Вы убийцы! Самые грязные скоты!’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

21) Арынбасаров Фәйрүзәһен йәлләп китте. Йылмайырға маташты, ләкин был килеп сыкманы, шулай за катының яурынына иркә генә кағылырға онотманы:

– Хәбәр бәтә больницаға таралған, ахыры. Хатта... Әйтергәме, юкмы тигәндәй, профессор тотлоғоп туктап калды.

Катыны түземһезлек белдерзе:

– Нимә... хатта? Бөгөн мин һине аңламайым инде әллә...

– *Ахмак!* – тине үзенә Арынбасаров ‘Арынбасарову стало жалко Файрузу. Попытался улыбнуться, но не вышло, тогда он нежно прикоснулся рукой к плечам жены:

– Кажется, новость по всей больнице разлетелась. Даже... – профессор замер, размышляя, стоит ли говорить. Жена не выдержала:

– Что даже? Я сегодня тебя совсем не понимаю.

– *Дурак!* – упрекнул себя Арынбасаров’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

22) Анау Насиров тигәндәре калайырак һайрай. *Йүнһез*. Ғүмер буйы аксаға туйына алмай йөрөй, *мәхлүк*. Нисауа, *үкенәсәк көндәре әле алда!* ‘А как этот Насиров запел-то. *Гад*. Всю жизнь деньгами насытиться не может, *бедолага*. Но ничего, он еще *пожалеет!*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

23) – Ни һөйләгәнәнде беләһеңме, *яп ауызыңды*, кеше йәшәү өсөн тыуа, давай укол – Понимаешь, что несешь, *заткнись*, человек рождается, чтобы жить, давай укол’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

24) Артка карап, «тағы үтте», тиеп,
Үкенһендәр кай бер *ахмактар*;
Үкенмәйем үткән көндәремә,
Үкенһән дә, улар кайтмастар.

‘Глядя назад, сожалея, что вновь минуло,
Некоторые *глупцы* грустят.

Не жалею об ушедших днях я,
Все равно не вернутся назад’ (А. Атнабаев);

25) Озак та тормай, палатаға сиғанға окшаған бер карсыгк килеп инде.
Ул ишектән үк әрләй башланы Фәһимде:

– Най, шәп кеше, каршылык күрһәтеп ята, бирермен мин һиңә, бер
һин генә ине ти бында, ни эшләгәнәнде беләһеңме һуң, *алиот*, бәуелде тыйыу
– самоотравление бит ул, не допущу

‘В палату вошла женщина, похожая на цыганку, и тут же начала ругать
Фагима:

– Тоже мне молодец, сопротивляется он, якобы, я тебе устрою, ты
думаешь один такой, ты хоть понимаешь, что делаешь, *идиот*, воздержание –
это самоотравление, не допущу’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после
смерти»);

26) «Ен, ен түгел, *суска!*» – тип корт саккандай ырғып, урынынан
торзо ‘ «Нет, не демон, *свинья!*» – парень, как ужаленный, соскочил с места’
(Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

27) – Һуң... һуң был бит бысраклык! Төндә тәне менән һатыу итеп,
көндөз һиңә кайта... *Әш-шәкелек!*. – Но... но ведь это пакость! Ночами она
торгует своим телом, а днем к тебе возвращается... *Бесстыдство!*’ (Д. Буляков
«Жизнь дается однажды»);

28) – Нишләйһегез, *алиоттар!* – тип ажғырып, кулына күсәк тоткан
Лотфрахман бабай капканан килеп сыкты. Быны күргәс, йырткыстар
таралышты, йылға йыуған сокорзағы таш өстөндә «һәйбәт бабай»зың канға
тузған кәүзәһе генә ятып калды ‘ – Что вы делаете, *ироды!* – сжимая в руках

палку, из ворот выбежал дед Лутфрахман. Увидев его, звери разбежались в разные стороны, лишь окровавленное тело “хорошего деда” осталось лежать в ложбинке у берега’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

29) Казнабаев уның артынан кыскырзы:

– Ялған! Исбатлай алмаясақһың! *Иблес!*

‘Казнабаев крикнул ему вслед:

– Ложь! Ты ничего не докажешь! *Дьявол!* ’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

30. – *Алийот*, эле йүнләп йөрөй башламаған, нимә һөйләй, – тип мығырланды Буянов ‘– *Дурак*, еще толком ходить не научился, а болтает, – проворчал Буянов’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»).

Вышеприведенные примеры из текстов произведений Диниса Булякова, Ангама Атнабаева и Ибрагима Гиззатуллина демонстрируют наличие в них вульгарной лексики. Исходя из проведенного анализа можно заключить, что наиболее широкий спектр вульгарных слов представлен в произведениях Диниса Булякова. При этом и количество подобных слов значительно больше, чем в работах других авторов.

Данные лексические средства выражения эмоций усиливают экспрессивность текста и придают ему особую динамику. Отметим, что бранные слова и проклятия *кэбэхэт* ‘тварь’, *ике йөзлө* ‘двуличная’, *фэхеш* ‘разврат’, *эт талагырзары* ‘собака, псины’, *сволочь* ‘сволочь’, *хайуан* ‘скотина’, *ахмак* ‘глупец’, *хәсис* ‘сволочь’, *эгоист*, *мәсхәрә* ‘позор’, *эттәр* ‘собаки’, *мөртәт* ‘зараза’, *алийот* ‘дурак’, *хәшәрәттәр* ‘мрази’, *фашист*, *кеше үлтереүселәр* ‘убийцы’, *йүнһез* ‘гад’, *мәхлүк* ‘бедолага’, *угры*, *бур* ‘вор’, *шазра* ‘рябой’, *ен* ‘демон’, *һатлык йән* ‘тварь продажная’, *әшәкелек* ‘бесстыдство’, *суска* ‘свинья’, *иблес* ‘дьявол’, *төкөрзөм* ‘плевал’, *үлтерәм* ‘убью’ и др. выражают такие отрицательные эмоции, как гнев, ненависть, отчаяние и др.

Из всех лексических средств, выражающих эмоции, в выбранных для анализа произведениях особо выделяются *междометия*. Данная группа слов является значительной по количеству употреблений в тексте.

Эмоциональные междометия выражают все существующие положительные и отрицательные эмоции и чувства: удивление или испуг, восторг или горе, радость или досаду, облегчение или благодействие и т.д. Неоднозначность таких междометий раскрывается только в контексте. Например:

1) – *Эй, Хозайым!* Шул яуыздан нәселебеззе кырзыртып бөтөргә уйлайһыңмы ни? Ниңә мәрхәмәтендән ташланың? Ни гонаһыбыз бар? Ни өсөн, ни өсөн? – тип Аллаға ялбара башланы ‘– *О Господи!* Неужели ты хочешь руками этих злодеев истребить наш род? Почему ты отвернулся от нас? В чем мы нагрешили? За что, за что? – обратилась она к Богу’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

2) – *Уф, үләм, хәләм бөтә, һыу, – тине ул, ыңғырашып ‘– Уф, умираю, сил нет, воды, – стонал он’* (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

3) – *Эй, мой рыцарь, дамаңды ниңә каршы алмайһың?* – тип йылмая ул, Вася тормайырак ятһа, – йә, кузғал, – тип кабатлай, якин ук килеп. Тегеһе ашығып тора, әллә оялып, әллә уңайһызыланып, түбән карай ‘– *Эй, мой рыцарь, почему не встречаешь свою даму, – улыбалась она. Если Вася не вставал, повторяла, чтобы шевелился. Тот вскакивал и смущенно опускал взгляд* (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

4) – *Да-а!* – тип һуззы Фәһим. – Ниндәй зур, ниндәй бейек улар, – туғаны таузарзы күз алдына килтергәнде көткәндәй, ир тынып калды

‘– *Да-а!* – протянул Фагим. – Какие большие, какие они высокие, – мужчина замер, словно ожидая, пока братишка представил горы’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

5) – *Уй, Аллам, бөттөк, харап булдык, мәңгелек тамукка баттык былай булғас, – тип лып итеп артына ултырзы ла куйзы. Ике кулы менән дә*

башын тотоп үкһергә тотондо ‘– *Ох, Господи*, все, мы пропали, обрекли себя на вечный ад, – он резко сел и, обхватив голову руками, начал всхлипывать’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

б) Шәмсинур. *Кара һин уны!* Икмәк тешлэгәндән комсомоллыгың кителмәс. Икмәкте уны коммунистар за ашай ‘Шамсинур. *Вот тебе на!* От того, что хлеб откусишь, не пострадает твое комсомольство. Комунисты тоже хлеб едят’ (А. Атнабаев «Он вернулся»);

7) Тимербулат. *Молодец!* Капланың! Ләкин, мин бер ни тиклем шүрәлегә окшаһам да, шүрәле түгел. Юлсы. Ә юлсы кешегә карата улай ук мәрхәмәтһез булырға ярамай. Минең ремонтланған ерзәр күп... Ултырырға рөхсәт ит ‘Тимербулат. *Молодец!* Покрыл! Но, как бы не был похож на лешего, я все же не леший. Путник. А к путнику нельзя быть таким жестоким. У меня много отремонтированных мест...Разреши присесть’ (А. Атнабаев «Он вернулся»);

8) Озак та тормай, палатаға сиғанға окшаған бер карсык килеп инде. Ул ишектән үк әрләй башланы Фәһимде:

– *Һай*, шәп кеше, каршылык күрһәтеп ята, бирермен мин һиңә, бер һин генә ине *ти* бында, ни эшлэгәнәнде беләһеңме һуң, аһйот, бәуелде тыйыу – самоотравление бит ул, не допущу ‘В палату вошла женщина, похожая на цыганку, и тут же начала ругать Фагима:

– *Тожә мнә молодец*, сопротивляется он, якобы, я тебе устрою, ты думаешь один такой, ты хоть понимаешь, что делаешь, идиот, воздержание – это самоотравление, не допущу’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

9) – *Эйе*, борсолмашың... Кешеләр йүгерһен, хәрәкәт итһен, котолоу сараһын күрһен, ә һин дошмандарзың килеп тотоп алыуын, мысқыллауын, яфалауын көтөп ят. Юк, булмай. – Үзенәң хәле менән килешергә теләмәгән Фәһим талашты, тартылды. Алланы, һуғышты, Гитлерзы һүкте ‘– *Да*, как же не беспокоиться... Пусть другие бегают, двигаются, ищут спасения, а ты просто лежи и жди, когда враги придут и начнут издеваться, измываться над

тобой. Нет, нельзя. – Не хотел Фагим мириться со своим положением. Проклинал Бога, войну, Гитлера’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

10) – *Әһә*, касаһығызмы, – тине Фәһим, тештәрен кысып. Дошманды Лужинонан бәреп сығарырға теләп, ук булып алға осто. Тик ошо мәлдә уның менән әллә нимә булды, аяғы тозақка эләккән кеше һымак, колас ташлап ергә аузы ‘ – *Ага*, сбегаете, – сквозь зубы произнес Фагим. Желая прогнать врага из Лужино, он стрелой рванул вперед. Но в эту секунду что-то с ним произошло, словно попавший в силки, он плашмя рухнул на землю’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

11) Был кот оскос һүзәрзең дөрөслөгөнә ышанғыһы килмәй, һикереп торорға уйланы Фәһим. Бәтә көсөнә тартылды. Әммә карауатка һузып һалынған кәүзә кузғалып та караманы. Яңынан көсәнде егет, эстә нимәлер өзәлдә, күрәһең. «*Ой, ой!..*» – тип ыңғырашты ул, йән өзгәс итеп ‘От нежелания верить в эти страшные слова, Фагим попытался вскочить. Потянулся из всех сил. Но положенное на кровать тело не сдвинулось. Парень вновь собрался с силами, внутри что-то оборвалось, кажется. – *Ой, ой,* – душераздирающе застонал он’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

12) Марат (уның артынан аптырап карай). *Вәт* дурак! Егерме бишен тултырзы, акылы ултырманы ‘Марат (проводив ее взглядом удивленно). – *Вот* дура! Двадцать пять исполнилось, ума не набралась’ (А. Атнабаев «Он вернулся»);

13) Марат. *Йә*, һин улай кызма. *Уф*, шул кыззарға бер һүз әйтер хәл юк, кызалар за китәләр. Пускай һинеңсә булһын. Тик колак бороштан түгел ‘Марат. *Ладно*, не горячись. *Уф*, эти девчонки, слова не скажи, тут же закипают. Пусть будет по-твоему. Только уши не крути’ (А. Атнабаев «Он вернулся»);

14) Илбикә. Ғорурлык тигән нәмә лә юкмы?

Хаммат (ауыз сите менән йылмайып). *Һа...* Ғорурлык! Уныңын немецтар беренсе бомбежка вақытында ук селпәрәмә килтерә. Улар мине

башымды эйергә, ергә һыйынырға, ахыр сиктә касырға мәжбүр иттеләр. Сөнки улар көслә! Көсләнән ике төрлө юл менән генә котолоп була: йәки үлеп, йәки касып.

‘Ильбика. И гордости тоже нет?

Хаммат (скривив рот). *Ха...* Гордость! Ее немцы в первую же бомбежку убивают. Они вынудили меня голову склонить, прижиматься к земле, под конец сбежать. Потому что они сильные! От сильного можно двумя путями спастись: либо умереть, либо сбежать’ (А. Атнабаев «Суд матери»).

15) – Һин нимә, хайуан, миңең башымды акса менән үлсәргә итәһеңме? Ун биш меңме? *Мә* һинә, *мә!* – Ул уңлы-һуллы башлыкты сәпәкләргә тотондо.

‘– Ты что, скотина, решил мою голову в деньгах измерить? Пятнадцать тысяч, значит? *Вот тебе, вот!* – она начала бить главного’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

16) – *Мә*, ағайыңа кайтып һөйләрһең! ‘– *На*, передашь своему начальнику!’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

17) – *Нимә*, әсәйемме әллә?.. – тип куркып, тынын бер юлы тышка өрзө, аяк быуындары йомшарып, үзе стенаға һөйәлдә ‘– *Что*, моя мама? – он испуганно выдохнул и без сил прислонился к стене’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

18) – *Әй*, картлас, бөтәһен дә теге һатыусы менән тиңләмә инде. Хи-хи! *Ну* һеззең мөхәббәт хәтәр булды, *әй!* Нисәмә төн йоко бирмәнегез, ха-ха-ха! ‘*Әй*, старик, ты всех с этой продавщицей не сравнивай уж. *Ну* у вас любовь, конечно, была, *ой-ой!* Сколько ночей спать не давали, ха-ха-ха!’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

19) Сәғизә. *И, хәсрәт*, үлә алмаһа ла минән күрер ‘Сагида. *И, несчастный*, умереть не сможет, тоже я крайняя буду’ (А. Атнабаев «Он вернулся»);

20) *Нисауа*, үкенәсәк көндәре әле алда! ‘Но *ничего*, они еще пожалеют’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

21) – *Браво! Вот* егет, исмаһам.

– Гәйнияр ағайзан уззырзы...

‘– *Браво! Вот* это джигит!

– Гайниюра даже обошел...’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

22) Сәғизә. *Уф*, кыззыра! Бер йәшенләп ямғыр яуып алһын ине... ‘Сагида. *Уф*, жара! Вот бы ливень с грозой прошел’ (А. Атнабаев «Он вернулся»);

23) – *Усал, ват* усал, быны тере кул менән генә алырмын тимә ‘– Суров, *вот* суров, такого голыми руками не возьмешь’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

24) – Ни эшләргә уйлай был? Самаһыз ярһыған... *Хозайым*, акылғынаһы самалы, ахыры. Быуырға керешмәһен... ‘Что он собирается делать? Слишком взбешен... *Господи*, он обезумел, кажется... Как бы душить не начал...’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

25) Рәүиә. *Ә-ә-ә...* Һин шулай кыззар яратһын өсөн яһалма кыланаһыңмы *әле?! Аңлашылды! Һау бул!* ‘Равия. *А-а-а...* Ты, оказывается, так кривляешься, чтобы девочки тебя любили?! Понятно! Прощай!’ (А. Атнабаев «Он вернулся»);

26) *Эй, Хозайым*, – тип уфтанды Фәйзраһман бабай, – бына нисек табышты туғандар... Кәһәр һукһын һуғышты! ‘*О Господи*, – причитал старик Файзраһман, – вот как нашлись родственники. Будь проклята эта война!’ (Д. Буляков «Пришелец»);

27) Колағы төбөндә йәнә Фәйзраһман бабайзың тауышы яңғыраны: – *Хозайым*, танаузарығыз, караштарығыз за окшаш бит! ‘Звоном в ушах звучал голос старика Файзраһмана: – *Господи*, нос, взгляд – как же вы похожи!’ (Д. Буляков «Пришелец»).

Таким образом, из приведенных примеров видно, что междометия являются неотъемлемой частью лексических средств репрезентации эмоций в произведениях, выбранных для анализа. Они используются для усиления

эмоционального состояния персонажей и придают дополнительный чувственный оттенок диалогам, выражая широкую гамму чувств героев.

Эмотивная лексика может характеризоваться также словами, имеющими эмоциональную окрашенность, выраженную языковыми средствами. Особенность такой лексики заключается в эмоциональной окраске общепринятых лексических значений слова, что помогает выразить личную позицию автора, касающуюся того или иного явления.

Для репрезентации эмоций в художественном тексте могут использоваться все разряды стилистически окрашенной лексики: эмоционально-экспрессивная, оценочная и т.д. Последняя может придавать тексту возвышенное или, наоборот, заниженное звучание и служить средством речевых характеристик героев для передачи авторских эмоций и оценок.

В анализируемых произведениях имеет место большое количество примеров таких эмоционально-оценочных слов. Например:

1) Гөлсибәр бөтөнләй һөйләшмәскә әйләнде, һыу уртланымы ни, башы түбән әйелде. Был үзгәрешкә ғәжәпләнгән Вәлиулла, туктап, уға боролоп караны:

– Минең *һылыукайыма* ни булды, әле генә көлә ине?

‘Гульсибар стала совсем молчаливой, словно воды в рот набрала, голову склонила. Валиулла, удивленный такими изменениями, остановившись, обернулся к ней:

– Что случилось с моей *красоткой*, только что улыбалась ведь? (Д. Буляков «Взорванный ад»);

2) – Бына *минең еңел һыбайлыларым, оскор* күзле разведчиктарым, – тип аркаларынан тупырлатып һөйзө Заһира апайзары ‘– Вот они, *мои легкие всадники, зоркие* разведчики, – приобняла их Загира’ (И. Гиззатулин «Тридцать лет после смерти»);

3) – *Молодец*, – атаһының йәмрәйгән кашы язылып, карая башлаған йөзө яктырып китте ‘– *Молодец*, – нахмуренные брови отца расслабились, а лицо просветлело’ (И. Гиззатулин «Тридцать лет после смерти»);

4) – *Йә-не-ем*, үлөп яратам үзөңдө! – тип шыбырланы Әнүәр, кызыккайзың нәфис колағының алһуы йәрпесәгенән үбөп. – *Һин ми-не-ке!* ‘– *Родная*, я безумно тебя люблю! – прошептал Анвар, целуя девушку в мочку уха. – Ты моя!’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

5) Роддом алды...

Иргә кызык һымак

Тәү-балаһын тотоп атлауы.

Ул иркәләп карай катынына:

— Бик һағындым һине, *аппағым*...

‘Перед роддомом...

Мужчине кажется смешным шагать,

Держа в руках первенца.

Он с нежностью обращается к жене:

– Очень соскучился по тебе, *белоснежка*’ (А. Атнабаев);

6) Ишкәк ишкән Әнүәр бер өзлөкһөз Гөлсибәргә карай, уның һәр хәрәкәте, һәр кыланышы шул кәзәре нәфис, кабатланмас тойола егеткә, бөтәһен хәтерләп, отоп алырға тырышкандай, *комһозланып*, ауызын йыйып ала алмай, *кыуанып карап килә* ‘Анвар, гребя веслами, безотрывно наблюдает за Гульсибар, словно пытаюсь запомнить каждое ее движение, каждый жест, все кажется парню таким неповторимым, и он *жадно* смотрит, не скрывая *счастливой улыбки*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

7) – Хәмит *улым*, бер-берегеззе ташламағыз инде. Үзегеззе һаклап йөрөгөз. Дыуамалланып ут эсенә барып инмәгез ‘– Хәмит, *сынок*, вы друг друга не бросайте уж. Берегите себя. Не бросайтесь в омут’ (А. Атнабаев «Он вернулся»);

8) – Эй, *бахыркай!* – кыз егеттең битенән һыйпаны. – Кыйырһыттылар шул *бахыркайзы* ‘– Ой, *беденький!* – девушка погладила по лицу парня. – Обидели *беденького!*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

9) Тимербулат (*кыйынһынып*). Мин комсомол бит, эсэй...
'Тимербулат (*смуцено*). Я же комсомолец, мама...' (А. Атнабаев «Он вернулся»);

10) – Сираттағы *бомба* бит был! '– Это же очередная *бомба!*' (Д. Буляков «Взорванный ад»);

11) Эйе, китте, китте инде бәпесләнергә, *карт бәпес, сабата ауыз*...
'Пошло-поехало, стал вести себя как младенец, взрослое дитя, лапотный рот...' (Д. Буляков «Взорванный ад»);

12) – *Әс-сәкәйем!* – тип, сүгә биреп, Илғужаның беләктәренә йәбеште ул куркышынан '– *Мамочки!* – девушка вцепилась в парня со страху' (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

13) – Тыпырсынма, *сабак*, барып еткәс, ергә ятып бергә тыпырсынырбыз! '– Не дергайся, *сорога*, когда додем, вместе дергаться будем!' (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

14) – Былай *тәмле күренәһең*, тотор ерең дә бар... – шул һүззәр менән был кәбәхәт Гөлшандың күкрәгенә үрелде, кайһылыр бер арала ыскынып китеп, кызыкай теге егеттең кулын умыра тешләп алды '– *Выглядишь сладкой*, есть за что схватить... – с этими словами мерзавец потянулся к груди девушки, та вдруг вывернулась и со всей силы укусила парня за руку' (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

15) – *Йәнем!* Коткар! – тигән йөрәк өзгөс тауышы колағына салынды 'Родненький! Спаси! – услышал он отчаянный крик' (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

16) Сабирйән. *Йән кичәгем*, эшкә һуңлайбыз. Киттек! 'Сабирьян. *Частичка души моей*, на работу опаздываем. Пошли!' (А. Атнабаев «Он вернулся»);

17) *Бахыркай*, сабий инде, мине күргәс, ысын күз йәштәре менән иланы ла ебәрзе. Детдомда үскән егет ул, йырак кына ағаһынан башка бер кеме лә юк 'Бедняжка, совсем еще ребенок, как меня увидел, искренне

расплакался. Он в детдоме рос, кроме дальнего родственника никого и нет' (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

18) – Атай, *атакайым!* ‘– Папа, *папочка!*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

19) – Илғужа... *йәнекәйем!* – тип бышылданы кызыкай, күззәренән капыл көтмәгәндә йәше койолдо ла китте ‘– Ильгужа... *роденький мой!* – из глаз девушки вдруг покатились слезы’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

20) – *Бисәкәй,* булды бит әй! – Арысландын күззәре ут яна ине ‘– *Женушка,* получилось ведь! – глаза Арслана загорелись’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

21) Сабирйән. Катынға һөйләнмә (Эсә. Шешә менән стаканды кесәһенә тығып куя.) Ана, *миңең прокурор* үзе лә сығып килә.

‘Сабирьян. Жене не говори (Выпивает. Бутылку и стакан прячет в карман). Вон *мой прокурор* и сама идет’ (А. Атнабаев «Он вернулся»);

22) – *Әсәһе,* тим, бар коньягыңды сығар! ‘– *Мать,* ну-ка носи коньяк!’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

23) – *Әсәһе,* былар ысынлап та талантлы агитатор, мине лә һындыра алғас... – тип ихлас өндәште ‘– *Да, матушка,* они действительно талантливые агитаторы, раз уж даже меня смогли уломать...’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

24) Сәғизә. Кит, кайтып етмәгән, эш тип тотонған. Был тиклем дә *күңелһез кеше* булырһың икән ‘Сагида. Иди ты, вернуться не успел, а уже про работу. Какой же ты *зануда!*’ (А. Атнабаев «Он вернулся»);

25) – *Һеңлекәш,* үтенеп һорайым, – тип ялбарзы ул, – таба ғына күр инде. Ирәмдең иштәлеге итеп тота инем ‘– *Сестренка, милая,* умоляю, только найди, – просила она. – Только найди. Я хранила это как память о муже (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

26) Самаһыз ярһыған... Хозайым, *акылгынаһы* самалы, ахыры ‘Слишком взбешен... Господи, он *обезумел,* кажется... (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»).

Использование авторами эмоционально-оценочных слов придает тексту эмоциональную окрашенность и ярче выделяет речь персонажей, о чем свидетельствуют многочисленные примеры. Употребление таких слов, как *һылыукайым* 'красотка', *йәнекәйем* 'родная', *бахыркай* 'бедненький', *карт бәнес* 'взрослое дитя', *сабата ауыз* 'лапотный рот', *әсәкәйем* 'мамочка', *атакайым* 'папочка', *сабак* 'сорога', *тәмле* 'сладкая', *картлас* 'старик', *бисәкәй* 'женушка', *әсәһе* 'матушка', *һеңдекәш* 'сестренка', *акылгынаһы* 'разум-то' и др. усиливает проявление эмоций: восторга, жалости, презрения, насмешки, удовлетворения, любви и т.д.

Эмоции также могут репрезентироваться посредством употребления синонимов и антонимов.

Синонимы (от греч. *synonymos* – одноименное) буквально означают слова, выражающие различные части смысла вещи или явления одновременно. Применение большинства синонимов в значительной степени обусловлено наработанной информацией и «деликатным» вкусом, поэтому игнорирование специфики слова в отдельных случаях может существовать в трудах неоязыческих ученых [Шаховский, 1987: 75]:

1) лексические синонимы – слова, имеющие разные в составе звуки, но обладающие одним значением или близким по смыслу в целом;

2) фразеологические синонимы – идиоматические высказывания, фразеологические соединения и слова как синонимы; словосочетание строится с использованием контекстуальных словосочетаний, которые образуют общий смысл одного слова или словосочетания с другим значением слова; в литературном языке и разговорной речи фразеологические синонимы используются наиболее часто;

3) формант (от греч. *λεξικόν*, Truth – “словарь”) – абсолютно равнозначный термин, использующийся в контексте.

Стоит отметить, что понятие синонимии уже давно является предметом разных лингвистических исследований. О синонимах и их видах неоднократно высказывались самые разнообразные и часто противоречивые мнения. Речь

может идти не столько о понятии «синоним», сколько о различиях употребления термина, его применении к различным явлениям языка.

В башкирском языке под синонимами понимаются слова, выражающие тождественные или предельно близкие понятия в системе языка, при условии, что понятийные различия, существующие на этом уровне, нейтрализуются в речи [Ураксин, 1989: 4].

Под стилистическими синонимами воспринимаются слова, отличающиеся стилистической окраской, сферой применения и т.д. К стилистическим синонимам обычно относят также слова, в значении которых содержатся оценочные элементы.

Что же касается антонимов, то стоит отметить, что основную их группу представляют слова, обозначающие определенные качества, противопоставляемые друг другу. Выражение антонимических отношений в тексте при помощи существительных и глаголов является значимым, а глаголы эмоционального состояния занимают значимое место в языке.

Нижеследующие примеры из художественных произведений подтверждают раскрытие категории эмотивности с помощью синонимов и антонимов:

Синонимы:

1) Әнүәр бер өзлөкһөз Гөлсибәргә карай, уның һәр хәрәкәте, һәр кыланышы шул кәзәре нәфис, кабатланмас тойола егеткә, бөтәһен *хәтерләп, отон алырға тырышкандай*, комһозланып, ауызын йыйып ала алмай, кыуанып карап килә `Анвар неотрывно наблюдает за Гульсибар, словно пытаясь *запомнить* и *выучить* каждое ее движение, каждый жест, все кажется парню таким неповторимым, и он никак не может скрыть счастливую улыбку` (Д. Буляков «Взорванный ад»);

2) Азаматынан бөгөн ишеткән ике яңылык уны *һагайтты, күңелен шомландырып ебәрзе* ‘Две новости, услышанные от Азамата, *насторожили* её, *взволновали* душу’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

3) Атаһын күргәс, кызыккай капыл *кыскырып, ярһын-ярһын* илап ебәрзе ‘Увидев отца, девушка *вскрикнула и громко зарыдала*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

4) Арыным, *биззем, түбәнһенеүзәрзән туйзым*, тауар булыузан ғәрләнәм ‘Устала, все *осточертело, надоели* унижения, стыдно мне быть товаром (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

5) Бер касан да *кауышыу юк*,

Айырылыу – ни бары...

Ниңә шулай була икән

Был мөхәббәт юлдары? ‘Никогда *не сойтись* нам, Только *расставание...*

Почему бывают такими Эти дороги любви? ’ (А. Атнабаев);

6) Ләкин донъя тигез бармай әле –

Уртақ тел юк... Ярай, мин түзем.

Ул да *бойок*, мин дә *шат түгелмен*,

Ул да яңғыз, мин дә бер үзем. ‘Но жизнь что-то не ладится – Не находим общий язык... Я терпелив, ладно. Она *грустна*, мне тоже *не радостно*, Она одинока, я тоже один’ (Н.Наджми);

7) Шул кешегә ләкин кай сағында,

Баштарына кайгы төшөпмө,

Бинахакка гәйеп күтәрәпме,

Ғәмһезлектән йәне өшөпмө... ‘Но этому человеку порой, когда вдруг *приходит горе, или когда оклеветали, или когда замерзала душа...*’ (А. Атнабаев).

Антонимы:

1) Эсендә *ут кайнаһа ла*, бүлмәләгеләр менән *тыныс* йылмайып хушлашып, тизерәк сығыу яғына карань ул ‘Несмотря на *бушующий огонь* внутри, он постарался *со спокойной улыбкой* проститься со всеми присутствующими и поторопился к выходу’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

2) Был... нимә? – *Азарынып киткән* Кормантаев йәнә яңылышты, хатта *йылмайырға ла маташты* шикелле ‘– Это... что? – Кармантаев *побледнел*, он снова ошибся и даже *попытался улыбнуться*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

3) Әсләм ағай, Кормантаевты *эсе* һыузан *һыуык* һыуға ырғытып, башкаса өндәшәп торманы ‘Дядя Аслям больше ничего не ответил, словно бросая Курмантаева из *горячей* воды в *холодную*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

4) Сәғит Харисович баҫкан урынында, таш һымак, ни *үле*, ни *тере* көйөнсә бер нисә секунд баҫып торзо ‘Сагит Харисович так и остался стоять на месте: ни *живой* ни *мертвый*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

5) Ошоларзы уйлап, барак бүлмәһенәң берзән-бер киң тәзрәһенән карап торған Флүрә капыл ысынтылап *иланы ла ебәрзе*. Кайһы вақыт бына бәғере таш һымак ката, хатта *илай за алмай* ‘Стоявшая у единственного в бараке окна Флюра вдруг *расплакалась*. Иногда, бывало, что чувства ее так каменели, что и *плакать не получалось*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

б) Ә һин һаман миңә янда – калдың,

Гонаһтарым булды – кисерзең.

Берәү булһа, *агыу* бирер ине,

Һин бит миңә *дарыу* эсерзең

досл. ‘А ты все также оставалась рядом, Грешил, бывало, – прощала. Другая бы давно меня *ядом* напоил, а ты мне *лекарство (противоядие)* давала’ (А. Атнабаев);

9) Һин янымда – күңеләмдә мең яз.

Көлә бәхет миңә һәр яктан.

Бәхет булғас, *бәхетһезлек* барзыр -

Улар йөрөй бер үк һукмактан

досл. ‘Ты рядом – В душе весна. Улыбаются мне счастье со всех сторон. Если есть *счастье*, то есть и *несчастье* – Они ходят по одной тропе’ (А. Атнабаев).

10) *Шатлана* ла *газаплана* [кеше],

Ғазаптан рәхәт таба;

Кистән – канатын һындыра,

Иртәгә – канатлана

досл. '*Радуется и горюет* (человек), В горечи находит наслаждение; С вечера – крылья ломает, Наутро – окрыляется' (А. Атнабаев);

11) ...Малай сактың рәхәт ябайлығы

Онотолған инде – белмәйбез,

Илар сактар була – *иламайбыз*.

Көләр сактар була – *көлмәйбез*...

досл. '*...Радостная простота детства Уже позабыта – не знаем, Бывает, всплакнуть бы – не плачем, Бывает, посмеяться бы – не смеемся*' (А. Атнабаев);

12) *Ап-акты* ла *кап-карага* буюп,

Матурзы ла *йәмһез* күргәндә,

Якты донъя менән бәхилләшәп,

Һәләкәтен эзләп йөрөгәндә,

Шул юлынан тартып алыр өсөн,

Был кешегә ифрат аз етә:

Бер йылы һүз –

Күңел иретерлек наз етә

досл. '*Когда и белое кажется черным, Красивое видится уродливым, Когда, устав от жизни, ищут гибель, чтобы с этой дороги уйти, Очень мало нужно человеку: одно теплое слово да нежность, чтобы растопить душу*' (А. Атнабаев);

13) Ят шикелле хәзер малайзарзың

Урамдарза йүгереп йөрөгәне.

Шулай безгә акыл *керә* микән,

Әллә *сыга* микән кергәне? 'И кажется чужим теперь то, Как мальчишки бегают по улице. *Приходит* ли к нам так мудрость Или *уходит* имевшийся ум' (А. Атнабаев);

14) Бер һукмактан икәү килә:
Косаклашкан көз менән яз.
Ни гәжәп был: көз менән яз,
Береһе – *болот*, береһе – *аяз*.
Береһе – *йәшәү*, береһе – *үлем*,
Арала юк бер уртаклык,
Көз янында яззар булмай,
Яз янында көзәр артык.
Яз менән көз бергә килмәй,
Яз менән көз *кушылмайзар*.
Кушылмағыз, кушылмағыз!

...Ләкин улар *кушылгандар*. ‘По тропинке идут двое, обнявшись: *весна* и *осень*. Что за диво: весна и осень, одна дождливая, вторая ясна, одна – *жизнь*, другая – *смерть*, Нет между ними общего, Рядом с осенью не бывает весны, Рядом с весной – осень лишняя. Осень и весна вместе не приходят, не сходятся осень и весна, *Не сходитесь, не сходитесь!*.. Но они *сошлись*’ (А. Атнабаев).

Что касается выражения эмотивности с помощью **сравнительных оборотов** в тексте, то известно, что между некоторыми предметами и явлениями действительности можно установить уравнивательные отношения, что является сложной задачей для писателя. Однако в этой необычности и заключается вся сила сравнения как стилистического приема в художественной речи. Например:

1) Вәлиулла кыззың күгәрсен гөрләгәндәге кеүек күкрәк тауышын ишетеп, һискәнеп китте ‘Валлиулла вздрогнул, услышав голос девушки, *похожий на голубиное воркование*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

2) Гөлсибәр бөтөнләй һөйләшмәскә әйләнде, *һыу уртланьмы ни, гүйә*, башы түбән әйелде ‘Гульсибар стала совсем молчаливой, *словно воды в рот набрала, голову склонила*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

3) Күңелендә тилерткес бер уй тыуып куйзы ла тиз үк, *елгә юлыккан ялтылдак шәм һымак*, һүндә ‘В душе появилась глупая мысль, но тут же угасла, словно свеча на ветру’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

4) Вәлиуллаға кыйын ине, һаман *яңғыз ата каз һымак* йәшәй бирә ‘Тяжело было Валиулле, что живет он, словно одинокий гусак’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

5) Ул кырт кына боролоп, осло үксәле туфлизары менән бетон изәнде сыкылдатып китеп барзы. Ошо сыкылдаузы Айсыуаков йөрәгенә бер-бер арлы *казак кагыу һымак* кабул итте ‘Она резко развернулась и ушла, стуча острыми каблуками по бетонному полу, и каждый стук, словно гвоздь, врезался в сердце Айсүвакова’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

6) Телеүзәк директоры үзен *упкынга осоп төшөп баргандай* тойзо, әммә калтыранып киткән кулдарын өстәл астына йәшерзе ‘Директор Телецентра почувствовал себя *падающим в бездну*, но спрятал дрожащие руки под стол’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

7) Кала башлығының кәйефһез сағында янына инеү куркыныс икәнде белә секретарь катын, ундай сакта ул үзен *ситлеккә бикләнгән арыслан янына ебәрелгән корбан һымак хис итә* ‘Секретарша знает, что заходить к главе города, когда тот не в духе, сродни *чувству жертвы, брошенной в клетку льва*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

8) *Яңы һөргән ер шикелле,*

Кара көйөп янғаным бар;

Калғаным бар бер телемһез,

Бик күңелһез сактарым бар;

Ғәйбәттәрзең йөрәгемде

Йылан булып сакканы бар

‘Как *свежавспаханная земля*, бывало, я почернел; без куска хлеба оставался, очень грустный бывал; бывало, что клевета *меня змеей жалила*’ (А. Атнабаев);

10) Вәлиулла студия уртаһында, таш һынға әйләнеп, катып калды, әйтерһең дә, *башына күсәк менән тондорзолар* ‘Валиулла замер, как статуя, посреди студии, словно его ударили дубиной’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

11) Кәмәриә. Шулай за, харап, *этәс кеүек кукрайып* йөрөгән була.

Сәмәриә. Кит, шундай әтәс була, ти, көзгө себеш, тиген.

Кәмәриә. Бына шул көзгө себеш...

‘Камария. И все же, *хорохорится, как петух.*

Самария. Уйди, какой петух там, цыплёнок осенний, скажи.

Камария. Вот этот осенний цыпленок...’ (А. Атнабаев «Суд матери»)

12) *Тәтәй тапкан бала һымак* кыуанды Ғәшиә ‘Гашия обрадовалась, словно ребенок, нашедший игрушку’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

13) Сисенешеп яткас, уның *мәрмәр һымак шыма* ак тәнән күреп, һокланыузан күззәре камашты картлас Ямантаевтың ‘Старик Ямантаев не мог оторвать взгляд от ее обнаженного гладкого, *как мрамор, тела*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

14) Ана алпауыт Дилауиров нисегерәк һуғыша, тешләшә. *Арысландың үзе кеүек* бит ‘Как этот Дилауиров сражается, кусается, *словно настоящий лев*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

15) Күкрәген асып, *гүйә йөрәге урынына таш һалдылармы* ни, катты ла калды ‘Его сердце закаменело, *словно в груди вместо сердца камень*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

16) Кормантаев, киреһенсә, *рингка атлыккан боксер һымак* тоя үзен бындай мәлдәрзә ‘Курмантаев в такие минуты *чувствует себя боксером на ринге*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

17) Хужа шунда ук уға *йәмрәйеп өстән аска, сысканга ырғырға йыйынған бесәй* кеүек караны ‘Шеф взглянул на него *сверху вниз, словно кошка, которая готова наброситься на мышь*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

18) Тимербулат. Әсәй! Илама, илама... (Үзе лә илай.)

Шәмсинур. Шатлыктан илар көнәм дә бар икән...

Тимербулат (Маратты косаклап). Улым! (Тимербулат Мараттың ауырлығына түзә алмай, йығылып бара. Шаяртып.) *Айыу!* ‘Шамсинур (снова обнимаясь с сыном). Сынок! Тимербулат мой!

Тимербулат. Мам! Не плачь, не плачь... (Сам плачет)

Шамсинур. Неужели и у меня могут быть слезы от радости...

Тимербулат (Обняв Марата). Сынок! (Тимербулат под весом Марата начинает в шутку падать) *Медведь!*’ (А. Атнабаев «Он вернулся»);

19) Башына, *гүйә, күсәк менән килтереп һуктылармы* ни! ‘Словно дубинкой ударили по голове!’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

20) Карап тороуға тышкы киәфәтендә әллә ни үзгәреш һизелмәһә лә, *эстән көйрәп, тышкы ялкыны гына калган сагыу усакка* окшата ул атаһын ‘На первый взгляд, вроде ничего в нем не изменилось, однако все чаще отец ему напоминал *костер, догорающий внутри, а внешне еще пылающий*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

21) Әлегә тиклем куркып торған Гөлшанды *капыл эсе һыу һибеп бешерзеләрме* ни, беләгенән кысып тоткан Илғужаның кулынан ыскынып китеп, күз асып йомғансы «шеф»тың яғаһына барып йәбеште ‘Испуганную Гульшан *будто жаром обдало*, она вырвалась из рук Ильгужи и мгновенно вцепилась в «шефа»’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

21) *Шаңкытылган балык һымак*, креслоһында исәңгерәп ултырыуын дауам итте ‘Так и остался сидеть в кресле, *чувствуя себя выброшенной на берег рыбой*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

22) Әлеге киәфәтендә профессор ситтән карағанда таузарзан елпенеп килеп кунған *сал бөркөттө хәтерләтә* ине ‘В этот момент *профессор напоминал седого орла, слетевшего с гор*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

23) *Йөзө күктәге кояш һымак балкып киткән*, ярһыған хистәрен тыйып тора алмай ‘Он *сиял, словно солнце*, и не мог сдержать эмоций, внезапно охвативших его’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

24) Министрзар Советына дэртлэнep атланы Арынбасаров, ул үзeн был минутта *кейек ауларга сыккан һунарсы кеуек* тоя ине, шул комар уға көс өстэгэндэй итте ‘В сторону Совета министров Арынбасаров шагал вдохновленно, в эти минуты он ощущал себя *охотником, который преследует свою добычу*, и это прибавляло ему сил’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»).

25) Беззең яктың кыззары ла шулай –

Тәбиғәттән өлгө алғандар:

Яратмаһа, *кыштай һалкын* була,

Яратһалар – *йәйзәй кайнарзар*.

‘В наших краях и девушки такие –

С природы взяли пример:

Если не любят, как холодные зимы,

Если любят, как лето жарки’ (А. Атнабаев).

Синонимичные, антонимичные значения и сравнительные обороты в данных примерах показывают эмотивность, экспрессивность текста, что, в свою очередь, находит отражение и в поведении героев, помогает глубже понять их состояние и переживаемые чувства. К примеру, в произведениях Диниса Булякова герой романа «Взорванный ад» свое одиночество сравнивает с жизнью гусака (*яңғыз ата каз һымак*) и вызывает сожаление, а персонаж из романа «Жизнь дается однажды» сидит в кресле, ощущая себя выброшенной на берег рыбой (*шаңкытылған балык һымак*). А. Атнабаев в своих поэтических произведениях часто прибегает к сравнению эмоций героев с природными явлениями (*кыштай һалкын*).

Анализ показывает, что синонимы довольно часто используются в качестве средства раскрытия эмоциональности. Они, как средство языковой выразительности, позволяют передавать различные смысловые оттенки мысли, выражать оценку обозначаемого и авторское отношение к нему, обозначать интенсивность признака и усиливать экспрессию, более глубоко раскрывать тот или иной образ. Антонимы также используются для

выражения категории эмотивности, позволяют передавать мысль ярче, образнее, дать более полную характеристику какого-либо явления, выразить авторскую оценку обозначаемого, усилить передаваемое содержание. Антонимические противопоставления являются своего рода антитезой и образно передают эмоциональные состояния героев.

Одним из лексических способов выражения категории эмотивности являются *фразеологические единицы*, поскольку одно из их основных назначений как единиц вторичной номинации – «выражение различного рода оценок и отношения говорящего к высказываемому» [Апресян 1995: 671]. У абсолютного большинства фразеологизмов имеется эмоционально-оценочный компонент. В художественных произведениях они представляют небольшую, но значимую группу и усиливают экспрессию текста.

Например:

1) Кормантаевтың түземлеге бөттө:

– Гәлимйән, һин уратып-суратма! *Өйрәк кеүекһең: һыуға сумаһың, канатың еүешләнмәй*

‘У Курмантаева закончилось терпение:

– Галимьян, не ходи вокруг да около! Ты как утка: *в воду ныряешь, а крылья не мокнул (с тебя как с гуся вода)*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

2) – Эй, бахыркай! – Филүзә дәү егеттең битенән һыйпаны. – Кыйырһыттылар шул бахыркайзы. Кайһылай *һеркәһе һыу күтәрмәй*. Хужа сак кына тауышын күтәргәйне... ‘– Ой, беденький! – Филюза погладила парня за щеки. – Обидели бедолагу. Какой *обидчивый*. Хозяин немного повысил голос, а он уже...’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

3) Сәғизә. Ниңә *морonoң төшкән?* Әллә Шәйхелислам менән асыланыштығызмы? ‘Сагида. *Что нос повесила?* Или с Шайхисламом поругались?’ (А. Атнабаев «Он вернулся»);

4) Виадук астына еткәс, йөрәгенең дарсалап тибеүен тойзо Фәһим: «Әллә шартлаймы, *күкрәгемде ярып сыга* инде», – тип куйзы ‘Дойдя до виадука, Фагим почувствовал, как сильно бьется сердце: «Вот разорвется и

высочит из груди», – подумал он’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

5) *Хэйерсегә ел каршы тигәндәй, арка мейеһен үтеп сыккан осло башы урынында калды ‘Закон подлости: осколок, впившийся в спинной мозг, остался на месте’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);*

6) – Гитлер Мәскәүзә парад уззырырға, ғәскәрзәрен Кызыл майзандан марш атлатырға уйлаған, шикелле.

– *Хәзер табан ялтыратыу* маршы узғаралар ‘– Гитлер, кажется, планировал устроить парад своих войск на Красной площади.

– *Теперь устроят они марш, сверкая своими пятками’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);*

7) – *Мактама, мактаһаң-мактамаһаң да, йөктән төшөп калғанбыз инде без. Кабат беззе күсергә ултыртып, дилбегә тоторға кушмаясактар. Арбаға бишенсе тәгәрмәс кенә без хәзер. Дегет силәге. Дегет силәген майы кәрәккәнгә генә тағалар. Ә беззең май за юк. Уныһын да дошман һығып алып калды, – тине Буянов ‘– Не хвали, хвали-не хвали, а мы уже вышли из строя. Больше нас не запрягут. Мы теперь как пятое колесо для телеги. Лукошко с дегтем. Все враги забрали (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);*

8) *Сәғит Харисович баһқан урынында таш һымак, ни үле, ни тере көйөнсә бер нисә секунд баһып торзо ‘Сағит Харисович так и простоял несколько секунд на месте: ни живой ни мертвый’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);*

9) *Ғүмере буйы Алла коло булып, уға тел тейзерергә куркып йәшәгән Ғәлиулланың ауызынан ошондай һүззәрзе ишеткәс, ауылдаштары аптырап китте ‘Односельчане удивленно замерли, услышав подобные слова от Галиуллы, который всю жизнь был предан Богу’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);*

10) *Илбикә. Ни һөйләйһең?! Ауызыңдан ел алһын!*

Хаммат. Алмаһын! Үзебеззекеләр еңһә, мин был баззан сыға алмаясакмын! Ул миңә кәбер буласак. Ана, күрәһеңме, хәзер үк ауызын асын

тора... Ә улар килһә... мин сығасакмын. Улар мине ғәфү итәсәк ‘Ильбика. Что ты несешь?! Пусть ветер унесет твои слова!

Хаммат. Пусть не унесет! Если наши победят, я никогда из этого погребца не выйду! Он мне могилой станет. Вон, видишь, уже пасть раскрыла... А если они придут... я выйду. Они меня простят’ (А. Атнабаев «Суд матери»);

11) – *Тау емерелмәс...* – Ирек, әйткәс әйтеп бөтәйем тип, профессордың күзәрәнә тура қараны. – Ә без, бер төркөм врачтар, – һеззән шәкерттәрегез, эштән китәбез. Әйткәндәй, без күмәк! – *Горы не рухнут...* – Ирек решил договорить и взглянул профессору прямо в глаза. – Но мы, группа врачей – ваши студенты, уйдем с работы. Надо заметить, нас много!’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

12) – Ул миңә яқын кешем, *қан да, йән дә уртақ*, – тип қырт қисте ‘Он близкий мне человек, *кровь одна и душа одна*’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

13) Капыл *канат үстеме* үзенә, аяқ остарына ғына басып, осоп тигәндәй, егетенең янына килде ‘Будто у нее вдруг *крылья выросли*, она почти влетела в палату и на цыпочках подошла к парню’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

14) Сәғизә. *Суртым булыр* тиһеңме?! Бер нәмә теләр хәл юк – иген дә иген... ‘*Да ни черта* с ним не случится! Что не пожелаешь – все зерно да зерно’ (А. Атнабаев «Он вернулся»);

15) Петроның ошоллай уйлауы булды, *сәстәре үрә торзо*. «Кайзан булһа ла табырға, асығын белергә. Медсанбатта булһа – һаубуллашып, озатып калырға, тегендә икән – үз кулдарым менән... Петро һуңғы һүзәрән әйтеп бөтөрөргә курқты ‘Стоило Петру об этом подумать, как *волосы встали дыбом*. Где бы не был, найти, узнать. Если в медсанбате – проститься и проводить, а если, то своими руками... Петро испугался своих последних слов’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

16) – Ә-ә, һин йәбештереп йөрөйһөңмө әле быларзы?! – Ул, *зәһарен сәсен*, Тулыбайға яқынайзы, улар араһына ике үсмер басмаһа, эштең ни менән

бөтөрө билдәһез ине ‘– Так, значит, это ты расклеиваешь их?! – сказала она *язвительно* и направилась к Тулыбаю. И непонятно, чем бы дело закончилось, если между ними не оказалось двух подростков` (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

17) *Картайганда тыртайган* ошо булалыр, ахыры. Ахмак!
‘Наверное, это и есть *несолидный поступок пожилого человека*. Дурак!’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

18) «Үлде!» – тигән уй *йөрәген өтөп алды* ‘Умер! – эта мысль *пронзила сердце*’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

19) Усал, вәт усал, быны *тере кул менән генә алырмын тимә* ‘Суров, вот суров, такого *голыми руками не возьмешь*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

20) ‘Кәмәриә. Бахырзың күзе дүрт булды... Камария. У бедняжки *глаза округлились...*’ (А. Атнабаев «Суд матери»);

21) Шунан инде был егеттең

Танауы менде тауга,

Яйы сыкһа-сыкмаһа ла

Тота ла күкрәк қаға.

‘После этого парень *задрал нос* и стал всегда бить себя в грудь’ (А. Атнабаев);

22) *Эт һимерһә, хужаһын тешләр,* тизәр ‘Если собаку *перекормить,* *начинает на хозяина бросаться*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

23) *Эс бошкандан бер уйынсык итеп*

Иркәләгән булдың косаклап,

Уйнап туйғас, бала-саға кеүек,

Ташлап киттең уны усакка.

‘*Когда было скучно,* словно игрушку, ты меня приласкала, когда надоело, словно ребенок, выбросила меня в костер’ (А. Атнабаев);

24) Биләнгән бала кеүек, баштан-аяк марляға төрөнгән яралыны күргәс, *кото осто* кызыкайзың ‘При виде раненного, завернутого в бинты,

словно ребенка в пеленки, девушка испугалась’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

25) *Былары сәскәһе генә булған икән, емеше алда эле. Касау менән умыртка һөйәген сокой башлагас, үзен комак талағандай тойзо Фәһим ‘Оказывается, это были еще цветочки, ягодки ждали впереди. Когда начали вскрывать позвончик, Фахиму казалась, что его терзают крысы’* (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

26) *Эскән кешегә диңгез тубыктан бит ‘Пьяному ведь море по колено’* (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

27) *Вәлиулланың күззәре дүрт булды, тәне зымбырлап китте ‘У Валиуллы расширились глаза от удивления, тело задрожало’* (Д. Буляков «Взорванный ад»).

Фразеологические обороты и устойчивые выражения в вышеуказанных произведениях также используются для выражения категории эмотивности на лексическом уровне. Как видно из примеров, фразеологизмы (*һыуға сумаһың, канатың еүешләнмәй – с тебя как с гуся вода; һеркәһе һыу күтәрмәй – обидчивый; әсе бошоп – расстроенная; йөрәге «жыу» итеп калды – сердце екнуло, сжалось; ни үле, ни тере – ни живой ни мертвый; төкөрөп карау – плеватьское отношение; койрок болгай – хвостом виляет; күзенә ак-кара күрәнмәй – не замечая ничего перед собой; хәтерегез кыска – память короткая; зәһәрән сәсеп – язвительно; картайганда тыртайган – несолидный поступок пожилого человека; йөрәгең урынында таш – каменное сердце; тере кул менән генә алырмын тимә – голыми руками не возьмешь; йөрәге юк – сердца нет; йылан аягы кырккан – выдавший виды, күззәре дүрт булды – расширились глаза от удивления и др.) усиливают экспрессивность текста, ярче выражают, в основном, отрицательные эмоции героев: испуг, жалость, обиду, гнев и др.*

Таким образом, лексические средства не всегда напрямую передают эмоциональное состояние героев, они помогают реализовать эмотивный фон и тональность художественных произведений, передать образность и

экспрессивность высказывания, показать чувства героев либо автора по отношению к происходящему. Использование лексических средств также помогает выразить колорит эпохи, какой-либо местности или социальной группы, при этом одни и те же лексические средства могут передавать различные, иногда прямо противоположные, эмоции и эмоциональные состояния.

2.2. Синтаксические средства выражения эмоций

К синтаксическим средствам выражения эмотивности относятся, как правило, синтаксические фигуры: риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение, повтор, синтаксический параллелизм, эллипсис, инверсия, парцелляция, антитеза, градация, оксюморон. Исследование эмоционально-экспрессивных синтаксических конструкций возможно на нескольких уровнях в соответствии с:

- 1) целью высказывания (повествовательные, вопросительные, побудительные предложения и их типы);
- 2) эмоциональной окраской (восклицательные предложения);
- 3) количеством предикативных центров предложений (простые и сложные предложения) и количеством синтаксических позиций предикативного ядра (односоставные, двусоставные, эллиптические и неполные предложения);
- 4) порядком слов (инверсия);
- 5) статусом «аранжировочных» экспрессивных средств (повтор);
- 6) наличием вставных и присоединительных конструкций (обращение, парцелляция, парентеза);
- 7) пунктуационным оформлением эмоциональной интонации.

В части, касающейся пунктуационного оформления эмоциональной интонации, заметим, что наиболее распространенными являются восклицание, многоточие («!!!», «!», «...»), нежели вопрос («?»).

Например, Динис Буляков использует многоточие для передачи состояния Камарии, выражая ее бред бессвязной, бессмысленной речью: *«Курыла, имеш... Курыла... Томан... Караңгы... Гис ни аңлашылмай. Әллә һаташамы? Ахыры, һаташалыр... Кәмәриә упкынга осто...»* `Растворяется, будто... Растворяется... Туман... Темнота... Ничего не понятно. Может, ей снится кошмар? Да, скорее всего, кошмар... Камария полетела в бездну...` (Д. Буляков *«Жизнь дается однажды»*).

Ангам Атнабаев в драме «Он вернулся» неоднократно прибегает именно к помощи многоточий для описания мыслей и настроения героев. Например:

1) Сажидә. Акылым менән аңлайым да ул. Йөрәгем аңламай (Уйланьп.)
Бына әле һин миңә: «Бер яманлык та эшләгәнем юк», – тинең. Дөрөс, һинең миңә гел якшылык кына эшләйһең килә. Ә миңә... нисек әйтәйем... каты бәгерле, хатта азырак тупаҫ кешеләр окшай. Хәтерендәме, кыш көнө библиотекала яңғызың язышып ултыра инең. *Каштарың йыйырылган... Сәсең тузган... Уйзарың кайзалыр йыракта-йыракта... һин минең кергәнде һизмәнең дә...* Мин һинә өндәштем, ә һин, үз-үзенде белештермәйенсә, шундай тупаҫ тауыш менән: «Йөрәмәгез әле!» – тип кысқырзың. Ана шул сағында яраткайным мин һине. Эйе, эйе, яраткайным. Гәйепле бала шикелле, аяк остарыма басып сығып киттем. Сыктым да болдорзағы бағананы косакланым. Шатлығымдан күземә йәш тә килгәйне, буғай әле.

‘Сажидә. Умом понимаю, сердце не воспринимает (Задумчиво.) Вот ты только что сказал мне, что никакого зла не делал. Это так, ты хочешь делать для меня лишь добро. *А мне... как сказать...* нравятся грубые, даже немного жесткие люди. Помнишь, ты зимой один в библиотеке сидел и что-то писал. *Брови нахмурены... Волосы растрепаны...* Мысли где-то далеко-далеко... Ты даже не заметил, как я зашла. Я окликнула, а ты, не помня себя, так грубо ответил: «Мол, не ходите тут». Вот тогда я тебя полюбила. Да, да, полюбила. Как провинившийся ребенок, ушла на цыпочках. Вышла и обняла столб. От радости даже слезы выступили на глазах.

2) Сажидә (сызып китеүселәр артынан карап, үз алдына һөйләнә). *Ана ул... Езнәм... Юк, Тимербулат агай... Тимербулат... Көлә... Күпме газантар күрөп кайткан... Аягын имгәткәндәр... Күзе... Ә ул көлә... Сабирйән агай берәй кызык нәмә һөйләйзер инде. Башын артка ташлап, рәхәтләнөп көлә. Ак сәстәр уга килешә. Етди итеп күрһәтә. Киноларза акыллы кешеләр һәр вакыт ак сәсле була... Тәүге тапкыр осрашканда мин унан курккайным. Усал булып күрөнгәйне... Һаман көлә... Ә минең илағым килә...*

‘Сажидә (проводив взглядом ушедших, бормочет). *Вон он... Муж сестры... Нет, дядя Тимербулат... Тимербулат... Смеется... Сколько испытаний пережил... Ногу поранили... Глаз... А он смеется... Видимо, дядя Сабирьян что-то веселое рассказывает. Смеется от души, откинув голову. Седые волосы ему к лицу. Придают серьезный вид. В фильмах умные люди всегда седые... Когда впервые увидела его, испугалась. Злым показался... До сих пор смеется... А мне плакать хочется...*’ (А. Атнабаев «Он вернулся»);

3) Марат. *Атай... Әллә нисек... Тиз генә... Миңә бит тыуғас та: «Һинең атайың үлдә, ул юк инде», – тинеләр. Мин ышанмаҫка иттем. «Ана, Рәүиәнеке лә юк, тағы ла күптәрзеке юк», – тинеләр. Карточкаңа карайым – «юк», тизәр. Кейемдәрөнде күрһәтәләр – «юк», тизәр. «Юк шул инде», – тизәр зә илайзар... Шулай итеп, мин дә һинең үлеүеңә ышандым, күнектем. Дүртенсе класта укығанда безең ғаиләгә яңы кеше өстәлдә. Мин уны электән дә белә инем... Әсәйем: «Ул һинең атай була», – тине. «Ярай», – тинем, ә үзем ышанманым. Ул бит һинең окшамаған. «Үгәй атай усал була», – тинеләр... Мин уның һуғыуын көттөм. Ә ул ни өсөндөр һукманы. Дәрәс әзерләргә булышты. Йәй көнө үзе менән комбайнда йөрөттө. Үз атайым барлығын белә тороп, уның да атай икәнлегенә ышандым, күнектем... Бына көтмәгәндә, бөтөнләй көтмәгәндә, һин кайтып төштөң. Мин әле һинең кайтыуыңа ышанып та етмәнем, һин инде: «Әйзә, улым, минең менән», – тиһең. *Минең башыма һыймай... Атай, сак кына түз!.. Иң башта кайтыуың менән шатланьырга ирек бир!.. Иң башта мин һинең барлығыңа ышанайым, күнегәйем!.. Унан һуң...**

‘Марат. Папа... Как-то странно... Быстро... Мне ведь с рождения говорили: «Твой отец погиб, его больше нет». Я не хотел верить. «Вон, у Равии тоже нет, у многих нет», – сказали. Смотрю на твою карточку – «нет», говорят. Одежду показывают – «нет», говорят. *«Нет уже», – говорят и плачут...* Так я и поверил, что ты мертв, смирился. Когда учился в четвертом классе, в нашей семье прибавился еще один человек. *Я его и раньше знал...* Мама сказала, что он будет мне отцом. «Хорошо», – согласился я, а сам не поверил. Он же на тебя не похож. *«Отчимы бывают злые», – сказали мне...* И я ждал, когда он меня ударит. А он почему-то не бил. Уроки делать помогал. Летом с собой на комбайне возил. *Даже зная, что у меня есть свой папа, я и его как отца принял, привык...* И вдруг, неожиданно, ты вернулся. Я еще даже не поверил до конца, что ты вернулся, а ты говоришь: «Поехали со мной». *У меня в голове не укладывается... Папа, потерпи немного! ... Дай порадоваться тому, что ты вернулся! ... Дай мне поверить и привыкнуть, что ты есть! ... После...*’ (А. Атнабаев «Он вернулся»).

В анализированных произведениях преобладают восклицательные предложения с эмоциональной окраской. Они репрезентируют особую выразительность речи героев, которая чаще проявляется в прямой речи, в диалогах. Обращения, парентезы, инверсии, повторы в составе восклицательных предложений усиливают эмотивность, глубже передают переживания героев и их чувства.

Восклицательные предложения выражают эмоциональное отношение говорящего: восторг, восхищение, возмущение, гнев, гордость, жалость, желание, нежность, ненависть, призыв, презрение, поощрение, страх, удивление, ужас и другие чувства. К основным средствам их выражения относятся: восклицательная интонация, глаголы повелительного наклонения, эмоционально-экспрессивные слова, вопросительные местоимения, частицы и междометия.

В башкирском языке различаются следующие структурно-семантические типы восклицательного предложения:

1) восклицательное предложение, сказуемое которого выражается глаголом в форме 3-го лица ед. числа повелительного наклонения. Оно преимущественно употребляется в патриотических призывах и лозунгах: Йэшәһен Советтар Союзының Коммунистар партияһы! 'Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза!' (Это двусоставное нераспространенное предложение);

2) назывное (односоставное) восклицательное предложение: Социалистик илдәр катын-кызларына туғандарса сәләм! 'Братский привет женщинам социалистических стран!'; Каһарман совет халкына – ижадсы халыкка, төзөүсе халыкка дан! 'Слава героическому советскому народу – народу-творцу, народу-созидателю!'; Беззең менән бергә байрамыбызга шатланыусы бөтә кешеләргә рәхмәт! 'Спасибо всем, кто вместе с нами радуется на нашем празднике!';

3) восклицательное назывное предложение, осложненное междометием: Их, Асылыкул өстөндә балык каптырып ултырыулары! 'Ах, эти посиделки на Асылыкуле с закинутыми удочками!';

4) восклицательное предложение с вопросительным местоимением *күпме*: Бер был данлы йылда күпме яңы дуһтар таптык! 'Сколько новых друзей нашли мы в этом славном году!';

5) восклицательное предложение, где в составе сказуемого употребляются частицы *бит*, *һуң*, *инде*: АҚШ конгрессмендары араһында бер генә эһсенең дә, бер генә фермерзың да булмауы факт бит! 'Ведь факт, что среди конгрессменов США нет ни одного рабочего, ни одного фермера!';

6) сказуемое восклицательного предложения выражается модальным словом *бар*: Минең халкым кеүек кемдең тағы иң зур һәйкәл өсөн хақы бар?! (Ғ. Сәләм) 'Кто еще, как не мой народ, заслужил самый большой памятник?!';

7) в качестве сказуемого восклицательного предложения выступает инфинитив в сочетании со словом *була*, имеющим модальное значение: Һеззең кеүек Урал бөркөттәре менән фашистарзың ояһын туззырырға, Гитлерзың азау

тешен һындырырға була 'С такими уральскими орлами, как вы, можно разгромить гнездо фашизма, сломать коренные зубы Гитлера! '

Необходимо отметить, что в художественных произведениях преобладают как односоставные неполные, эллиптические, так и двусоставные простые предложения с обращениями, которые репрезентируют как положительные, так и отрицательные эмоции персонажей.

Например:

1. Күңеле күтәрелеп киткән Ғәлиулла түзмәне:

– Әйттем бит мин һезгә, минекеләр унда барып сыккас тик ятмас, тип. Бәргәндәрме фашистың танауына? *Бәргәндәр!* Минекеләр бит улар шәләй-вәләй түгел, ысын яугирзар токомнан 'Водушевленный Галиулла не выдержал:

– Я же говорил вам, если мои туда дойдут, просто так лежать не будут. Дали в нос фашистам? *Дали!* Мои же они не какие-то шаляй-валяй, из рода героев' (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

2. – *Ғәлимйән, һин уратып-сурымма!* – *Ғалимьян, ты не ходи вокруг да около!* (Д. Буляков «Взорванный ад»);

3. Был һүззәр Яманаевты тамам сығырынан сығарзы:

– *Һин миңә яуап бирмәнең, Курмантаев!* – Уның ауызынан төкөрөктәре сәсрәп китте

'Эти слова окончательно вывели Яманаева из себя:

– *Ты мне не ответил, Курмантаев!* – брызжа слюной, закричал он' (Д. Буляков «Взорванный ад»);

4. – *Фәхеш был!* – *Это же разврат!* ' (Д. Буляков «Взорванный ад»);

5. *Йә-не-ем, үлеп яратам үзеңде!* – тип шыбырланы Әнүәр, кызыкайзың нәфис колағының алһыу йәрпесәгенән үбеп. – *Һин ми-не-ке!* – *'Родная, я безумно тебя люблю!* – прошептал Анвар, целуя девушку в мочку уха. – *Ты моя!*' (Д. Буляков «Взорванный ад»);

6. *Яуыздарзы утка һалырға кәрәк!* *'Злодеев надо сжечь!'* (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

7. – *Бында бәлә сыгып тора, Сәгит Харисович! ‘– У нас проблема, Сагит Харисович!’* (Д. Буляков «Взорванный ад»);

8. – *Был идея! – Курмантаевтың йөзө кинәт яктырзы. – Рәхмәт, Зоя Петровна! ‘– А это идея! – Курмантаев обрадовался. – Спасибо, Зоя Петровна!’* (Д. Буляков «Взорванный ад»);

9. Шәмсинур (Тимербулаттың косагынан котолоп). *Улым! Һинме? Тимербулат. Мин, әсәй!*

Шәмсинур (тағы ла Тимербулаттың косагына кереп). *Балам! Тимербулатым!* ‘Шамсинур (вырвавшись из объятий сына). *Сынок! Ты ли? Тимербулат. Я, мам!*

Шамсинур (вновь обнимая его). *Сынок! Тимербулат мой!’* (А. Атнабаев «Он вернулся»);

10. – *Күпме кешене яфалайзар, эт талагырзары! Тәртип юк! Тәртип бөттө! Шулай за булдымы донъя! Демократия беззең хәрби түрәләргә килеп еткәнсе әле! ‘– Сколько людей мучают, собаки! Порядка нет! Порядок закончился! Это ли жизнь! Когда еще дойдет демократия до нашего военного руководства!’* (Д. Буляков «Взорванный ад»);

11. Сәғизә. Тағы кыззырма, *кеше бар тип тормам!.. ‘Сагида. Не доводи меня опять, не посмотрю, что люди рядом!’* (А. Атнабаев «Он вернулся»);

12. – *Кәрәгенде алдың, хайуан!*

– *Юғал, тай бынан!*

‘– *Получил свое, скотина!*

– *Проваливай отсюда!’* (Д. Буляков «Взорванный ад»);

13. – *Кайзан килтерзең – шунда кире илтеп бир!* – тип ярһып кыскырзы. – *Нимә, яланғас йөрөйһөңмө ни? Күреп торам бит!* ‘– *Откуда принесла, отнеси обратно туда же!* – закричал он. – *Что, голая ходишь что ли? Вижу же!’* (Д. Буляков «Взорванный ад»);

14. – *Бирәбез! Һис шикһез!* ‘– *Даем! Безусловно!’* (Д. Буляков «Взорванный ад»);

15. – Юламан, мин... *мин һине шундай һағындым!* Шул тиклем...

– Мин дә... *Әнис, һине нык һағындым!*

‘– Юламан, я... *я так соскучилась по тебе!* Так сильно...

– И я, Анис, *очень по тебе скучал!*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

16. – *Миңә бер нәмә лә кәрәкмәй!* – тип капыл бөтә тынын трубкаға өрзө. – *Ишеттеңме, бер нәмә лә!* Мин тәүлеккә дежурға килдем. *Азаматты кара! Бөгөн кайтмайым!* – Ғәшиә түбәнһенеүзән капыл ярһып китте. – *Эгоист!* – Ошо һүззе кыскырыу менән, трубкины бәрзе ‘– *Мне ничего не нужно!* – резко выдохнула она в трубку. – *Слышишь, ничего! Я на сутках! За Азаматом присмотри! Сегодня не вернусь!* – Гашия вдруг вспылила от унижения. – *Эгоист!* – С этими словами она бросила трубку’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

17. – Юк, юк, кисер, кисер мине, *Сәгит!* Кисерә күр! ‘– Нет, нет, прости, прости меня, Сагит! Умоляю!’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

18. Шәмсинур. Ни булды, Сәғизә? Пыр тузғанһың...

Сәғизә. *Пыр тузырһың бында! Кеше араһында ояты ни тора!* Кем бисәһе – бригадир бисәһе. *Ер тишегенә кереп китерһең, биллаһи!* Был ужым бызауы, Сабирйәнемде әйтәм, ләм-мим. Идара ултырышы булған – әйтмәне. *Кайтып уныһын борослайым!..* Шамсинур. Что случилось, Сагида? Вся взмыленная...

Сагида. *Взмылишься тут! Перед людьми какой позор!* Чья жена – жена бригадира. *В землю зароешься тут, Господи!* Это ... Про Сабирьяна, говорю, ни слова. На собрании правления был – не сказал. *Вернусь, устройю ему!...*’ (А. Атнабаев «Он вернулся»);

19. Улар ләззәтләнеп үбеште. Гөлшан хафаға калды:

– Илғужа, нисек кайтып етерһең икән?

– *Етермен, миңә нимә ул!* – тип батырайған булды тегеһе ‘Они с удовольствием поцеловались. Гульшан забеспокоилась:

– Ильгужа, как ты до дома-то дойдешь?

– *Дойду!* Подумаешь, – расхрабрился парень’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

20. – *Теймәгез уга!!! Теймәгез! Мине асыгыз, мине үлтерегез, кәрәкһә, мине кисегез, тик уга теймәгез!* – Илғужа әллә илай, әллә үкерә, үзе уны аңларлык түгел ине.

– Теймәгез безгә, без бер-беребеззе яратабыз! Аңлайһығызмы?! Яратабыз! Безгә бер-беребеззән башка донъя юк. Донъя юк! – был тиклем ялбарғанына үзе лә аптыраны егет

‘– *Не трогайте ее!!! Не трогайте! Меня вешайте, меня убивайте, если хотите, режьте меня, только ее не трогайте!* – Ильгужа то ли выл, то ли ревел, было не разобрать.

– *Не трогайте нас! Мы любим друг друга! Понимаете?! Любим! Нам жизни нет друг без друга! Жизни нет!* – парень и сам удивился своей мольбе’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

21. Шунан күпме көсө бар, шул тиклем көсәнеп, өстәренә менеп килгән һақауға екерзе:

– *Ки-ит, якын кил-мә, кил-мә-ә!!! Хә-шә-рәт! Үл-те-рә-ә-әм!!!* ‘Тут она изо всех сил заорала на картавого, который уже подходил к ней:

– *Уй-уйди! Не под-ходи, не подходи!! Гнида! У-у-убью!!!*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

22. – *Йәнем!!! Коткар!* – тигән йөрәк өзгөс тауышы колағына салынды ‘– *Дорогой!!! Спаси!* – слышался отчаянный крик’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

23. – *Арыслан, әрләмә инде, йәме!* – тине, үзе йәнә хәсрәткә батты ‘– *Ты уж не ругай, Арслан!* – сказала она печально’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

24. – *Ну һеззең мөхәббәт хәтәр булды, әй!* Нисәмә төн йоко бирмәнегез, ха-ха-ха! ‘– *Ну у вас любовь, конечно, была!* Сколько ночей спать не давали, ха-ха-ха!’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

25. – Ғәфү ит инде мине, Арыслан, кисер! ‘– Прости меня, Арслан, прости!’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

26. Фәхриев капыл дыуамалланып китте, нимә бында эзәп һаклап торорға?

– *Бына, һине урларға килдем, Камәриә!* – тип онотолоп бөткән боронго хистәрен яңыртып бышылданы ‘Фәхриев вдруг озарился, что тут из себя святого корчить?’

– *Вот, пришел тебя украсть, Камария!* – прошептал он, вспоминая уже подзабытые чувства’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

27. – *Мин дә һине, Илғужа, тыуған көнөң менән тәбрикләйем, ысын күңелемдән!* – Ул тотто ла аңына килеп өлгөрмәгән егетте үрелеп үпте ‘– *И я, Илғужа, поздравляю тебя с днем рождения от всей души!* – Она вдруг потянулась и поцеловала его’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

28. Шәйхелислам (ярһып). *Калдырығыз Сажидәне! Һез табырһығыз... Алып китмәгез!* ‘Шайхислам (яростно). *Оставьте Сажиду! Вы найдете... Не забирайте!*’ (А. Атнабаев «Он вернулся»);

29. Ошо мәлдә ишек төбөндә таныш түгел ике кеше торғанды күреп калды профессор. Йән асыуы менән уларға ла екерзе:

– Һезгә бында ни кәрәк? *Шакып инәләр беззә, белгегез килһә! Рәхим итеп сығып тороғоз!* ‘Тут он заметил, что у дверей стоят двое незнакомцев. Прикрикнул и на них, не успев взять себя в руки:

– Вам здесь что нужно? *У нас стучаться положено! Будьте добры на выход!*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

30. Арынбасаров ырғыны ла торзо:

– *Таптым!* – тип һөрәнләне ул. – *Тап-тым, тап-тым!!!*

– Нимә таптың, һантый, сык еләк араһынан.

– *Бисәкәй, булды бит әй!*

‘Арынбасаров вскочил с места:

– *Нашел!* – закричал он. – *На-шел, на-шел!!!*

– Что ты там нашел, ненормальный, вылезай из малинника.

– *Женушка, получилось ведь!*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

31. – *Һез беззең кәртте бутанығыз!* – Ниһайәт, Бәзеголов тауышын күтәрзе ‘– *Вы спутали нам все карты!* – Наконец, Базигулов повысил голос’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»).

Данные примеры демонстрируют наличие в произведениях большого количества восклицательных предложений с эмоциональной окраской.

К важнейшим синтаксическим средствам выражения эмоций следует отнести и **риторический вопрос**, который также встречается в художественных текстах.

Риторический вопрос, так же как риторическое восклицание и риторическое обращение, – своеобразные обороты речи, усиливающие её выразительность, так называемые фигуры. Отличительной чертой этих оборотов является их условность, то есть употребление вопросительной, восклицательной интонации в случаях, которые, по существу, её не требуют, благодаря чему фраза, где употреблены эти обороты, приобретает особо подчеркнутый оттенок, усиливающий её выразительность.

К примеру:

а) испуг и волнение: Иншарзыкы, Карабулатов Иншар Исхаковичтыкы? *Ни булган?! ‘Иншара, Карабулатова Иншара Исхаковича? Что же случилось?!’* (Д. Буляков «Взорванный ад»);

– *Ни эшләнең, командир?! –* тип уға әйелде Фәһим. Сикәһенән кан аға ине Лазовойзың. Дусының үлемен күргәс, дошмандарға асыуы шундай кабарзы уның, тыйып тоткоһозға әйләнде ул ‘ – *Что с тобой, командир?! –* наклонился к нему. Со скулы Лазового стекала кровь. Смерть друга настолько разозлила его, что он потерял контроль над собой’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

б) удивление: Арынбасаров бер нәмәгә аптырай: *ниңә был донъяла шул тиклем бысрак йыйылды икән?! Кайза мәкибән китеп халыкка хезмәт иткән кешеләр?! ‘Арынбасарова одно удивляет: откуда в этом мире столько грязи*

собралось?! Где люди, верно служащие народу?! (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

Сажидә. Ә мин уны ғүмер буйы көтөр инем. Эйе, эйе, ғүмер буйы. *Ниңә шулай күззәреңде мисәттәй итеп карайһың? Танымайһыңмы әллә?!*

‘Сажидә. А я бы его всю жизнь ждала. Да, да. Всю жизнь. *Что ты на меня так смотришь? Не узнаешь, что ли?!*’ (А. Атнабаев «Он вернулся»);

в) удивление-презрение: – *Шулай за хаслык кылып буламы икән?! ‘– Как можно творить такое безобразия?!’* (Д. Буляков «Взорванный ад»);

г) злость: – Нисек инде – һеззәң? – Профессорзың капыл асыуы кабарзы. – *Нимә, мин инде үземә үзем хужа түгелме ни? Нисек уйлайһың?! ‘– Как это – ваше дело? – профессор вдруг разозлился. – Что, я теперь сам себе не хозяин? Как думаешь?!’* (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

д) интерес: Әхмәтенең якланмаған диссертацияһы кемгәлер кәрәк булдымы икән? Ә кемгә?! Ниңә?! ‘«Кому понадобилась незащищенная диссертация его Ахмата? Кому?! Зачем?!» (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

Аккан һыузар һаман ярһыу микән?!

Алһыу микән ни һуң иртәләр?!

– Ғашиктар бит һаман ғашиктарға

Йөрәктәрен бүләк итәләр.

‘Так ли бушуют проливные реки?!

Так ли лучится рассвет?!

– Ведь влюбленные возлюбленным

До сих пор дарят сердце навек’ (А. Атнабаев);

– Ана, Малютин менән Гигагин, нисәмә көн атып та туптар ала алмаған виадук астындағы пулеметты сафтан сығарып, уксыларға юл асты. *Батырлык түгелме ни был?! ‘– Вон Малютин и Гигагин сумели открыть дорогу стрелкам, уничтожив пулеметы под виадуком. Разве это не храбрость?!’* (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

е) гнев-ярость: *Күпме бирергә мөмкин?! Ә? Бына мин һинән һорайым? ‘Сколько уже можно давать?! А? Я вот у тебя спрашиваю?’* (Д. Буляков «Взорванный ад»);

Минен акылыма зәғифлек килмәгән, Тәңремә асыуым кабарған! Мин уға ғүмер буйы ғибәзәт кылдым: көнөнә бишәр булмаһа ла, форсатым төшкән һайын намаз укыным, кулымдан килгән сакта корбанын салдым. Уны колдарына карата мәрхәмәтле, тизәр, әләйһә, *ул ниңә беззе кыйырһыта?! Ниңә балаларзы үлтерә?! Юк, унда мәрхәмәт тә, шәфкәт тә юк. Уны көсләнән көслә, көзрәтленән кеүәтле, тизәр, әләйһән, дауай бөгөн үк һугышты туктатһын?! ‘Нет, я не повредился разумом, я действительно зол на Господа! Я всю жизнь ему преданно служил: как появилось свободное время, намаз читал, жертву приносил по возможности. Говорят, он добр к рабам своим, так почему же нас обделяет?! Почему детей убивает?! Нет в нем ни доброты, ни сочувствия. Говорят, он сильнее сильных, если это так, пусть сегодня же остановит войну?!’* (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

ж) волнение: *Һорау бирәм: ғарип тыуган балалар өсөн кем яуап бирә?! Рактан ауырыған кешеләр язмышы кемде кызыкһындыра?! ‘Задаю вопрос: кто будет отвечать за детей, которые родятся инвалидами?! Кого интересует судьба раковых больных?!’* (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

Әллә ни саклы уй үтте ошо бер минутта Фәһимден башынан. *«Шулай уңышлы башланған эш үтәлмәй калырмы? Түгелгән кан бушка китерме?! Ниңә взвод командирзары халыкты күтәрмәй? Әллә улар ут сәсеүсе пулеметтың тонсоғоуын белмәйзәрме? Әллә дуһымдың үзе кеүек, пуля астына эләгеп, һаләк булдылармы?»* ‘Много мыслей мелькнуло в голове Фагима за эту минуту. *«Так удачно начатое дело останется незаконченным? Пролитая кровь была напрасной?! Почему командир взвода не поднимает людей? Или они не знают, что захлебнулся пулемет? Или все, как друг мой, под пулями погибли?»*’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»).

Авторы в своих произведениях используют и такие синтаксические средства выражения эмоций, как повторы, прерывистая речь и намеренное запинание /заикание в речи героев для передачи волнения, испуга и страха.

Например:

1) – *Һуң... һуң был бит бысраклык! Төндә тәне менән һатыу итеп, көндөз һиңә кайта... ‘– Но... но ведь это грязно! Ночами она торгует своим телом, а днем к тебе возвращается...’* (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

2) – *Һин... һи-һин... – Кыз тотлокто. – Ысын-лапмы? Һин әллә... шулай уйлайһыңмы? Мине... шул тип... ‘– Ты... Т-ты... – девушка запнулась. – Серьезно? – Ты, правда, ... думаешь? Я... что я это..’* (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

3) – *Һы-ыу-ыу!.. – тип бер-ике тапкыр ялбарып һорап қараны ла шымып калды. Ярым асык калған күззәргә, тазартылған ез батмус булып, әллә кайзан алыстан, монар ашаһынан, қояш күренде. Ниңәлер уның нурзары һүнә башланы. Майы бөткән шәм кеүек мелт-мелт итеп торзо ла әллә кайза юғалды. ‘– Во-во-ды!... – мучительно попытался выпросить он, а после обессиленно умолк. Вышедшее откуда-то издалека солнце осветило полуоткрытые глаза. Вдруг лучи начали гаснуть. Задрожали, как пламя угасающей свечи, и куда-то пропали’* (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»);

4) – *Ә мин... Ә мин унан һуң... Бына бөтөнләй азға ғына, йәме. Мин озак тормам. Уға қарайым да сығам ‘– А я... Я после него... Ненадолго, ладно? Я не задержусь. Посмотрю на него и уйду’* (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»);

5) – *Ю-ю-ук, мин б-бер к-кем дә бул-булмайым. Ми-мине ту-туған коллективым де-депутатлыкка канди-даттан да төш-төшөрөп калдырзы... Китәм м-мин...*

– *Ә м-мин әйтәм... М-мин әй-тәм, Ғәй-ғәйнияр дуҫ-дуҫкайымды кан-кандидат ит-итеп ин-институт-тан күр-күрһәтәбез! Баста! ‘– Не-е-т, никем я не-не буду. Ме-меня род-родной коллектив предал, не стал вы-выдвигать в кан-кандидаты в де-путаты... Ухожу я...*

– *А я сказал... Я ска-зал, друга своего Гайнияра мы выд-винем кан-кандидатом от ин-института! Баста!*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»). Данный пример характеризует пьяную речь как один из способов передачи состояния героев;

6) Күззэренэн йәше атылып сыккан Зөлфирә аяуһыз фажигәне еткерзе:

– *Са-зит Хари-со-вич... боль-боль-ни-ца-ла... Гәши-иә а-пай...* асылынған! ‘Плачущая Зульфира сообщила о трагедии:

– *Са-зит Хари-со-вич... в боль-боль-ни-ни-це... Те-е-тя Гаши-ия...* повесилась!’ (Д. Буляков «Взорванный ад»);

7) Уның Гәшиәһе... *Дөр-рөс түгел! Түгел!!! Нисек инде? Ә ул... Ә улдары... Азамат? ‘Его Гашия... Нет, неп-п-равда! Неправда!!! Как же это? А он... А сын... Азамат?’* (Д. Буляков «Взорванный ад»);

8) Яубасаровтың өстөнә капланып тиерлек бер кыз илай ине. Уныңын Бибинур тинеләр. – *Ми-минең аркала гына... Ма-машина ми-минең өскә ки-килә ине бит... – тип сеңләне ул, – ми-мине кот-коткарам тип, үз-зе эләкте! Аһ, аллам! Инде ни эшләйем хәзер?* – Бибинур ерзә ғазапланып ыңғырашкан Яубасаровтың берсә битен һөртә, иркәләй, берсә күззэренән үбә, шунан тыйыла алмайынса, һығылып төшөп илай ине ‘Над Яубасаровым рыдала девушка. Сказали, что Бибинур. – *Из-из-за ме-меня все... Ма-машина до-должна бы-была ме-ня сби-сбить, – рыдала она. – Он-он, что-чтобы ме-меня спасти, са-сам по-попал!* Господи! Что мне делать теперь? – Бибинур то гладила стонавшего Яубасарова по лицу, то целовала его глаза, то вновь начинала рыдать’ (Д. Буляков «Пришелец»);

9) Сажидә (әйберзәрзе берәм-берәм Тимербулаттың баш осона куйып). Бына күлдәгең... майкаң... Йыуылған, үтекләнгән. Мин уларзы сумазаныңдан алып йыузым. Керләнеп бөткәндәр ине... *Йоклайһыңмы? Йокла, йокла...* Машина килгәс тә уятырмын... Мин дә һинең менән китәм. *Эйе, эйе!* Каршы килмәһең бит?.. Белмәйһең шул эле... Бөтәһен дә юлда һөйләрмен, һин мине аңларһың... Ә бына быныһы – кульяулык... Үзем

сиккэн... һиңэ сиккэн куляулык килешмэйзәр зә бит... Ә мин, тилеләнеп, бөтә куляулыктарымды сигеп бөтөргәнмен... *Оқишамаһа – ташларһың... Юк, ташлама...* Ташлаһаң да һүз әйтеп булмай инде... Һорап алмайһың бит һин уны, үзем бирәм... Мин хәзәр, председателгә барып, справкама мисәт кенә һуктырып кайтам... Кисә оsrата алманым үзен... *Ә һин йокла, йокла...* Юл йырак... Мин тиз кайтам... Туранан ғына, баксанан баксаға ғына йүгереп барам... Хәзәр! ‘Сажидә (по одной укладывая вещи Тимербулата у его головы). Вот рубашка... майка, постирано, поглажено. Я их из чемодана вытащила. Испачканные были... *Спишь? Спи, спи...* Я разбужу тебя, как машина подъедет... Я тоже с тобой уезжаю. *Да, да!* Не будешь ведь противиться?.. Не знаешь ведь еще... Все по дороге расскажу, ты меня поймешь... А вот это платочек... Сама вышивала... Для тебя вышитый платочек не подходит, но... А я с ума сходила, все свои платочки вышила... *Если не понравится – выкинешь... Нет, не выкидывай...* Хотя, даже если выбросишь, ничего сказать не смогу... Ты же не выпросил, сама даю... Я сейчас схожу к председателю, поставлю печать на справку и все... Вчера не смогла встретить... *А ты спи, спи...* Дорога долгая... Я быстро вернусь... Напрямик, через огороды сбегаю... Сейчас!’ (А. Атнабаев «Он вернулся»).

Таким образом, синтаксические средства играют важную роль в передаче эмоций в художественных произведениях, позволяя авторам вызвать определенные чувства у своих читателей.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

В последние годы эмоциональный аспект человеческого фактора в языке выдвигается на передний план. Для описания корпуса средств репрезентации эмоций в башкирском языке, мы сочли необходимым обратиться к художественной литературе и проанализировать оригинальные тексты, что позволило представить картину мира человеческих эмоций в башкирской культуре.

Во второй главе нами были анализированы лингвистические средства выражения эмоций в романах «Ғүмер бер генә» («Жизнь дается однажды»), «Туззырылған тамук» («Взорванный ад»), «Килмешәк» («Пришелец»), повести «Асык ишек» («Открытая дверь») Д. Булякова; повестях И. Гиззатуллина «Үлгәндән һуң утыз йыл» («Тридцать лет после смерти»), «Юлға сығыр алдынан» («Перед дорогой»), «Ғашиктар баксаһы» («Сад влюбленных»); драмах А. Атнабаева «Әсә хөкөмө» («Суд матери») и «Ул кайтты» («Он вернулся»), а также в его поэтических произведениях; пьесе «Язғы йыр» («Весенняя песнь») и стихотворениях Н. Наджми.

В произведениях указанных авторов отражен широкий спектр как положительных, так и отрицательных эмоций. В них встречаются средства, выражающие радость и горе, боль и гнев, удивление и удовлетворение, восторг и сожаление, испуг и ярость, протест и обида, разочарование и ревность, презрение и зависть и многое другое. Репрезентация данных эмоций осуществляется с помощью лексических и синтаксических средств.

Большая часть эмоций традиционно выражена с помощью лексических средств, сюда можно отнести слова, называющие эмоции, междометия, вульгарную лексику, фразеологические обороты, синонимы, антонимы и т.д.

Лексические средства не всегда напрямую передают эмоциональное состояние героев, они помогают реализовать эмотивный фон и тональность художественных произведений, передать образность и экспрессивность

высказывания, показать чувства героев либо автора по отношению к происходящему.

Что же касается синтаксических средств, то в выбранных для анализа произведениях можно найти риторические вопросы, риторические восклицания, повторы, многоточия и т.п. Необходимо отметить, что в художественных произведениях преобладают односоставные (реже – двусоставные), неполные, эллиптические, простые предложения, которые репрезентируют как положительные, так и отрицательные эмоции героев и персонажей.

Примечательно, что в текстах эмоции выражены разными частями речи:

а) существительными (*нәфрәт* ‘ненависть’, *кайгы* ‘горе’, *куркыу* ‘испуг’, *тулкынланыу* ‘волнение’, *шатлык* ‘радость’, *рәхәтлек* ‘наслаждение’ и др.);

б) глаголами (*куркты* ‘испугался’, *исәңгерәне* ‘растерялся’, *яратам* ‘люблю’, *асыуы кабарзы* ‘разозлился’, *көнләшәме* ‘ревнует ли’, *көнләшмәс* ‘не будет ревновать’, *аптырап калды* ‘удивился’ и др.);

в) причастиями (*куркып торган* ‘испуганную’ и др.);

г) наречиями (*күңелһез* ‘грустно’ и др.).

При анализе нами выявлена существенная разница в употреблении ненормативной лексики разными авторами. Например, если Динис Буляков использует в своих произведениях широкий набор вульгарных слов, то у Ангама Атнабаева, Ибрагима Гизатуллина и Назара Наджми вульгарных слов гораздо меньше и, как правило, только в определенном контексте или в конкретных целях. Это говорит о том, что у каждого автора есть уникальный стиль использования ненормативной лексики в своих произведениях.

Обзор показывает, что синонимы довольно часто используются в качестве средства раскрытия категории эмотивности. Они, как средство репрезентации языковой выразительности, позволяют передавать различные смысловые оттенки мысли, выражать оценку обозначаемого и авторское отношение к нему, обозначать интенсивность признака и усиливать

экспрессию, более глубоко раскрывать тот или иной образ. Антонимы также используются для выражения категории эмотивности, позволяют передавать мысль ярче, образнее, дать более полную характеристику какого-либо явления, выразить авторскую оценку обозначаемого, усилить передаваемое содержание. Антонимические противопоставления являются своего рода антитезой и образно передают эмоциональные состояния героев.

По материалам, представленным во второй главе, можно сделать вывод, что для передачи эмоционального состояния героев авторы мастерски используют совокупность вербальных средств репрезентации чувств.

Глава 3. ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИЙ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)

Невозможно переоценить язык жестов в процессе коммуникации человека. Мимика, жесты и телодвижения весьма широко используются для общения, как и звуковая речь. Например, отношение между собеседниками вполне можно определить по взгляду, движению рук, положению тела.

Изучением невербальных средств выражения эмоционального состояния человека занимаются такие научные дисциплины, как физиогномика и кинесика.

Физиогномика связана с определением типа личности человека и его душевных качеств, исходя из анализа характерных особенностей строения лица и его выражения.

Кинесика изучает отражение поведения человека в его невербальных проявлениях, к которым относятся мимика (движение мышц лица), пантомимика (движения всего тела), «вокальная мимика» (интонация, тембр, ритм, вибрато голоса), пространственный рисунок (зона, территория, собственность и перемещения человека), экспрессия (выразительность, сила проявления чувств, переживаний), которая может быть решающей в интерпретации произносимых высказываний.

Если мы обратимся к истории, то обнаружим, что основы для изучения жестов заложил пастор Джон Каспер Лаватер. В 1790-х годах он выпустил первый научный труд, который назывался «Эссе по физиогномике». Именно пастор стал первым человеком, который обратил внимание на то, что существует явная связь между невербальными выражениями эмоций и характером человека.

Чуть позже наука ознаменовалась новым вкладом. Хирургу и анатому А. Чарльзу Беллу стало интересно, каким образом человек транслирует свои эмоции, если не говорить о них.

Обратившись к его исследованиям, можно отметить, что он сосредоточил свое внимание на том, как отдельные части тела, группы мышц и нервов способствуют выражению эмоций и как работает данный механизм.

С 1925 года начали появляться исследования, основанные на том, как влияют биологические признаки на формирование социального человеческого типа. Немаловажную значимость представляли исследования, которые пытались выявить связь между типом темперамента человека и его телосложением [Кречмер, 1925], сюда же относили то, как выражение разных эмоций влияет на то, как человек жестикулирует, какую мимику использует. Предпринималась попытка определить, как семантика эмоций влияет на их невербальное обозначение и присутствует ли какая-то связь между тем, какая эмоция транслируется и какой невербальный акт ее сопровождает [Дарвин, 1872].

Исследования в области жестового языка стремительно развивались. Если описанные нами выше труды носили сугубо теоретический характер, то чуть позже начали появляться исследования, нацеленные на исключительно практическое применение. Причиной тому стало изобретение алфавита глухонемых.

Разные науки, прежде всего биология, антропология, психология, философия и социология, стремительно шли к многостороннему и тщательному анализу своего нового объекта – языка тела.

В XXI веке, несмотря на довольно давнюю историю, исследования в области жестового языка продолжают прогрессировать. Обусловлен такой прогресс и интерес тем, что относительно недавно на жестовый язык обратили свое внимание такие дисциплины, как семиотика, социолингвистика и теория коммуникации.

Психолог Сепир в 1993 году дал следующее определение «жесту»: «Жест – это нечто гораздо большее, чем движения рук и других видимых и способных двигаться частей тела» [Сепир, 1993: 175]. Несмотря на переданное

вербальное сообщение, сознание получателя может быть уже сформировано из-за впечатления, полученного в результате невербальной коммуникации.

Не исключено, что именно данное определение вызвало желание исследователей обозначить функции, которые выполняют жесты, определить их место в коммуникации.

Сосредоточившись на этом вопросе, именитый психолог А. Шефлен занялся изучением невербальных средств, таких как поза и жесты. Итогом его работы стал вывод, что позы в союзе с жестами являются важным компонентом человеческих коммуникаций и транслируют эмоциональные состояния людей, их отношение к предмету дискуссии, а также передают особенность взаимоотношений между адресантом и адресатом [Шефлен, 1963, 1964, 1973].

Позы имеют национальное наполнение. Например, антрополог Гордон Хьюис [Хьюис, 1955, 1957, 1966] отметил, что существует около тысяч поз, в это число входят и варианты разных культур.

Однако, если соединить межкультурные формы, их количество явно уменьшится и будет составлять не более 200-300 единиц. Например, если для одной культуры определенные позы могут быть самыми обыденными, для других культур они покажутся неуместными, странными и непонятными.

Рассматривая значимость невербальной коммуникации, необходимо отметить, что ряд ученых, в том числе Э. Сепир, придерживался мнения, что языковая коммуникация является более значимой, в отличие от невербальной. Соответственно, появилось такое мнение, что необходимо совершать коммуникацию таким образом, чтобы язык в коммуникации доминировал над невербальными средствами.

Э. Сепир считал, что языковая коммуникация является более официальной и приемлемой для социума, чем жестовая. Отметим, что это мнение является небезосновательным, так как даже сейчас, в наше время, нередко можно услышать, что жестикулировать, например, некультурно. Соответственно, когда человек общается, он в некоторой степени

контролирует свою лексику, тщательно подбирает слова, ориентируясь на цель коммуникации, в то время, как жестикулирует он неосознанно, хотя определенные жесты контролировать тоже можно. Здесь отметим, что существует отдельная группа жестов, которая называется иллюстративными, значит, они явно не имеют эмоционального наполнения.

Небезосновательно можно утверждать, что одним из самых значительных трудов, который внес вклад в развитие паралингвистики, является исследование Г.Е. Крейдлина «Невербальная семиотика» (2001). Также ученый составил «Словарь языка русских жестов» в качестве соавтора [Крейдлин, 2001].

В своих работах исследователь обращается к невербальной семиотике и рассматривает жесты в контексте истории культуры, то есть анализирует: как соотносятся жесты и фраземы, какую роль играют функции жестов в процессе общения, формы, стадии, единицы кинесического поведения.

Ученый раскрывает такие термины, как эмблемы и отдельные типы эмблем, такие как семантические, морфологические, также он рассматривает классификации эмблем, анализирует иллюстраторы и их виды.

Невербальное общение затрагивает интересы исследователей многих дисциплин: психологии, социологии, физиологии, биологии и других. Не обошли стороной это многогранное и интересное явление и лингвисты.

Интерес у лингвистов к изучению невербальной коммуникации возник в конце XX века, когда наступила эпоха антропоцентризма. В центре исследования языкознания оказался человек. Лингвисты заинтересовались тем, как личные качества человека находят выражение в его речи, как его мировоззрение отражается в письменных текстах и устной речи. В связи с этими обстоятельствами, появились смежные с лингвистикой дисциплины: психолингвистика, социолингвистика и ряд других направлений.

Лингвисты обратили внимание на значения жестов и констатируют тот факт, что семантика играет основополагающую роль в вопросе исследования

семантического пространства, которое находится на стыке культур. Данный акцент является важным, если стоит вопрос осмысления вербальных единиц.

Невербальные средства коммуникации имеют различия в зависимости от ситуации, времени, культуры, места, социального статуса, возраста, отношений и других различных факторов коммуникации. Они выполняют ряд функций: информативную, экспрессивную, коммуникативную, изобразительную.

Также невербальное выражение может обогащать передачу смысла самих эмоций, выражать изменение и качество взаимоотношений собеседников, вдобавок помогает формировать диалоги.

Эмоции часто отражаются в языке тела. В зависимости от того, кто их использует, от языка, контекста, культуры и прочих факторов, может изменяться значение и невербальных знаков. Выделяют такие средства выражения эмоций, как, например, фонационные.

Они включают экстралингвистику (вздохи, смех, крик, плач, кашель), также паралингвистику (громкость, тембр голоса, мелодику, ритм и паузы), просодика (интонация, тон, ударения). Невербальные и вербальные средства общения объединяются, в этом единстве полное понимание невербальных средств представляется возможным только при учёте вербальных и наоборот. По мнению исследователей, голос – проводник эмоциональных состояний. Собеседники понимают эмоции и мысли друг друга, например, по понижению или повышению тона голоса, интонации, изменению тембра и продолжительности пауз [Сепир, 1993: 67].

Невербальные коммуникативные навыки делятся на две основные области: язык тела и параязык. В язык тела включают такие элементы, как: жесты, контакт глаз, позы, выражения лица, осознание физической дистанции (называемое проксемикой).

Эмоции, безусловно, находят свое выражение в параязыке человека. В тот момент, когда человек выражает эмоции, они пронизывают все его тело, оказывая влияние на все мышцы человека. На практике эмоции в основном

выражаются через мимику, изменение интонации и тембра. Например, существует мнение, что, если человек начинает нервничать, его голос становится выше, наоборот, низкий голос, звучащий в умеренном темпе, говорит о том, что человек спокоен и максимально уверен в себе.

Действие, как правило, имеет две стороны: внешнюю и внутреннюю. Соответственно, все не заканчивается на внешней стороне. Самой интересной стороной эмоций является их внутреннее содержание. Посредством эмоций человек выражает отношение к окружающему, духовное содержание личности внешней формой своего существования.

Аналогичным образом выразительные движения являются не просто сопровождением эмоций, а внешней формой их существования или проявления. Мимическим компонентом эмоций является не только собственно выражение эмоций, но и фактор, усиливающий переживание эмоций.

В качестве примера рассмотрим такое эмоциональное состояние, как радость. Описать его можно следующим образом: наслаждение, внутреннее чувство удовольствия вследствие желанного случая. Это эмоциональное состояние может проявляться как: смех, покраснение лица, прыгание, сжатие поднятых вверх рук, жест «на большой палец», громкость голоса.

Радость может идти вкупе и с другими эмоциональными состояниями, такими как: благодарность, удовлетворение, облегчение, благодушие, веселье, счастье, удивление, благочестие. Данное эмоциональное состояние может быть результатом разных действий, например, человек радуется по той причине, что выиграл в лотерею, победил в конкурсе, полетел в путешествие и так далее. Как правило, радость довольно быстро может превратиться в нечто отрицательное, в тяжелое чувство: грусть, разочарование, тоску.

Богатая мимика человеческого лица не достигла бы современного уровня выразительности, если бы в ней лишь откладывались и запечатлевались ставшие бесцельными движения. Иногда едва уловимая улыбка, на мгновение осветившая лицо человека, может стать событием, способным определить личную жизнь другого человека; чуть заметно

сдвинутые брови могут оказаться более эффективным средством для предотвращения какого-либо чреватого последствиями поступка, чем иные пространственные рассуждения и сопряженные с большой затратой сил меры воздействия.

Мы сплошь и рядом производим то или иное выразительное движение именно потому, что оно имеет определенное значение для других.

Будучи первоначально чисто рефлекторными, реакции впоследствии превращаются в семантический акт и в известной степени заменяют речь.

Природная основа произвольных рефлекторных выразительных реакций дифференцируется, преобразуется, развивается и превращается в тот исполненный тончайший язык взглядов, улыбок, игры лица, жестов, поз, движений, посредством которого мы так много говорим друг другу, даже когда молчим. Пользуясь таким своеобразным «языком», можно, не вымолвив ни одного слова, выразить больше, чем слово может вместить.

Некоторые лингвисты отмечают доминирование невербальных средств над вербальными в контексте трансляции эмоций. В частности, Э. Сепир полагает, что эмоции «имеют тенденцию выражаться без слов, и такого инстинктивного выражения эмоциональных переживаний в большинстве случаев достаточно» [Сепир, 1993: 147].

Таким образом, мы можем утверждать, что языком тела называют кинетические средства невербальной коммуникации, а праязыком – фонационные средства невербальной коммуникации.

Одним из самых популярных невербальных средств, способных передать национальный компонент, является язык жестов. Национальный компонент языка обусловлен тем, что личность воспитывается в языковой среде и заимствует у других представителей этой среды жесты. Еще не владея речью, ребенок начинает знакомиться с тем, в какой речевой ситуации используется один жест, а в какой – другой.

При всех отмеченных различиях в жестах у разных народов в них есть то универсальное, что, по существу, и составляет общечеловеческий

потенциал культуры этикета. Прежде всего, это касается содержания, внутренних смыслов жестов приветствий, прощаний, благодарности, передающих симпатию, дружеское расположение, пожелание здоровья и благополучия и т. д.

При всех различиях эти жесты несут в себе единое содержание – симпатию, доброжелательство. Наиболее известный и распространенный жест – рукопожатие (При этом в Западной Африке, например, к рукопожатию присоединяют многократное щелканье пальцами).

К числу элементов невербальной формы выражения эмоций относится и контакт глаз, основанный на оптико-кинетической системе знаков.

Обычай смотреть прямо в глаза собеседнику является распространенным. Мнение о том, что душевное состояние отражается в глазах, существует издавна (Күззәр – күнел көзгәһә «Глаза – зеркало души»). Следовательно, отражение эмоционального состояния во взгляде не вызывает сомнений, соответственно, ряд примеров можно было бы продолжить. Обычно участники доверительной беседы, раскрываясь перед собеседником, не отрывают друг от друга взгляда. Тем самым подчеркивается неразрывная связь теплоты и откровенности в отношениях с контактом глаз.

Актуализируя проблему, необходимо отметить, что в башкирском языкознании до сих пор нет целенаправленного исследования, которое бы изучало невербальные средства коммуникации.

Можно отметить только отрывочные обращения к невербальной лексике, которые описываются в исследованиях общелингвистического плана. К сожалению, такие исследования не могут дать представления ни о функциях невербальных средств, ни об историческом их развитии и, тем более, о специфике выражения эмоциональных состояний посредством невербальных средств.

В рамках исследования следует отметить статью З.Ф. Шайхисламовой, где рассматриваются невербальные формы выражения эмоций в башкирском языке. В своей статье автор отметила несколько групп чувств, они следующие:

радость, гнев, гордость. В контексте эмоций З.Ф. Шайхисламова обращает внимание на контакт глаз, основанный на оптико-кинетической системе знаков, на «чистые», но и смешанные эмоции.

Автор фокусирует внимание на том, что невербальные средства разнятся в зависимости от того, какая культура ими транслируется. Соответственно, идет упор на то, что менталитет в определенном смысле диктует использование определенных невербальных средств. В связи с этим, необходимо отметить, что автор исследует проблему с точки зрения лингвокультурологии [Шайхисламова, 2011; 2017].

С той точки зрения, что паралингвистика является частью менталитета народа, изучение способа выражения эмоций невербальными средствами является актуальным. Таким образом, прослеживается существенная связь между паралингвистикой и лингвокультурологией.

Природу языка можно понять и объяснить только исходя из самого человека и его мира. Человек неотделим от эмоций, которые непосредственно проявляются в его речи, движениях, мимике, голосе.

Эмоции – это одна из форм отражения мира, обозначающая душевные переживания, волнения, чувства. А эмоции многогранны. В языке имеется целый арсенал эмотивных средств, от которых зависит естественность коммуникации, т.е. при использовании которых общение сохраняет свою жизненность, естественность, эмоциональность.

Материалом для настоящего исследования послужили произведения башкирской художественной литературы. В связи с тем, что невербальные средства традиционно делятся на фонационные и кинетические, которые могут транслировать эмоции, в нашей работе все обнаруженные примеры были классифицированы по представленным группам.

3.1. Фонационные средства выражения эмоций

Необходимо понимать, что в устной речи основополагающую роль играет голос. Устная речь часто транслирует информацию о том, в каком эмоциональном и физическом состоянии находится человек.

Человеческий голос может очень широко выражать эмоции, он имеет разнообразное количество оттенков.

Именно голос дает возможность нам услышать интонацию, которая является обязательным компонентом речи. Интонация имеет конкретную структуру и включает в себя несколько элементов: мелодику, ритм, интенсивность, тембр речи, паузу и логическое ударение.

Рассмотрим вкратце каждый перечисленный элемент.

Мелодика. Мелодика интерпретирует процесс того, как меняется высота основного тона голоса; она представляет собой динамику голоса в контексте повышения и понижения.

Ритм речи. Под ритмом необходимо понимать повторение однотипных речевых единиц, в частности, чередование ударных и безударных, долгих и кратких слогов. Речевой ритм играет важную роль в разговоре, так как оказывает прямое влияние на то, как речь будет воспринята читателем. Ритм является базой любого художественного текста, как прозы, так и поэзии. Однако, ритм не так ярко проявляется в обыденной речи.

Интенсивность речи. Под интенсивностью понимается то, как, с какой силой произносятся слова.

Тембр голоса. Тембр голоса способствует тому, что голоса у всех людей разные. Невозможно найти два голоса, которые являются абсолютно идентичными. С точки зрения науки, описать тембр речи довольно сложно. При описании тембра на практике используют разные ассоциации, которые тембр вызывает при коммуникации, например, часто можно услышать, что тембр голоса теплый, бархатный, светлый и так далее.

Тембр довольно точно транслирует состояние человека, как физическое, так и эмоциональное. Например, по нему мы можем без проблем определить настроение, отношение и даже самочувствие говорящего на данный момент.

Темп речи. Темп речи интерпретируется то, как, с какой скоростью произносятся элементы речи в процессе коммуникации. Принято выделять быстрый, средний (умеренный) и медленный темп речи. Темп определяется в зависимости от контекста общения.

Спокойный предполагает официальную коммуникацию и используется активно в деловой речи, в речи дикторов радио и телевидения, в выступлении лектора, докладчика и т.п.

Медленный темп предназначен для элементов речи, которые имеют высокую смысловую нагрузку. Часто такой темп используется для торжественных речей.

Повседневная беседа характеризуется быстрым темпом. На практике скорость речи может транслировать личностные качества говорящего, его эмоциональное состояние.

Пауза. Пауза представляет собой перерыв, остановку в звучащей речи. Вместе с другими элементами интонации паузы выполняют в речи самые разные функции. Различают следующие паузы:

- логические (делят речь на смысловые отрезки. Сравните: «Читать / долго не мог» и «Читать долго / не мог»);
- психологические (данный тип пауз напрямую связан с эмоциональным состоянием говорящего). Психологические паузы могут выражать такие состояния, как волнение, недоумение, переживание, радость и другие.

Логическое ударение. Логическое ударение помогает сделать акцент на главном элементе речи.

Исследователи отмечают, что логическое ударение может вбирать в себя не только психологическое, но и эмоциональное значение. Соответственно, логическое ударение может не просто выделять важные элементы, но и демонстрировать то, в каком эмоциональном состоянии находится говорящий.

Рассмотрим примеры, в которых можно наблюдать фонационные невербальные средства.

1. Гәлиулла тәрән итеп бер көрһөндө лә:

– Рәхмәт, корзаш, изге хәбәрәңә. Хәзер көтөргә мөмкин. Юкһа ошоғаса еңеү юлының башы юк ине бит, инде булды. – ‘Галиулла *глубоко вздохнул*: – Спасибо, сверстник, за добрые вести. Теперь можно и подождать. А то ведь до этого даже намек на путь победы не было, теперь появился’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). В представленном примере эмоциональное состояние героя выражается посредством глагола «көрһөнөү» и наречия (*тәрән*). Данный элемент указывает на то, насколько главному герою была необходима эта новость, как она важна, в каком тяжелом эмоциональном состоянии она его держала.

2. – Танымайыммы ни мин ул кәһәр төшкән кағыззы? Ул минең бәгеремде телеп бөткән, кәнбиртенән үк күреп торам: шул нәмә – үле кағызы, үле, – тип *үкһене* Хәлимә инәй. – Муйыны һынһын инде был яуыздың, йәне йәһәннәмгә китһен – ‘Думаешь не узнаю я эту проклятую бумагу? По конверту узнаю я эту бумагу о смерти, всю душу мне извела, это его похоронная, – Халима *всхлинула*’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). В представленном случае, как и во многих других примерах, невербальным средством выражения выступает эмоциональное действие человека *үкһене* (*всхлинула*), которое констатирует о том, что человек испытывает крайне тяжелые эмоции, которые уже рвутся наружу в виде слез.

3. Һы-ыу-ыу!.. – тип бер-ике тапкыр *ялбарып* һорап караны ла шымыш калды. Ярым асык калған күззәргә, тазартылған ез батмус булып, әллә кайзан алыстан, монар ашаһынан, кояш күренде. Ниңәлер уның нурзары һүнә башланы. Майы бөткән шәм кеүек мелт-мелт итеп торзо ла әллә кайза юғалды ‘– Во-во-ды!... – *мучительно* попытался выпросить он, а после обессиленно умолк. Вышедшее откуда-то издалека солнце осветило полуоткрытые глаза. Вдруг лучи начали гаснуть. Задрожали, как пламя угасающей свечи, и куда-то пропали’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). В данном примере

описывается то, с каким тембром герой просил воды, какие интонации были в его голосе. Автор использует слово «*ялбарын*» (*мучительно*) – соответственно, мы понимаем, в каком тяжелом и обессиленном состоянии находится герой.

4. – Йә, ниндәй кешене әрәм иткәндәр, – тип *шыбырланы*. Бер аз иҫ-акылын йыя алмай торзо ул. Кыззың һылыу йөзөн *һағыш баҫты* ‘– Ох, какого человека погубили, – *прошентала она*. Какое-то время она не могла справиться с мыслями. На лице девушки *отразилась тоска*’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). В данном примере нас интересуют выражения *шыбырланы* (*прошентала*); «*кыззың һылыу йөзөн һағыш баҫты*» (*на красивом лице девушки отразилась тоска*). Первая фраза говорит о том, что героиня не может даже произнести вслух слова, так как опечалена фактом. Во второй фразе автор прямым текстом описывает эмоциональное состояние, которое отразилось на лице девушки, посредством метафоры *һағыш баҫты*, которая знакома носителям языка и описывает чрезвычайно тяжелое эмоциональное состояние человека.

5. Был кот оскос һүзәрзең дөрөслөгөнә ышанғыһы килмәй, һикереп торорға уйланы Фәһим. Бәтә көсөнә тартылды. Әммә карауатка һузып һалынған кәүзә кузғалып та караманы. Яңынан көсәнде егет, эстә нимәлер өзөлдө, күрәһең: «Ой, ой!..» – тип *ыңғырашты ул йән өзгәс итеп*. ‘– От нежелания верить в эти страшные слова Фагим попытался вскочить. Потянулся из всех сил. Но прикованное к кровати тело даже не сдвинулось. Парень вновь собрался с силами, внутри что-то оборвалось, кажется: «Ой, ой!..» – *душераздирающе застонал он*’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»).

6. – Уф, үләм, хәлем бәтә, һыу, – тине ул, *ыңғырашып*’ – Уф, умираю, сил нет, воды, – сказал он, *застонав*’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). В данном случае посредством деепричастия *ыңғырашып* автор реализует такой паралингвистический элемент, как тембр голоса, его специфику и окрас, который указывает на то, что человек находится и морально, и физически в очень тяжелом состоянии.

7. – Алыот, эле йүнләп йөрөй башламаған, нимә һөйләй, – тип *мығырланды* Буянов ‘– Дурак, еще толком ходить не научился, а болтает, – *проворчал* Буянов’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). В данном примере мы видим, как через манеру речи *мығырланды (проворчал)* – передается эмоциональное состояние героя, его недовольство. Реплика героя также говорит о его эмоциональном состоянии, но не в достаточной степени. Без присутствия невербального компонента читателю не было бы четко понятно, какие эмоции он испытывает, так как ту же реплику можно произнести, прибывая в любом эмоциональном состоянии. Например, это может быть легкая ирония, насмешка или совершенно нейтральная эмоция, а лексика может быть просто манерой речи представленного героя.

8. Был ғәзелһезлекте күтәрә алмайынса, *үкереп илап* кайтты Фәһим ‘– Не выдержав эту несправедливость, Фагим пришел домой заплаканный навзрыд’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). «*Үкереп илап кайтты Фәһим*» – данный фрагмент демонстрирует то, в каком упадке пришел домой Фагим, насколько он был опечален. Также следует отметить компонент, который не передается при переводе – это *үкереп (навзрыд)*. Данное наречие используется в башкирском языке в сочетании *илап (плача)* для того, чтобы передать насколько отчаянно и усердно плачет человек.

9. – Тфу, жүнһез... – Нәркиә апай *китте тезеп, китте тезеп*. Уның әшәке һүззәрен ишетеп, мин тағы ла илай башланым. – ‘Тьфу, негодник... – Наркия апай начала причитать. Услышав ее нехорошие слова, я снова *начал плакать*’ (И. Гиззатуллин «Перед дорогой»). В данном примере встречается довольно редкое невербальное фонационное средство, которое описывает эмоциональное состояние человека, когда он находится в крайней степени возбуждения и начинает извергать свое недовольство посредством слов. И встречается довольно популярное фонационное средство *илай башланым (начал плакать)*, которое транслирует эмоциональное состояние «грусть, безысходность, отчаяние».

10. Камил. Республикабыззың халык артисы... Айзар (*һуззе бүлен*). Ә! Юк! Юк! Бик юғары ноталарзы алдың – ‘Камиль. Народный артист нашей республики... Айдар (*прерывая его речь*). А! Нет! Нет! Очень высокие ноты взял’ (Н. Наджми «Весенняя песнь»). В данном фрагменте мы видим невербальное средство – герой прерывает речь своего собеседника. Данный акт говорит о несогласии героя со своим собеседником, демонстрирует то, насколько их взгляды расходятся, соответственно, герой находится в состоянии нервного возбуждения.

11. Камил (*көлөп*). Гин бөтөнләй романтик! Тик быға тағы кем ышаныр? – ‘Камиль (*смеясь*). Ты абсолютный романтик! Только кто этому еще поверит?’ (Н. Наджми «Весенняя песнь»). В данном случае невербальное средство, выраженное автором посредством деепричастия «көлөп» (*смеясь*), транслирует недоверие, сомнение, облаченное в иронию.

Нередки случаи, когда фрагмент включает в себя как кинетические, так и фонационные средства. Это обусловлено тем, какие цели перед собой ставит автор. В том случае, если он хочет более детально описать эмоциональные состояния героев, он использует как кинетические, так и фонационные средства. Например:

1. – Рәкиә, Рәкиә, тим, йәнем, көнбағыш бир әле, – тине. Ләкин кылансык кыз уны *күрмәмешкә һалышты*. Шуның өсөн Кәрим ағай: – Йә инде, бер ус кына, – тип кулдарын һуззы. Тик шунда ғына теге кыз боролоп:

– Мә! – тип өс кенә бөртөк көнбағышты Кәрим ағайзың битенә бәрзе лә *иһаһайлап китеп барзы* ‘– Ракия, дорогая, дай, пожалуйста, семечек, – сказал он. Но девушка-кокетка *сделала вид, что не слышит его*. Поэтому Карим повторил: – Пожалуйста, дорогая, одну горсть только, – и протянул руки. Только в этот момент девушка, обернувшись, сказала:

– На! – Три штуки семечек швырнула в лицо Карима и, *хохоча, ушла*’. В данном примере фигурируют фонационные невербальные средства: «*иһаһайлап китеп барзы*» (*хохоча, ушла*) (И. Гиззатуллин «Перед дорогой»). Данное невербальное средство транслирует не только эмоциональное

состояние, но и отношение девушки к герою. Точнее, показывает издевательское отношение к Кариму. Здесь мы можем наблюдать другое эмоциональное состояние, которое можно охарактеризовать как «игнорирование собеседника» – *күрмәмешкә һалышты (сделала вид, что не видит его)*.

2. Люся! Ярамай! (*Үз-үзенә*). Һай-Һай, тауышы (Кушылып йырларға итә, ләкин эйәрә алмай). Ниндәй йыр был? (Йыр капыл өзөлә). Барып тотто булһа кәрәк һандуғасты. Өфөнән берәй артист ялға килгән, тиһән, ауылда бер зә таныш кеше күренмәне (Йырзы көйләргә итә, сыкмай). *Кулын үз алдына һелкеп, үз-үзенән көлә*. Монолит алыу менән шөгөлләнә. Людмиляның көлгән тауышы ишетелә (Күп тә үтмәй, сыбырткыһын һөйрәп, көтөүсә егет Айзар һәм Людмила сәхнәгә етәкләшеп килеп инәләр) – ‘Люся! Нельзя! (*Сам себе*). Ой, какой голос (Пытается спеть, но не может). Что это за песня? (Песня неожиданно обрывается). Кажется, вот схватил соловья. Как будто из Уфы какой-то артист на выходные приехал, но в деревне ни одного знакомого (Пытается напеть песню, но не получается). *Ходит, болтает руками, смеется сам по себе*. Монолитом занимается. Слышится смех Людмилы (Проходит немного времени, как Айдар с плеткой на руках появляется на сцене вместе с Людмилой)’ (Н. Наджми «Весенняя песнь»). Данный отрывок демонстрирует неустойчивое психическое состояние героя. Мы видим, как он пытается напеть мелодию, смеется сам по себе, рассказывает по комнате. Все перечисленные средства говорят о том, что герой находится в состоянии критического волнения. В представленном фрагменте можно отметить как кинетические, так и фонационные средства.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что довольно сложно найти фрагменты, в которых фигурируют только кинетические или фонационные средства, поэтому распределяя фрагмент в ту или иную группу, мы основывались часто на том, какие средства являются доминантными.

3.2. Кинетические средства выражения эмоций

Кинетические средства выражения эмоций изучает «кинетика» (от греч. *kinesis* – движение). Выделяют следующие виды кинетических средств.

Жесты. Они всегда играли ключевую роль в коммуникации, соответственно, продолжают играть важную роль и в социуме. Пиком значимости жестов можно небезосновательно считать средневековье. Именно поэтому культура Средневековья именуется культурой жеста, или жестовой культурой.

Жесты нередко становятся средством достижения разных целей. На данный момент нет универсальной классификации жестов. В кинетике они делятся на три основные группы:

- 1) эмблематические жесты (эмблемы);
- 2) иллюстративные жесты (иллюстраторы);
- 3) регулятивные жесты (регуляторы).

Жесты-эмблемы. Данные жесты являются полностью независимыми от контекста. Жесты-эмблемы, в свою очередь, подразделяются на коммуникативные и симптоматические.

Коммуникативные жесты-эмблемы служат передатчиками информации адресату, которую целенаправленно направляет адресант. Например, если человек крутит у виска – это говорит о том, что адресату передается информация о психическом состоянии кого-либо. Довольно популярным жестом является приложить палец к губам, который сигнализирует о том, что нужно говорить тише.

Отдельная группа жестов транслирует информацию о месте, времени, которые вписываются в коммуникацию. Такие жесты иначе называют указательными, здесь следует отметить случаи, когда человек указывает пальцем или рукой на определенный предмет или на человека. Здесь же можно отметить этикетные жесты, которые символизируют приветствие или прощание.

В контексте нашей работы внимание сфокусировано на симптоматических жестах, которые и транслируют именно эмоциональное состояние адресанта. Речь идет о таких жестах, как надуть губы, потирать руки, взяться за голову и так далее. Например: Трубканы һалыу менән, башына килгән шәп идеяға кыуанып, хатта *кулдарын ыугылап алды* Казнабаев ‘Положив трубку, Казнабаев порадовался возникшей идее и, довольный, *потер руки*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»).

Жесты-иллюстраторы. Данные жесты используются в союзе с вербальными средствами. Они дают некую дополнительную информацию. Здесь следует отметить то, как человек жестикулирует руками, сопровождая речь.

Жесты-регуляторы. К ним относятся движения, поддерживающие и регулирующие как вербальный, так и невербальный диалог. Например, кивки, закрывание и открывание глаз, смена поз, определенным образом ориентирование движения тела и т.п. В процессе общения жесты позволяют собеседникам лучше узнать друг друга, определить свойства характера, темперамент, эмоциональный настрой. Не следует забывать, что жесты могут выдать человека, обнаружить то, что он пытается скрыть. Используя жесты в деловом общении, как нами было отмечено выше, необходимо иметь в виду, что у представителей разных культур они могут иметь различные смыслы, что может привести к неправильной интерпретации жеста.

Прикосновения. К кинетическим средствам относятся самые разнообразные прикосновения – рукопожатия, поцелуи, поглаживания, похлопывания, объятия и др. В зависимости от контекста необходимо выделять следующие виды прикосновений:

- профессиональные (функциональные);
- ритуальные (социальные);
- дружеские (приятельские);
- любовные (интимные).

Мимика. Это движения мышц лица, выражающие внутреннее душевное состояние человека (от греч. *mimikos* – подражательный). В контексте эмоций мимика играет довольно важную роль.

Мимика абсолютно точно транслирует то, в каком эмоциональном состоянии находится человек, какие чувства он испытывает. Например: «Молодец», – атаһының *йәмрәйгән кашы язылып*, карая башлаған йөзө яктырып китте – «Молодец», – *нахмуренные брови отца расслабились*, а лицо просветлело’ (И. Гиззатуллин «Перед дорогой»).

Взгляд. Данное кинетическое средство так же довольно успешно транслирует эмоциональное состояние человека. В художественных текстах можно часто встретить фразы: *глаза светятся счастьем; глаза негодуют; пронзил взглядом; глаза бегают; растерянный взгляд; беспомощный взгляд* и т.д. Иными словами, чаще всего мы можем прочесть, как герой опустил глаза или вытаращил их. Если в первом случае речь идет о смущении, во втором – об удивлении. Например: – «Эй, мой рыцарь, даманды ниңә каршы алмайһың?» – тип *йылмая* ул. Вася тормайырак яһа: – «Йә, кузғал», – тип кабатлай, якын ук килеп. Тегеһе ашығып тора, әллә оялып, әллә уңайһызланып, *түбән карай.* – «Эй, мой рыцарь, почему не встречаешь свою даму?» – *улыбается* она. Если Вася не вставал, повторяла, чтобы тот шевелился. Он вскакивал и смущенно *опускал взгляд.*’

Далее рассмотрим примеры, в которых нами были обнаружены кинетические средства. Отметим, что, по сравнению с фонационными, кинетические средства представлены большим количеством примеров, что говорит о том, что они не только более часто используются для трансляции эмоциональных состояний, но и более эффективно это представляют. Мы полагаем, что это связано с ограниченным количеством языковых средств, которые могли бы транслировать эмоциональные состояния посредством фонационных приемов.

1. Шул сак ырзынға почтальон килеп етте лә: «Тағы кемгә кайғылы хәбәр килтерзең?» тигәндәй, бөтәһе лә уға *төбәлдә.* Ә почтальон ашыкманы.

Ошо арала ғына бер нисә кәһәрле қағыз алып, күңеле өшөп бөткән Хәлимә инәй *калтырана башланы* ‘В это время появился почтальон, и все с немим вопросом: «Еще кому принес печальную весть?» – *пристально взглянули на него*. А почтальон не торопился. Старуха Халима, успевшая получить за короткое время несколько похоронок, вдруг *задрожала*’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»).

В данном случае вербальные средства выражения эмоциональных состояний используются в одном предложении с невербальными, что усиливает напряжение. С одной стороны, посредством лексических средств возникает вопрос: Тағы кемгә кайғылы хәбәр килтерзең? (Еще кому принес печальную весть?), это признак того, насколько местные жители находятся в напряжении. Эмоциональное состояние дополняет глагол: *«төбәлдә» (пристально взглянули)*, который демонстрирует, что сельские жители находятся в состоянии тревожного ожидания.

2. Хаттарзы таратып, укый торғанын бөткәс, *ымлап кына Ғәлиулла бабайзы япма тышына сакырзы*. Картының кузғалыуы булды, бер кулына ижау, икенсәһенә сеүәтә тоткан Хәлимә инәй зә уның артынан эйәрзе. Таныш қағыззы күреү менән, *сеүәтәһе кулынан төшөп китте* Хәлимә инәйзең. Ул, туң ергә бәрелеп шалтырап куйзы, ә үзе *ыңғырашты* ‘Раздав все письма, почтальон жестами *подозвал* к себе старика Галиуллу. Как только старик привстал, старуха Халима двинулась следом, не выпуская из рук поварешки и чаши. При виде знакомой бумажки чаша выпала из рук старухи Халимы и зазвенела, ударившись об промерзлую землю, а сама она *застонала*’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). Представленный отрывок изобилует невербальными средствами выражения эмоциональных состояний: «*ымлап кына Ғәлиулла бабайзы япма тышына сакырзы*»; «*бер кулына ижау, икенсәһенә сеүәтә тоткан Хәлимә инәй зә уның артынан эйәрзе*»; «*сеүәтәһе кулынан төшөп китте*»; «*ул, туң ергә бәрелеп, шалтырап куйзы*»; «*үзе ыңғырашты*» – перечисленные отрывки не только описывают эмоциональное состояние героев, но и указывают на важность письма – его роковость, то,

насколько круто оно может повернуть историю в абсолютно неожиданное русло. Момент, когда почтальон подзывает старика жестом, также говорит о многом: например, о напряженном состоянии и желании поделиться каким-то важным секретом. Важен и тот элемент, когда старуха Халима выходит за ними, не выпуская из рук поварешки и чаши, что сигнализирует о ее эмоциональном статусе и полном отсутствии возможности контролировать события. Кульминацией отрывка становится чаша, которая разбивается, что указывает на то, что эмоциональное состояние Халимы находится на пике.

3. Комиссар һуңғы һүззәрен әйтеү менән, күбеһе Иван менән Фәһимгә *төбәлдә*. Күмәк күззәрзең карашынан унайһыз булып китте уларға ‘После последних слов комиссара многие *обратили взгляд* на Фагима и Ивана. От такого внимания им стало неудобно’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). В данном случае эмоциональное состояние передается довольно интересно. Эмоции людей раскрывают отношение к Фагиму и Ивану. Также паралингвистический прием в данном отрывке говорит о том, что люди своим взглядом выражают ожидание, недовольство или непонимание. Небольшим недостатком является то, что без контекста констатировать факт довольно сложно.

4. – Әһә, касаһығызмы, – тине Фәһим, *тештәрен кысып*. Дошманды Лужинонан бәрәп сығарырға теләп, *ук булып алга осто*. Тик ошо мәлдә уның менән әллә нимә булды, аяғы тозақка эләккән кеше һымак, колас ташлап *ергә аузы* ‘ – Ага, убегаете, – *сквозь зубы* произнес Фагим. Желая прогнать врага из Лужино, он *стрелой рванул вперед*. Но в эту секунду что-то с ним произошло, словно попавший в силки человек, он *плашмя рухнул на землю*’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). То, как произнес Фагим фразу «*Ага, убегаете*», говорит о том, что он находится в состоянии дикой злости, ярости.

5. Петроның ошоллай уйлауы булды, *сәстәре үрә торзо*. «Кайзан булһа ла табырға, асығын белергә. Медсанбатта булһа, һаубуллашып, озатып калырға, тегендә икән – үз кулдарым менән... Петро һуңғы һүззәрен әйтеп

бөтөрөргә куркты ‘Стоило Петру об этом подумать, как *волосы встали дыбом*. Где бы не был, найти, узнать. Если в медсанбате, проститься и проводить, а если – то своими руками... Договорить последние слова Петр побоялся’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). Данный пример интересен с точки зрения, что в данном случае автор старается описать невербальную реакцию героя, используя метафору “*сәстәре үрә торзо*” (*волосы встали дыбом*), тем самым обозначая его реакцию на свои собственные мысли.

6. – Йәнһез, – тине лә Аня *илай башланы*. Башка сара калманы Фәһимгә, көслөк менән булһа ла, кыззы күтәрәп алырға тура килде ‘– Бездушный, – произнесла Аня и *расплакалась*. Иных вариантов не было, и Фагиму пришлось насильно подхватить девушку на руки’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). В данном примере также демонстрируется эмоциональное состояние героя, через действия выражается эмоция. То, что девушка расплакалась, свидетельствует о том, что она очень сильно переживает.

7. Фәһимдең йылы тыны кыззың йөзөнә бәрелде. Был йәш кызға бөтмәс рәхәтлек килтерзе. *Башы әйләнеп китте* уның, *битенә кан бөркөлдө*. Ялкын ялмағандағы кеүек бузарынған кыззы Фәһим ары алып китте. Аняға күз зә һалманы, үзенең йөрөгә тураһында уйланы. Ә егет күкрәгенә тәү тапкыр һыйынған кыз ете кат күк ашаһынан йөззө. Ниндәй генә уйзар килмәне уның хыялый башына: «Язмышым ошо, Хозай беззе белеп осраштырзы», – тине ул, рәхәтлектән исергән килеш ‘Теплое дыхание Фагима обожгло шею девушки. Это доставило ей безграничное удовольствие. *К щекам прилила кровь, а голова слегка закружилась*. Разгоряченную девушку Фагим понес дальше. Не глядя даже на Аню, он думал о своем сердце. А впервые прижатая к мужской груди девушка была на седьмом небе от счастья. Какие только мечты не проскальзывали в ее голове: «Это судьба, не зря нас Бог свел», – думала она, пьянея от удовольствия’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). В данном отрывке мы видим прямое описание того, как эмоциональное состояние отразилось на лице героини: “*Башы әйләнеп китте уның, битенә кан бөркөлдө*” – *Голова закружилась, к щекам прилила кровь*.

8. Егет китте, йөрәктә ут калды. Йылдар үтте, әйтелмәгән һүз күнелде өйкәп башта йөрөнө. Һәм бына... Аня *калтырай башланы*. «Хәзер һуң инде, һуң, – тип өзгөләнде ул. – Үлгән кешегә нимә әйтәһең?!» ‘Парень ушел, а в сердце осталась горечь. Прошли годы, недосказанные слова обжигали сердце. И вот... Аня *задрожала*. «Теперь поздно, поздно», – надрывалась душа. – Умершему человеку что скажешь?!’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). Здесь наблюдается внешнее проявление эмоций – «*калтырай башланы*» (*задрожала*).

9. Эсендә нәфрәт токанған егеттең Гитлерға каршы яңынан яуға укталғыһы килде. Янағын кысып, *тештәрен шығырлатып куйзы* ул ‘Переполненному ненавистью парню вновь хотелось броситься в бой с Гитлером. Он до скрипа сжал зубы’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). В этом случае невербальным средством выражения эмоций служит *сжатие зубов до скрипа*. Данный жест демонстрирует одновременно злобу героя и его сумасшедшее желание бороться против Гитлера. Все эти эмоции он выражает посредством сжатия зубов.

10. Тын алыусы үпкә кеүек, пульсы бәрәп торған асык башты күргәс, калтыранып куйзы, *күззәрен йомдо* Фәһим ‘Увидев вскрытую голову, которая пульсировала словно легкие при дыхании, Фагим *закрыл глаза*’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). В данном случае мы четко понимаем, что через эпизод с закрытыми глазами автор передает такие эмоции, как страх, неожиданность, разочарование.

11. – Убью, гад, ненавижу всех фашистов, – тип уға *ташланды* ‘Со словами: Убью, гад, ненавижу всех фашистов, – он *накинулся* на него’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). В представленном примере невербальный компонент дополняет вербальный. Тем самым до читателя более детально доходят эмоции, которые испытывает герой. «*Ташланды*» (*набросился*) сигнализирует читателю о том, в каком нервном возбуждении он находится.

12. – Эй, мой рыцарь, дамаңды ниңә каршы алмайһың? – тип йылмая ул. Вася тормайырак яһа: – Йә, кузғал, – тип *кабатлай, якын ук килеп*. Тегеһе ашығып тора, әллә оялып, әллә уңайһызыланып, *түбән карай* ‘– Эй, мой рыцарь, почему не встречаешь свою даму? – улыбалась она. Если Вася не вставал, повторяла, чтобы шевелился. Тот вскакивал и смущенно опускал взгляд’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). В данном примере невербальный компонент обозначает эмоциональное состояние двух героев. Например, в первой части отрывка фигурирует описание «–*Йә, кузғал, – тип кабатлай, якын ук килеп*» – героиня находится в состоянии полной решительности, она настаивает, её эмоциональное состояние можно охарактеризовать как состояние нетерпимости. Что касается второго героя, то его эмоциональное состояние характеризуется как «*уңайһызыланып, түбән карай*» (*смущенно опускал взгляд*). Невербальное средство репрезентирует состояние смущения, неловкости героя.

13. Күңелдәрзе шомландырып, бүлмәгә кайғылы моң тарала. Уйзарзы тәрәнәйтә. Шик-шөбһәне арттыра. *Йөрәктәргә үтөп инеп һызыландыра, рухты һындыра* ‘Завораживая душу, комната наполнилась мелодией. Углубляет размышление, проникая в сердце, заставляет его болеть, ломает дух’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). Данный пример очень интересный. Несмотря на отсутствие фраз типа: *посмотрел вниз, отвернулся, улыбнулся, захохотал, прошептал*, автор описывает то, как чувствует себя человек внутри, какие эмоции испытывает герой. «*Йөрәктәргә үтөп инеп һызыландыра, рухты һындыра*» (*проникая в сердце, ломает душу*) – данное описание внутреннего состояния говорит не просто о том, какие эмоции испытывает герой, а демонстрирует то, насколько его внутреннее состояние проявляется и внешне.

14. Юкһыныуы арткан һайын, «батько» тураһында күберәк уйлай Петро. Нишләп хат язмай ул? Башкаларға язмаһа ла, миңә язырға тейеш ул. Мин бит уға теләһә кем түгел, «сынку». Петро *күкһел һоро күззәрен моңһоуландырып* уйланып ултыра. Уның кызғылт ак йөзөн һағыш баһа ‘Чем больше тосковал

Петро, тем чаще думал про батьку. Почему не пишет? Мне же должен он написать. Я же для него не абы кто, “сынок”. Петро *с грустными серыми глазами сидит, задумавшись*. Его бледно-красное лицо искажает тоска’ (И. Гиззатуллин «Тридцать лет после смерти»). В данном случае, как и во многих других примерах, мы наблюдаем как вербальный компонент сочетается с невербальным, дополняет его. Здесь это вполне уместно, так как дает возможность читателю глубже проникнуться переживаниями героя.

15. – Әйзә әле, кереп күрәйек шул Иманайзың мал асраған ерен. Башмактарға ятыр урын юк бит. Серек күл һымак. Тәүзәрәк, хайуанкайзарзы йәлләп, бер нисә тапкыр үзем тазарткайным, көлә, йүнһез: «Минен кол шәп», – ти. Кылған сәсле кыззың *тештәре кысыла*. Муйыл күззәренә *ут кабына башлай*. Алһыу йөзө *ағара*. Ул, нәфрәтен йәшермәй, бөтә *асыуын күззәренә сығара*, муйылдар *оскон сәсә башлай* ‘Давай-ка, зайдем посмотрим на то место, где Иманай держит скот. Лежать тёлкам ведь негде. На гнилое озеро похоже. Раньше, пожалев животных, несколько раз сама почистила, смеется, бездушный: «Мой раб молодец», – говорит. Девушка *сжимает зубы*. Черные глаза *начинают зажигаться огнем*. Розовое лицо *бледнеет*. Она, *не пряча ненависти, весь гнев выводит на лицо, глаза начинают сыпаться искрами*’. Представленные в отрывке невербальные средства транслируют чувство ненависти. Состояние выражается посредством мимики героини. Можно отметить следующие средства репрезентации: *тештәр кысыла, күззәренә ут кабына башлай, алһыу йөзө ағара, асыуын күззәренә сығара, муйылдар оскон сәсә башлай*. Представленные средства основаны на метафоре.

16. Иркә. Которғайны. *Ауызынан һеләгәйе аға*, карап торорға куркыныс. Валлаһи, которғайны. Ғәптелғата. Улайһа, икенсе сәбәп: мылтык ғәрләнгән. Иркә. Ғәрләнгән?! Кит, мылтык ғәрләнә тиме ни? ‘Ирка. Взбесился. *Слюной брызжет*, смотреть страшно. Реально, взбесился. Гаптельгата. Тогда другая причина: ружье устыдилось. Ирка. Устыдилось?! Ты что, как ружье может устыдиться?’ (А. Атнабаев «Суд матери») Представленные в отрывке невербальные средства транслируют критическую степень гнева: *Ауызынан*

һеләгәйе аға, карап торорға куркыныс (Слюной брызжет, смотреть страшно). Автор описывает, как через мимику транслируется состояние гнева, описывает характерные признаки посредством глаголов.

17. Ғәлимйән. Мөхәббәт тураһында, ти. Иркә (*кейенә башлап*). Бер-береһенә сат йәбешеп үбешәләрҙер инде... Ғәлимйән. Үбешһәләр ни... Иркә. Енем һөймәй. Меңләгән халыҡ алдында оялмайынса нисек үбешмәк кәрәк?! Бөткәнме кара төн, бөткәнме аулак урын! Ғәлимйән (*Иркәне косаклап*). Бында яраймы һуң? Иркә. Ярай, әлбиттә. Бер кем дә карап тормай бит ‘Ғалимьян. Говорят, про любовь. Ирка (*одеваясь*). Наверняка, целоваться будут без отрыва...Ғалимьян. Ну и что, что целуются...Ирка. Терпеть не могу. Как можно перед толпой народа целоваться?! Как будто ночи нет, мест укромных! Ғалимьян (*обняв Ирку*). Здесь-то можно? Ирка. Можно, конечно. Никто же не видит’ (А. Атнабаев «Суд матери»). Здесь фигурируют кинетические невербальные средства: *кейенә башлап, косаклап (начиная одеваться, обнимая)*. Первое средство можно отнести к эмоциональному состоянию смущения, когда человек пытается занять себя чем-то другим, для того чтобы избежать контакта глаз с собеседником. Второе средство является в некоторой степени избитым и транслирует не столько эмоциональное состояние, сколько отношение к собеседнику. Очевидно, что герой питает теплые чувства по отношению к своей собеседнице. Ввиду того, что речь идет о пьесе, невербальные средства выражаются посредством ремарок.

18. Айзар (*Ни эшләргә белмәй, аптырап кала. Үзенең килгән ягына карап*). Кәзә! Кәзә! Кайза китә бит... (Йүгереп сығып китә. Александр Иванович менән Людмила аптырап калалар) ... ‘Айдар (*Не зная, что делать, стоит удивленный. Смотрит туда, откуда пришел*). Коза! Коза! Куда уходит... (Выбегает. Александр Иванович и Людмила остаются удивленные)’ (Н. Наджми «Весенняя песнь»). Представленные в фрагменте невербальные средства транслируют удивление героев. Вербальные средства сочетаются с невербальными: *ни эшләргә белмәй, аптырап кала (не зная, что делать, стоит удивленный)*. С одной стороны, драматург прямо говорит, что герой

удивлен, с другой, подкрепляет тем, что он не знает, что делать, находится в смятении.

Также нами была предпринята попытка сгруппировать кинетические средства в зависимости от того, какие чувства или эмоциональные состояния передаются в художественных произведениях:

а) сомнение:

1. Ишек төбөндө озак торған режиссерға вахталағы милиционер *шикле караи төшөрзө* ‘Стоящий на вахте милиционер бросил подозрительный взгляд на режиссера’ (Д. Буляков «Взорванный ад»). В данном случае невербальный компонент «*шикле караи*» (*сомнительный взгляд*) практически полностью описывает вербальный. Является довольно однозначным и не требует дополнительных комментариев.

2. Тегеһе кағыззы кулына алды. Бойорокто укып сыкты ла, ысынмы был тигән кеүек итеп, *кағыззы кат-кат әйләндереп караны*. Уның аптырауы арта барзы ‘Тот взял в руки бумагу. Прочитал приказ, будто проверяя, *несколько раз перевернул бумагу*. Его удивление все росло’ (И. Гиззатуллин «Сад влюбленных»). Здесь сочетается невербальный и вербальный компоненты, которые довольно точно обрисовывают эмоциональное состояние героя. Автор прямо описывает, что герой не мог поверить, правда это или нет. Также он подкрепляет его сомнение и ошеломленность невербальным компонентом «*кағыззы кат-кат әйләндерел караны*» (*несколько раз перевернул письмо*). Герой будто пытается удостовериться, что это действительно официальный документ.

б) страх, испуг:

1. Вәлиулла кыззың күгәрсен гөрләгәндәге кеүек күкрәк тауышын ишетеп *һиҫкәнеп китте* ‘Валиулла *вдрогнул*, услышав голос девушки, подобный воркованию голубя’ (Д. Буляков «Взорванный ад»). В отличие от описанного выше компонента, данный невербальный элемент является довольно неоднозначным и привязан к контексту. «*Һиҫкәнеп китте*»

(*вздогнул*) может транслировать не только испуг, но и неожиданность, определенную степень волнения.

2. Гәшиәнәң күңелен куркыу биләнә, шул ук вакытта *йөрәгә, күкрәк ситлеген ватып сыгырзай итеп, дөпөлдәп һуға ине* ‘Гашия испугалась, ее сердце сильно стучало, как будто хотело вырваться из груди’ (Д. Буляков «Взорванный ад»). Невербальный компонент «*йөрәгә, күкрәк ситлеген ватып сыгырзай итеп*» (*сердце как будто хотело вырваться из груди*) дополняет озвученный выше вербальный компонент «*куркыу биләнә*» (*испугалась*). Невербальный компонент обозначает шкалу ее испуга.

3. Төнгө асык тәзрәгә капыл шаптор-шоптор ябалак килеп бәрелде. Сәғит Харисович *терт итеп калды* ‘Влетевшая в открытое окно летучая мышь заставила Сагита Харисовича *вздогнуть*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»). В данном случае невербальный компонент «*терт итеп калды*» (*вздогнул*) дополняет отсутствие вербального компонента. Вдобавок, наверное, следует отметить стереотип (большинство людей боится летучих мышей).

4. Илғужаның *беләктәренә йәбеште* куркышынан ул ‘Она от страха *ухватилась за руку* парня’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»). В данном случае так же видно сочетание вербального и невербального компонентов. «*Беләктәренә йәбеште*» (*ухватилась за руку*) – транслируется степень того, насколько она испугалась. Обычно такое невербальное проявление эмоций говорит о том, что у человека критическая степень испуга.

в) радость:

1. Гөлсибәр *сылтыр-сылтыр кәлдә* ‘Гульсибар *звонко рассмеялась*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»). Невербальным компонентом выступает звукоподражательное слово, которое сообщает читателю о степени счастья Гульсибар.

2. Ул, күззәренә *серле, мут йылмайыу һалып, сак кына тайшайып*, Вәлиуллаға *боролоп караны* ‘Она *обернулась* на Валиуллу и, *окнув его хитрым, загадочным взглядом, слегка улыбнулась*’ (Д. Буляков «Взорванный

ад»). В данном случае невербальным компонентом выступает формулировка *«күззәренә серле, мут йылмайыу һалып сак кына тайшайып, Вәлиуллага боролоп караны»* (окинув его хитрым, загадочным взглядом, слегка улыбнулась). Как и во многих других случаях, невербальный компонент традиционно зависит от контекста. Причем, в данном случае невербальный компонент занимает все предложение и задает определенную интригу исследователю, который не видит всего контекста. Мы добавили данное предложение в семантическую группу «радость», так как знакомы с контекстом. Однако, интерпретировать отрывок можно и как выражение злости.

3. Баяғы фотоға йәнә бер күз төшөрзә лә, хатта шунаң ғына ла бөткөһөз ләззәт кисереп, *тәне буйлап электр тогы йүгергәндәй итте* ‘Он вновь взглянул на фото, и даже от этого по телу словно пробежали мурашки’ (Д. Буляков «Взорванный ад»). Невербальным компонентом выступает формулировка *«тәне буйлап электр тогы йүгергәндәй итте»* (по телу словно пробежали мурашки). Данный невербальный компонент указывает на то, что определенные события вызвали довольно яркие эмоции. Однако, это не обязательно радость. Это же невербальное средство может быть причиной и страха, и растерянности. В данном случае мы обозначили эмоцию исходя из контекста.

4. Трубканы һалыу менән, башына килгән шәп идеяға кыуанып, хатта *кулдарын ыугылап алды* Казнабаев ‘Положив трубку, Казнабаев обрадовался возникшей идее и, довольный, *потер руки*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»). Данный пример очень интересен, несмотря на то, что он основан на стереотипе. Персонажи мультипликационных фильмов и отпетые злодеи фильмов потирают руки перед каким-то действием, которое вызовет у них максимально положительные эмоции. Опять же это может служить инструментом выражения предвкушения перед выполнением какого-то злого плана. В данном случае будет тяжело отнести этот невербальный компонент однозначно к положительной эмоции – радости.

5. Казнабаевтың күкрәгендә шатлык арткандан-арта барзы. Үз алдына еңелсә көй *һызгыргылап изән буйлап йөрөнө* ‘Радость в душе Казнабаева росла. Он стал бродить по кабинету, насвистывая легкую мелодию’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»). В отличие от предыдущего примера, невербальный компонент, представленный в данном отрывке, безусловно транслирует положительную эмоцию – радость: *еңелсә көй һызгыргылап изән буйлап йөрөнө (стал бродить по кабинету, насвистывая легкую мелодию)*.

6. – Исмәгил!.. Йәнем... – Фираяның *һүз әйтерлек хәле калманы* ‘– Исмәгил!.. Родной... – У Фираи не было сил сказать что-то еще’ (Д. Буляков «Открытая дверь»). В данном примере предметом исследования является описание, демонстрирующее то, в каком состоянии находится герой. «*Һүз әйтерлек хәле калманы*» (*Не было сил сказать что-то еще*) – данный фрагмент репрезентирует физическое состояние героини, которое читателям считывается посредством её жизненного опыта. Читатель понимает, что, если у человека нет сил что-то сказать, соответственно, она/она скована/а в движениях, ограничен/а в речи, обладает слабым голосом, так как ошеломлен/а событиями.

7. Казнабаев трубканы һалып куйыу менән *бейеп китә яззы*, хатта *кулдарын ыугылап алды* ‘Казнабаев едва не пустился в пляс, положив трубку, он даже *потер руки*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»). Невербальным компонентом выступает: «*бейеп китә яззы, хатта кулдарын ыугылап алды*» (*едва не пустился в пляс, даже потер ладони*). В данном случае это так же может трактоваться весьма неоднозначно, фрагмент «потер руки» уже был проанализирован нами выше. Чаще всего в литературе он предполагает довольно негативные эмоции, т.е. герой может испытывать позитивные эмоции, но вызваны они, чаще всего, отрицательной интенцией.

8. Арысландын *күззәре ут яна* ине. *Йөзө күктәге кояш һымак балкып киткән*, ярһыған хистәрен тыйып тора алмай, *Фәйрүзәһен күтәрәп алды* ла тәүзә киң *күкрәгенә кысты*, *көтмәгәндә хисләнен үбеп алып, шашынып дача буйлап йөрөгә кереште* ‘Глаза Арслана горели огнем. Он сиял, словно солнце,

и не мог сдерживать эмоций, охвативших его, *подхватил* свою Файрузу на руки и *прижал к груди*, а потом *вдруг поцеловал и стал кружить по участку*’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»). В данном случае эмоция радости неоспорима, так как обусловлена конкретными невербальными составляющими.

9. Сибәғәтуллина капыл *сәпәкәй итте* лә, тулышкан хистәрәнә түзә алмай, профессорзы янағынан *үбеп үк алды* ‘Сибәғәтуллина вдруг захлопала в ладоши и, поддавшись нахлынувшим чувствам, даже *поцеловала* профессора в щеку’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»). В данном случае эмоция радости налицо, неоспорима. Неопровержимость того, что эмоция положительная, может быть подтверждена стереотипами: «захлопала в ладоши», «поцеловала в щеку», которые ссылаются исключительно на положительные эмоции.

10. Улар *бәхетле йылмайыштылар* ‘Они счастливо заулыбались’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»). Сочетание вербального и невербального компонентов: наречие, характеризующее эмоциональное состояние, еще дополняется невербальным компонентом-глаголом: *йылмайыштылар (заулыбались)*. Невербальный компонент дает читателю возможность «прочитать» эмоциональное состояние, которое переживают герои.

11. Буранбай за уйсан кара *күззәрен йылтыратып йылмайып куйзы*. Уның тигез таза ак *тештәре ялтлап китте* ‘Задумчивые черные глаза Буранбая заблестели, и он улыбнулся. Его ровные белые зубы засверкали’ (И. Гиззатуллин «Сад влюбленных»). Невербальными элементами выступают формулировки «*уйсан кара күззәрен йылтыратып йылмайып куйзы, тигез таза ак тештәре ялтлап китте*» (*заблестели задумчивые черные глаза, и он улыбнулся; его ровные белые зубы засверкали*). Интересно, что в данном случае в невербальный компонент входит метафора, которая является стереотипным выражением радости.

12. ... тезеләп торған ак *тештәрен күрһәтеп кәлә-кәлә кыуанды* ‘Показывая свои белоснежные зубы, смеясь, радовался’ (И. Гиззатуллин «Сад

влюбленных»). Данный невербальный компонент относится к физиологии, как правило, когда человек искренне радуется, он смеется, широко раскрыв рот.

г) злость:

1. Бына управляющийзың бойороґо. Укы, нимэ язған: «Илле гектар шәкәр сөгөлдөрө сәсеүлеген, вакытында карамай, бөрсәнән ашатканы өсөн, сәсеү расходын тулыһынса тракторист Буранбай Буранғоловтан түләтергә» тигәнме, тигән. Ошонан һуң да, акса килә, китмәйем, тиерһең әле һин?! – Каһымбай Буранбайға *текәлде* ‘Это приказ управляющего. Читай, что написано: «За то, что не уследил за 50 гектарами сахарной свеклы и скормил блохам, Буранбай Бурангулов обязан выплатить полную сумму посевных расходов», – сказано. И после этого ты скажешь, что не уедешь, деньги приходят? – Каһымбай *установился* на Буранбая’ (И. Гиззатуллин «Сад влюбленных»). Невербальный компонент в данном фрагменте занимает не так много места, он выражен только посредством глагола *«текәлде» (установился)*. Можно утверждать, что это не совсем чистое эмоциональное состояние злости, в данном случае – это нечто среднее между непониманием ситуации и злостью.

2. «Үәт, намысһыз нәмә, үзе мине, молоковозды төзәткәнсе, һөт ташып тор тип, фермаға ебәрзе лә хәзер килеп штраф һалдырткан», – тип уйлап алды Буранбай. Уның *әле генә көлөп торған күззәре, капыл үзгәрәп, оскон сәсә башланылар* (И. Гиззатуллин "Сад влюбленных") ‘– Вот бессовестный, он же сам отправил на ферму и сказал мне, пока молоковоз ремонтируется, вези молоко, а сам теперь штраф наложил, – подумал Буранбай. Его улыбающиеся *глаза резко изменились и начали сыпать искры.*’ Данный невербальный компонент представлен метафорой, удачно сочетаемой с текстом, и описывает эмоциональное состояние героя, который полон злости: *күззәре оскон сәсә башланылар* (глаза начали сыпать искры, искры из глаз посыпались). Невербальный компонент транслирует только эмоциональное состояние, именуемое злостью, соответственно, полностью независимо от контекста.

3. Был «туң баш» малайға үзенең агитацияһы үтмәүгә асыуы кабарған Каһымбай уға *кыскырып ебәрзе*: – Йә, тор, эшкә башлау алдынан, азырак тамактарзы ебетеп, һыуһындарзы кандырып, үзебезең дә моторзарзы заправить итеп алайык, – тине, кабинаһының ултырғысы астынан бер ярты менән стакан сығарып ‘От того, что на этого «тугодума» не повлияла его агитация, Кахымбай, разозлившись, закричал на него: – Давай, вставай, перед тем, как начать работу, надо промочить горло, – сказал он, высовывая из-под сидения кабины бутылку и стакан’ (И. Гиззатуллин «Сад влюбленных»). Невербальный компонент передает интонацию голоса героя, которая транслирует злобу. Причем, автор уже до того, как описать невербальный компонент, говорит, что герой находится в эмоциональном состоянии злобы.

4. Битендә генә түгел, ялтас маңлайында ла *кызғылт тимгелдәр күренә башланы* ‘Не только на лице, но и на лбу появились красноватые пятна’ (И. Гиззатуллин «Сад влюбленных»). Данный невербальный компонент полностью зависит от контекста, так как, помимо гнева, он может означать еще и смущение. Только контекст определяет точную эмоцию, которую должно выразить невербальное средство.

д) растерянность, удивление:

1. Гөлшан капыл ғына ни эшләргә лә белмәне, *тыны кысылды, агарынып китте*, шикелле, *кулдары калтыраны* ‘Гульшан растерялась, не зная как быть, дыхание перехватило, и она, кажется, даже побледнела, руки задрожали’ (Д. Буляков «Жизнь дается однажды»). Представленный фрагмент текста практически переполнен невербальными компонентами: *тыны кысылды, агарынып китте, кулдары калтыраны (дыхание перехватило, побледнела, руки задрожали)*. Как правило, такое внешнее поведение всегда относится к эмоциональному состоянию растерянности, однако, нередко оно транслирует и страх. В данном случае эмоциональное состояние героини уточняется в контексте.

2. Фирая *тертләп китте. Караштары осраштымы?* Булмаҫ... ара байтак бит... – ‘Фирая вздрогнула. Взгляды встретились? Не может быть...

слишком большое расстояние...» (Д. Буляков «Открытая дверь»). Невербальные компоненты *«тертлэп китте»* (вздогнула), *«караштары осрашты»* (взгляды встретились) обычно используются в тех отрывках, которые репрезентируют неловкость ситуации или накал эмоций;

3. – Ни эшлэп китмэй, ти?! – Каһымбай *йөзөнә аптырау билдэләре сығарзы*. – Миңә бында ла насар түгел, аксаһы ла килә, – тип яуап бирҙе Буранбай. ‘– Как это он не поедет? – на лице Кахымбая появились признаки удивления. – Мне и здесь неплохо, и деньги приходят, – ответил Буранбай’ (И. Гиззатуллин «Сад влюбленных»). В данном фрагмент автор не описывает невербальное проявление эмоций, а просто обозначает, что на лице появились признаки удивления. При прочтении текста читатель обращается к стереотипам и понимает, какое проявление получило данное эмоциональное состояние.

4. Кыз һуңғы «һин» тигән һүзгә *өзөп әйтте* лә, күрәһен, үз һүззәренән үзә оялып, егет янынан *йүгереп сығып китте*. Бәләкәй капка ғына *шап итеп ябылып калды*. Буранбай көтөлмәгән осрашыузан, кыздың ышанысынан капыл каушап калды. ‘Девушка резко произнесла последнее «ты», и, видимо, засмущавшись от своих же слов, убежала от юноши. Только маленькая калитка захлопнулась с характерным звуком. Буранбай от неожиданной встречи и доверительного отношения девушки внезапно растерялся’ (И. Гиззатуллин «Сад влюбленных»). В данном отрывке невербальный компонент относится к героине и описывает ее эмоциональное состояние: *өзөп әйтте* (резко произнесла) – приведенная формулировка говорит о том, что девушка находится в состоянии волнения, растерянности и смущения. После следует еще один компонент, который более точно обрисовывает нам ее состояние: *йүгереп сығып китте* (убежала). Далее приводится весьма интересное описание: *капка ғына шап итеп ябылып калды* (только калитка захлопнулась с характерным звуком). С одной стороны, можно подумать, что данный факт не имеет никакого отношения к героине, но с другой – описание прямо относится к ее эмоциональному состоянию. Героиня настолько быстро

убежала, что даже не смогла придержать калитку или вовсе о ней не задумалась. Очень часто можно встретить в литературе формулировки: ишек шакылдап ябылды (захлопнула дверь), капка шакылдап ябылды (захлопнули ставни). Во всех этих случаях посредством описания интерьера традиционно передается эмоциональное состояние героев.

е) отчаяние:

1. – Вәлиулла ағай, мине һин генә коткара алаһың! – тип *иланы ла ебәрзе* кыз ‘Дядя Валиулла, меня только ты можешь спасти! – с этими словами девушка *разрыдалась*’ (Д. Буляков «Взорванный ад»). Героиня находится в состоянии отчаяния и безысходности, которое транслируется посредством компонента «*иланы ла ебәрзе*» (*разрыдалась*) – тот случай, когда компонент полностью независим от контекста и может спокойно существовать без него и быть понятным. Невербальный компонент в сочетании с предложением создает гармоничный союз и, безусловно, транслирует эмоцию отчаяния.

2. Көтмәгәндә ул изәнгә *шыуып төштө лә тубыкланды*, иренәң аяктарын *косаклап алды* ‘Неожиданно она упала на колени перед мужем и обняла его ноги’ (Д. Буляков «Взорванный ад»). В данном фрагменте трансляция эмоционального состояния является однозначной, невербальный компонент четко считывается и без контекста.

3. Буранбай, баш астына һалған кулдарын алмайынса, салкан яткан килеш, коштар тауышын тыңлауын дауам итте. Уның бешкән муйыл кеүек йылтыр кара күззәре *берсә йылмайзы, берсә моңайзы*. Коштар моңоноң уңайына карап, уның кәйефе лә үзгәрә торзо. Кайһы берзә йәш үсмерзәң *ирендәре йырылып, ак тештәре ятлап киткеләне*, ә кайһы берзә *бөтөнләй кымтылып куйзылар*. Ундай сактарза уның нимәнәндер риза түгеллеге, кемдәргәлер асыуы килеүе күренеп тора ине ‘Буранбай, не убирая руки, сложенные под головой, лежа навзничь продолжил слушать пение птиц. Его черные глаза, подобные спелой черемухе, *то улыбались, то становились грустными*. В зависимости от мелодии, которую пели птицы, менялось и его настроение. Порой юноша *улыбался, показывая сверкающие зубы*, а порой он

хмурился. В такие минуты было понятно, что он с кем-то не согласен и на кого-то зол' (И. Гиззатуллин «Сад влюбленных»). С точки зрения определения эмоционального состояния этот пример является самым непростым. Так как невербальные компоненты не выражают только злость (злость героя пассивна), парень находится в раздумьях, и его эмоции характеризуются явной нестабильностью. В нем борются противоречия, поэтому мы отнесли данный отрывок к семантической группе «отчаяние».

Итак, в вышеприведенных примерах нами рассмотрены паралингвистические средства репрезентации эмоций в башкирских художественных текстах. Мы можем сделать вывод, что башкирская литература, как и любая другая литература, использует различные языковые и неязыковые средства для передачи эмоциональной окраски произведения и создания необходимой атмосферы.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Итак, нами были рассмотрены кинетические и фонационные средства в контексте художественных текстов. Языком тела называют кинетические средства невербальной коммуникации, а параязыком – фонационные средства невербальной коммуникации.

Мы обратили внимание на то, что при использовании невербальных средств они чаще передаются посредством глаголов или наречий.

Нередко авторы совмещают в одном фрагменте и фонационные, и кинетические средства, что, по нашему мнению, может быть обусловлено двумя факторами:

- необходимостью акцентирования внимания на эмоциональном состоянии героя, как следствие, более детального описания, что представляется невозможным, если использовать только кинетические или только фонационные средства;

- ограниченностью языковых средств. В главе было отмечено, что по сравнению с кинетическими, фонационные средства встречаются гораздо реже. Чаще всего они выражаются посредством глаголов.

Кинемы обладают национальной специфичностью. Одним из важных и дискуссионных вопросов кинесики является проблема межкультурного соответствия жестов. Отметим, что представленная проблема по своей сути экстралингвистическая, т. к. неправильная интерпретация жестов носителями одной культуры при межнациональном общении может послужить причиной возникновения подозрений, страха, неприязни и даже агрессии со стороны человека, неправильно проинтерпретировавшего культурные смыслы жестов другого.

Относительно фонационных средств было отмечено, что довольно часто эмоциональное состояние транслируется посредством прерывистости речи героя, громкостью голоса.

В данной главе фактическим материалом выступили прозаические и драматические произведения башкирских авторов. Было отмечено, что в пьесах эмоциональное состояние героев выражается посредством ремарок, что обусловлено спецификой жанра.

При поиске материала мы также обращались к поэтическому жанру, но ввиду того, что важным элементом поэтического жанра выступает образность, достаточного количества примеров эмоций нами обнаружено не было.

Анализ позволяет утверждать, что невербальные средства также можно классифицировать по степени зависимости от контекста. Чаще всего интерпретация невербальных средств находится в абсолютной зависимости от контекста. Например, было отмечено, что формулировка «ауыз сите менән йылмайып» может быть интерпретирована по-разному. Данный невербальный акт может демонстрировать как ненависть, так и смущение, даже сомнение. Также неоднозначен следующий акт: «маңлайында ла кызғылт тимгелдәр күренә башланы». Опираясь на контекст, мы обозначили, что компонент транслирует гнев. Однако, помимо гнева, он может репрезентировать и смущение.

Можно говорить о независимости компонента от контекста, если речь идет об избитом выражении, которое ассоциируется только с одним эмоциональным состоянием. Например: «күзе дүрт булды» (глаза округлились). С точки зрения трактовки данное невербальное средство является однозначным и абсолютно всегда транслирует такое эмоциональное состояние, как удивление.

Таким образом, невербальное выражение эмоций в башкирском языке является довольно неоднозначным явлением и требует дальнейшего изучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коммуникативной лингвистикой установлено, что люди общаются при помощи текста, а не при помощи предложений, и на этом основании текст считается коммуникативной единицей. Общение (речевой акт) имеет ряд координат – компонентов текста, среди них: говорящий, слушатель, время, место, цель и др. Сюда следует добавить и эмоциональный компонент, который регулирует соотношение всех других компонентов текста с человеческим фактором коммуникантов: их психическим состоянием в момент общения, общим эмоциональным настроением, взаимоотношениями.

В языке эмоции выражаются самыми разнообразными средствами, которые комбинируются в речи различным образом. К эмотивным средствам языка относятся лингвистические, специфические функциональные средства (суффиксы, эмоционально-оценочная лексика, эмоционально-оценочные экспрессивные структуры), а также паралингвистические средства, которые функционально зависимы от языка, употребляются в контексте конкретного речевого акта и направлены на передачу определенной эмоциональной реакции. Выбор данных средств диктуется самой эмоциональной реакцией, отображенной и переработанной человеческим сознанием, так как эмотивность является следствием эмоциональности как функции организма и продуктом мышления, поскольку результаты мышления всегда фиксируются в языке.

Принцип соотношения эмоционального компонента с другими компонентами лексического значения слова заключается в следующем. Эмоциональный компонент чаще всего выступает вместе с оценочным компонентом, так как оценка является содержанием эмоционального значения. Поскольку в процессе языкового общения существует потребность выразить не только субъективное отношение говорящего, но и переживание этого отношения, т.е. эмоцию, субъективные отношения и эмоции тесно

переплетаются в человеческом сознании, что получает лексическое выражение в эмоционально-оценочной лексике.

В ходе работы было установлено, что в исследованном фактическом материале доля средств репрезентации эмоций составляет не менее 15% от общего объема текста. Основная часть этих средств приходится на лингвистические, которые составляют 81,5% от общего количества. При более детальном рассмотрении данной составляющей становится ясно, что лексические средства занимают главенствующее положение среди всех лингвистических средств репрезентации эмоций и составляют 56,5% данной доли. Они являются одним из основных способов передачи эмоционального контекста. Второе место по значимости, по нашим подсчетам, занимают синтаксические средства, составляющие 25% от общего количества лингвистических средств. Они способны структурировать текст таким образом, чтобы передать эмоциональную окраску, гармонично сочетаясь с лексическими средствами. Оставшиеся 18,5% от общей доли средств репрезентации эмоций делят просодические и паралингвистические виды. При этом стоит отметить, что в поэтических произведениях эмоциональный компонент занимает не менее 50% от общего объема текста, в то время в драматических и прозаических текстах на долю эмоций приходится всего 15-20%.

Особенность репрезентации эмоций в произведениях Ангама Атнабаева заключается в том, что автор редко прибегает к тому, чтобы называть эмоции. Зачастую читатель узнает о них лишь в контексте, но при этом эмоциональная насыщенность текста от этого не меняется. Автор использует различные детали повествования, чтобы передать эмоциональное состояние героев. Это могут быть описания мимики, языка тела или диалогов. Атнабаев также часто применяет символы и метафоры для обозначения эмоций в своих произведениях. Например, чувства персонажа могут быть представлены в виде бушующих моря или огня. Много внимания, особенно в поэтических произведениях, Ангам Атнабаев уделяет иронии. Автор часто использует ее,

чтобы подчеркнуть те или иные моменты и вызвать у читателя эмоциональный отклик, а также для того, чтобы привлечь внимание к чему-то, что было упущено из виду или неправильно понято. Следует учесть и тот момент, что, используя иронию, Атнабаев также может создавать напряжение и неопределенность в своих произведениях, мешая читателям определить его истинные намерения, стоящие за определенными утверждениями. Его шутки остроумны, а комедийный ритм безупречен. У него также есть отличный способ использовать язык для создания юмористических ситуаций. Его наблюдения о жизни часто точны, и он обладает невероятной способностью легко относиться к трудным ситуациям.

Разговорная речь, художественный стиль очень богаты эмоционально-экспрессивными элементами. Выбранные нами для анализа произведения Диниса Булякова «Ғүмер бер генә» («Жизнь дается однажды»), «Туззырылған тамук» («Взорванный ад»), «Килмешәк» («Пришелец»), «Асык ишек» («Открытая дверь») – это классические романы и повесть, выполненные в лучших традициях жанра, обладающих яркими характерами героев с использованием многообразия методов выражения эмоций. Динис Буляков пишет о среде, хорошо ему знакомой, благодаря чему произведения приобретают потрясающую реалистичность и эмоциональную насыщенность. Вышеназванные произведения Диниса Булякова обладают целым рядом литературных достоинств. Авторский стиль уникален и привлекателен. Чувствуется, что писатель трезво смотрит на то общество, которое его окружает, и пытается это передать своим читателям. Темп повествования таков, что читателю хватает времени на то, чтобы вместе с героями книги прочувствовать все те эмоции, которыми наполнено их существование. События в произведениях развиваются достаточно быстро для того, чтобы поддерживать в читателе интерес к происходящему в них.

Эмотивность в произведениях Диниса Булякова используется в речи персонажей для выражения разнообразных чувств и переживаний. Автор раскрывает драматические переживания и психологическое состояние

образов, при этом поднимая вопросы человеческого общества и нравственности, жизненные конфликты и формирование специфического характера и основы социального развития. Яркий стиль повествования, наполненный лирической нежностью, использование в прозе ассоциативности, образных связей, подтекстов, создающих возможности описания поэтических высот, – все это служит обогащению содержания, созданию ярких идей развития и повышению художественного уровня произведений Диниса Булякова. Эмотивность в них передается через комплекс сценических приемов, в ходе которого герои произведения экспериментируют, совершенствуются, преодолевают проблемы, что требует от них особого мужества, жизнеутверждающей силы.

Произведения Ибрагима Гизатуллина в первую очередь наполнены «жестким» реализмом. Автор чаще обращается именно к паралингвистическим средствам, описывая страх и ужас, которые приходится пережить его персонажам. Проявление эмоций персонажей и литературных образов описывается с юмором, горьким сарказмом, глубоким переживанием, болью и резким отрицанием, взрывом.

В произведениях Назара Наджми эмоции представлены через образность и символику. Автор часто использует метафоры для обозначения таких эмоций, как любовь, страх или гнев. В его произведениях также присутствуют яркие описания и диалоги для выражения чувств и состояний ума. Кроме того, он использует поэтические приемы, такие как аллитерация и рифма, для создания эмоциональной атмосферы в своих произведениях.

В соответствии с результатами исследования, по семантическому смыслу выражаемых эмоций в анализируемых произведениях можно выделить следующие группы эмотивности: радость, восторг, печаль, хвастовство, гордость, печаль, злоупотребление, гнев, сожаление, неудовлетворенность, позор, боль, восхищение, удивление, сомнение, гнев, недовольствие, гордость, поощрение, страх, раздражение, смех, юмор, ирония, разочарование и т.д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллина Г.Р. Категория утверждения-отрицания в башкирском языке // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 13. – С. 165-168.
2. Абдуллина Г.Р. О формах субъективной оценки в башкирском языке // Актуальные проблемы филологии и филологического образования: Труды Всероссийской научной конференции. Стерлитамак: Министерство образования и науки РФ, Федеральное агентство по образованию, Стерлитамакская государственная педагогическая академия, Институт востоковедения РАН, Общество востоковедов при РАН, Академия наук РБ, Стерлитамакский филиал. 2006. – С. 7-11.
3. Абдуллина Г.Р. Особенности категории утверждения-отрицания в башкирском языке // Башкирское филологическое образование: история, современность, перспективы: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Башкортостана в состав России и 10-летию факультета башкирской филологии. – Стерлитамак, 2007. – С. 20-21.
4. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 392 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта. – Волгоград: Перемена, 2003. – 95 с.
6. Алефиренко Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла и культура // Филология и культура: Материалы 3-й междунар. конф.: в 3 ч. Ч. 2. – Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2001. – С. 82-84.
7. Апресян Ю.Д. Основные идеи современной семантики // Избранные труды. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Школа «Язык русской культуры», 1995. Т. 1. – С. 656-682.
8. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Жирмунской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.

9. Архипов И.К. Концептуализация, категоризация, текст, дискурс. Основные теоретические понятия // Филология и культура: Материалы 3-й междунар. конф.: в 3 ч. Ч. 1. / отв. ред. Н.Н. Тамбов: Изд-во Тамбов, гос. ун-та, 2001. – С. 13-15.
10. Архипов И.К. Природа концепта и методы его изучения // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сборник научных трудов. – М., 2007. – С. 33-42.
11. Атнабаев Ә. Һайланма әсәрҙәр. Ике томда. – Өфө: Башк. китап нәшриәте, 1988. – 416 б.
12. Бабаева Е.В. Лексическое значение слова как способ выражения культурно-языкового концепта // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. / Отв. ред. проф. В.И. Карасик. – Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. – С. 25-33.
13. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989. – 184 с.
14. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.
15. Банникова И.А. Интерпретация заглавия, начала и конца как особых компонентов текста (к вопросу о сильных синтаксических позициях у А.П. Чехова) // Вопросы стилистики. – Саратов, 1992. – С. 64-71.
16. Балли Ш. Французская стилистика. – М. Высшая школа. 2002. – 393 с.
17. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Русская словесность. Антология / под общ. ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 235-244.
18. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Иск-во, 1986. – 423 с.
19. Башкорт теленең һүзлеге: Ике томда. 1 том / Рәсәй Фәндәр Академияһы Башкортостан ғилми үзәге Тарих, тел һәм әҙ институты. – М.: Рус.яз., 1993. – 862 бит.

20. Билалова Д.Н., Абдуллина Г.Р. Морфемное строение слова в башкирском и английском языках: монография. – Стерлитамак, 2016. – 168 с.
21. Бижева З.Х. Язык и культура. – Нальчик: Каб.-Балк. ун.-т, 2000. – 186 с.
22. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2001. – 123 с.
23. Болдырев Н. Н. Антропоцентричность языка с позиций разных культур // Филология и культура: материалы 3-й междунар. конф.: в 3 ч. Ч. 1. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001. – С. 15-20.
24. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001. – 123 с.
25. Болдырев Н.Н. Концептуальные структуры и значения языковых единиц // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12-14 мая 1999 г.: в 3 ч. Ч. 1. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1999. – С. 15-18.
26. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
27. Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
28. Бүләков Д. Ғүмер бер генә. Романдар, повесть. – Өфө: Башк. китап нәшриәте, 1994. – 618 с.
29. Бүләков Д. Килмешәк. Роман. – Өфө: Башк. китап нәшриәте, 1989. – 292 б.
30. Бүләков Д. Туззырылған тамук. Роман, повестар. – Өфө: Башк. китап нәшриәте, 1996. – 424 б.
31. Бюлер К.А. Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М., 1993. – 289 с.
32. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1990. – 175 с.

33. Васильева Е. В. Концептуальная оппозиция ИНДИВИД-ГРУППА в языковой картине мира: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2001. – 164 с.
34. Вебер А. Большой толковый психологический словарь: в 2 т. Т. 1. – М.: Вечер.Аст, 2003. – 426 с.
35. Вежбицкая А.Н. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – 124 с.
36. Вежбицкая А.Н. Язык. Культура. Познание. – М.: Рус. словари, 1997. – 416 с.
37. Вересаев В.В. Воспоминания. – М.: ГИХЛ, 1936. – С. 440-441.
38. Вершеня Е.В. Дискурс элитарной культуры и дискурс массовой культуры // Язык образования и образование языка: Материалы междунар. конф. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2000. – С. 54-55.
39. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высш. шк., 1971. – 240 с.
40. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Гослитиздат, 1959. – 185 с.
41. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. – М.: Высш. шк., 1991. – 448 с.
42. Вовк Е.Б. Образная номинация (внутриязыковой и межъязыковой аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 1987. – 23 с.
43. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 238 с.
44. Волек Б.А. Типология эмотивных знаков // Язык и эмоции: сб. научных трудов ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 12-18.
45. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985. – 225 с.
46. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.

47. Воркачев С.Г. Концепт «счастье» в русском языковом сознании. Опыт культурологического исследования. – Краснодар, 2002. – 89 с.
48. Воробьев В.В. Лингвокультурология: Теория и методы. – М.: Изд-во Российск. ун-та дружбы народов, 1997. – 477 с.
49. Воробьев В.В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. – М., 1996. – 436 с.
50. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11-26.
51. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. – М.: Наука, 1958. – С. 103-124.
52. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
53. Гербарт И.Ф. Психология / Предисловие В.Куренного. – М.: Изд. Дом “Территория будущего”, 2007. – 288 с.
54. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
55. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
56. Физзәтуллин Ибраһим. Үлгәндән һуң утыз йыл. – Өфө: Башк. китап нәшриәте, 1986. – 256 б.
57. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. – № 4. – С. 17-33.
58. Джемс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления. Изд. 3-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2011. – 240 с.
59. Долинин К.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1985. – 288 с.
60. Домашнев А. И. Интерпретация художественного текста. – М.: Просвещение, 1989. – 204 с.
61. Зайнуллин М.В. Общие проблемы лингвокультурологии. – Уфа: Ред. БашГУ, 2008. – 342 с.

62. Зайнуллин М.В., Зайнуллина Л.М. Общие проблемы лингвокультурологии. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 206 с.
63. Иванова С.В. Культурологический аспект языковых единиц. – Уфа: РИО БашГУ, 2002. – 116 с.
64. Изард К. Эмоции человека: Пер. с: англ. яз. – М.: МГУ, 1980. – 440 с.
65. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: Автореф. дис. ... д-ра филол наук. – Волгоград, 1998. – 14 с.
66. Ионова С.В. Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Сб. науч. труд. – Волгоград: ВГПУ, ЦОП «Центр», 2004. – С.4-24.
67. Ишбаев К.Г., Абдуллина Г.Р. О категории принадлежности в башкирском языке // Башкирская филология: история, современность, перспективы: Труды Всероссийской научной конференции. Редакционная коллегия: Г.Р. Абдуллина (ответственный секретарь), Д.Д. Васильев, И.Г. Галяутдинов, А.Ш. Зайнетдинов, К.Г. Ишбаев (ответственный редактор), З.К. Ишкильдина, Р.Б. Рыбаков, Г.А. Рысаева, Д.С. Тикеев (зам. ответственного редактора). – Уфа, 2005. – С. 115-123.
68. Ишбаев К.Ф., Абдуллина Г.Р., Ишкильдина З.К. Башкорт теленең морфемикаһы, һүҙьяһалышы һәм морфонологияһы: Укыу кулланмаһы. – Өфө: Ғилем, 2006. – 178 с.
69. Калимуллина Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: диахронический аспект (с привлечением материала славянских языков): Монография. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – 344 с.
70. Калимуллина Л.А. История эмотивной лексики и фразеологии русского языка: Монография. – Уфа: «Восточный университет», 2004. – 120 с.
71. Калимуллина Л.А. Лингвистика эмоций: Электронное учебное пособие. – Уфа: «Восточный университет», 2005. – 123 с.

72. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Язык. Личность: культурные концепты. – Волгоград, 1996. – С.35-39.
73. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
74. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность: монография. – М., Наука, 1987. – 257 с.
75. Кейекбаев Ж.Ф. Хәзерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы: Укыу кулланмаһы. – Өфө: БДУ, 2002. – 264 бит.
76. Кэннон У. Физиология эмоций. – М.-Л., Прибой, 1927. – 182 с.
77. Когнитивная психология / Под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. – М.: ПЭР СЭ, 2002. – 480 с.
78. Кожина М.Н. Стилистика текста в аспекте коммуникативной теории языка // Стилистика текста в коммуникативном аспекте: Сб. науч. тр. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1987. – С. 4-23.
79. Кожин В.В. Творческий метод и художественная речь // Художественный метод и творческая индивидуальность писателя. – М.: Наука, 1964. – С. 37-41.
80. Колесова Д.В. Концепт и художественный текст: Материалы. Межвуз. научно-методич. конф. преподавателей и аспирантов, 1-17 марта 2001 г. СПб., 2001. – 349 с.
81. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании языка. – М., 1990. – 203 с.
82. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 283 с.
83. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и картина мира // Филология и культура: Материалы междунар. конф. 12-14 мая 1999 года: в 3 ч. Ч. 1. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов, гос. ун-та, 1999. – С.3-5.
84. Кубрякова Е.С. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: СЭ, 1990. – 474 с.

85. Купина Н.А. Смысл художественного текста и аспекты лингво-смыслового анализа. – Красноярск: Изд-во Красноярск, гос. ун-та, 1983. – 214 с.
86. Кухаренко В.А. Семантическая структура ключевых и тематических слов целого художественного текста // Лексическое значение в системе языка и в тексте. Волгоград: Изд-во Волгоград, гос. ун-та, 1985. – С. 63-75.
87. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сб. трудов. – М., 1990. – С.387-415.
88. Ларин Б.А. О разновидностях художественной речи // Русская словесность. Антология / под общ. ред. проф. В. П. Нерознака. – М. : Academia, 1997. – С. 153.
89. Левковская К. А. Немецкий язык. Фонетика, грамматика, лексика. – М.: Академия, 2004. – 368 с.
90. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. – М.: Academia, 1997. – 290 с.
91. Лотман Ю.М. Текст в тексте. Статьи по семиотике культуры и искусству. – СПб.: Акад. проект, 1981. – С. 58-78.
92. Лотман Ю.М. Текст и функция. Статьи по семиотике культуры и искусству. – СПб.: Академ, проект, 2002. – 248 с.
93. Мак Кормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры / под. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Жирмунской. – М. : Прогресс, 1990. – С. 236-284.
94. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Наука, 1997. – 241 с.
95. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М., 2001. – 148 с.
96. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – М., 2005. – 209 с.

97. Миллер Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Жирмунской. – М. : Прогресс, 1990. – С. 236-283.
98. Минакова М.А. К вопросу методологии лингвокультурологии // Фразеологическая картина мира: Материалы Междунар. науч. конф. «Фразеология и миропонимание народа». – Тула: Изд-во Тульск. гос. пед. ун-та, 2002. – Ч. 1. – С. 12-16.
99. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979. – 151 с.
100. Мягкова Е.Ю. Метафора в когнитивных исследованиях // Филология и культура: материалы междунар. конф. 12-14 мая 1999 года: в 3 ч. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов, гос. ун-та, 1999. – Ч.1. – С. 44-45.
101. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. – Воронеж: ВГУ, 1990. – 108 с.
102. Назаров В.Н. Феноменология мудрости. – Тула: Изд-во Тул. пед. ин-та, 1993. – 245 с.
103. Николаева Т.М. Лингвистика текста: современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – С. 5-39.
104. Николаева Т.М. Метатекст и его функции в тексте // Исследования по структуре текста. – М., 1987. – С. 133-147.
105. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 215 с.
106. Новиков Л.А. Лингвистическое толкование художественного текста. – М.: Рус. язык, 1979. – 251 с.
107. Нугаманова И.Р., Абдуллина Г.Р. Категория отрицания в башкирском языке (на примере произведений зайнаб биишевой) // Современные проблемы башкирской и тюркской филологии (III Биишевские чтения). 2013. – С. 136-137.

108. Нәжми Н. Әсәрзәр. Өс томда. – Өфө: Башк. китап нәшриәте, 1978. – 384 б.
109. Одинцов В. В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980. – 273 с.
110. Опарина Е.О. Концептуальная метафора // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 65-77.
111. Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С.314-384.
112. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2002. – 198 с.
113. Попова З.Д. Концептуальная картина мира и семантическое пространство языка // Филология и культура: Материалы 3-й междунар. конф.: в 3 ч. – Тамбов: Изд-во Тамбов, гос. ун-та, 2001. Ч. 2. – С. 118-119.
114. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
115. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 1999. – 130 с.
116. Попова Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки. 2002. -№ 3. – С. 69-77.
117. Потебня А.А. Мысль и язык // Русская словесность. Антология / под общ. ред. проф. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 55-57.
118. Психология эмоций / под ред. В.К. Виллюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: МГУ, 1984. – 390 с.
119. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 328 с.
120. Рахматуллина З.А. Башкирская языковая картина мира в произведениях Хадии Давлетшиной: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. – Уфа, 2009. – 23 с.
121. Резник Ю.М. Культура как предмет изучения // Личность. Культура. Общество. Вып. 1(7). Т. 3. – М., 2001. – С. 176-195.

122. Резник Ю.М. Культура как предмет изучения // Личность. Культура. Общество. Вып. 3(9). Т. 3. – М., 2001. – С. 156-182.
123. Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. – Л.: Наука, 1983. – 216 с.
124. Рикер П. Живая метафора // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Жирмунской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 435-455.
125. Романов Д. А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований (на материале русского языка): дис. ... доктора филологических наук. Белгород: Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого, 2004. – 316 с.
126. Сайфуллина В.Р., Абдуллина Г.Р. О башкирских прозвищах // Актуальные проблемы филологии: история, современность и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С. 11-14.
127. Саньяров Ф.Б. Эмоциональный концепт “душа” в русской и башкирской лингвокультурологии // Языковые и культурные контакты народов РБ в условиях двуязычия. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. – С. 385-388.
128. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 654 с.
129. Симонов П.В. Теория отражения и психофизиология эмоций. – М., 1970. – 243 с.
130. Симонов П.В. Потребностно-информационная теория эмоций // Вопросы психологии. 1982. – № 6. – С. 44-56.
131. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
132. Солтанова З.А. Ноғман Мусин әсәрҙәрендә эмоциональ лексика (Эмоциональная лексика в произведениях Нугумана Мусина) // Хәбибулла Ғәбитов – шағир, телсе-ғалим, фольклорсы, драматург, йәмәғәт эшмәкәре: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 135-летию со дня рождения Хабибуллы Габделькагировича

Габитова (3 декабря 2021 г.). – Сибай: Сибайский информационный центр – филиал ГУП РБ Издательский дом «Республика Башкортостан», 2021. – С. 257-259.

133. Сосюр Ф. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1999. – 426 с.

134. Султанова З.А. Выражение эмоций «любовь» и «страсть» в романах Д. Булякова // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии: Материалы X Международной научной конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. – С. 187-190.

135. Султанова З.А. Когнитивная метафора как средство вербализации эмоций (на примере произведений Н. Наджми) // Вопросы тюркологии и востоковедения в полиэтническом пространстве: Материалы IV Международной научно-практической конференции студентов ссузов, вузов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 75-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента Академии наук Республики Башкортостан И.Г. Галяутдинова. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. – С. 156-158.

136. Султанова З.А. Концепт эмоции «счастье» в романе Д. Булякова «Взорванный ад» // Modern humanities success / Успехи гуманитарных наук. 2022. № 5. – С. 158-164.

137. Султанова З.А. Концепт эмоции «счастье» // Проблемы национальной словесности и журналистики в поликультурном пространстве: история, современное состояние и перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции (к 90-летию со дня рождения Народного поэта Башкортостана Рами Гарипова). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2022. – С. 365-367.

138. Султанова З.А. Лексический способ репрезентации эмоциональных составляющих в повести Диниса Булякова «Открытая дверь» // Вестник Башкирского университета. 2022. Т.27. №1. – С. 201-205.

139. Султанова З.А. Лингвистические средства выражения эмоций // Медиапространство Российской Федерации: глобальный и национальный

аспекты: Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения ученого, писателя, литературоведа, Заслуженного деятеля науки РБ, доктора филологических наук, профессора Тимергали Абдулгалимовича Кильмухаметова. – Уфа РИЦ БашГУ, 2021. – С. 248-251.

140. Султанова З.А. Применение психолингвистического подхода к исследованию положительных эмоций литературного текста: на материале драмы Ангама Атнабаева // Современное педагогическое образование. 2023. № 2. – С. 268-271.

141. Султанова З.А. Психолингвистические особенности восприятия текста и подтекста художественного произведения (на материале произведения “Үлгәндән һуң утыз йыл” И. Гизатуллина) // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии: Материалы XI Международной научно-практической конференции. – Уфа: РИЦ УУНиТ, 2023. – С. 136-141.

142. Султанова З.А. Синтаксические средства выражения эмоций в романах Д.Булякова // Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования: Сборник статей по материалам LX Международной научно-практической конференции «Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования». – № 5(54). – М.: Изд. «Интернаука», 2022. – С. 52-56.

143. Султанова З.А. Характеристика понятия «дискурс» // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: Сборник статей по материалам CCLX Международной научно-практической конференции «Молодой исследователь: вызовы и перспективы». № 18 (260). – М.: Изд. «Интернаука», 2022. – С. 19-21.

144. Султанова З.А. Эмотивность как лингвистическая категория // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 2. – С. 385-387.

145. Султанова З.А. Эмоционально-оценочная лексика как предмет исследования психолингвистики // Проблема жанра в филологии: Материалы

XVII Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения Фазу Алиевой. Выпуск 18. – Махачкала: ДГУ, 2022. – С. 236-239.

146. Султанова З.А. Языковые средства выражения эмоций в романе Диниса Булякова «Жизнь дается однажды» («Ғүмер бер генә») // Проблемы востоковедения. 2022. №1 (95). – С. 90-94.

147. Султанова З.А. Языковые средства выражения эмоций в романе Диниса Булякова «Жизнь дается однажды» («Ғүмер бер генә») // Филологические науки: состояние, перспективы, новые парадигмы исследований: Сборник IV Международной научной конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – С. 156-164.

148. Султанова З.А., Абдуллина Г.Р. Кинетические и фонационные средства выражения эмоций в башкирском языке (на примере художественных текстов) // Современное педагогическое образование. 2023. № 8. С. 268-271.

149. Стернин И.А. Концепт и языковая семантика // Филология и культура: материалы междунар. конф. 12-14 мая 1999 года : в 3 ч. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Тамбов, гос. ун-та, 1999. Ч. 1. – С. 19-21.

150. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999. – С. 34-37.

151. Телия В.Н. Культурно-национальная специфика единиц фразеологического состава языка // Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – С. 214-269.

152. Тикеев Д.С. Основы синтаксиса современного башкирского языка. – М.: Наука, 2004. – 312 с.

153. Уланова С.Б. Фрейм как структура репрезентации знаний // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. науч. тр. – Рязань: Изд-во Рязан. гос. пед. ун-та, 2000. – С. 133-141.

154. Ураксин З.Г. Русско-башкирский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1989. – 405 с.
155. Фархутдинова Ф.Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова. – Иваново: Изд-во Иванов. гос. ун-та, 2000. – 204 с.
156. Феоктистова А.Б. Культурно значимая роль внутренней формы идиом с позиций когнитологии // Фразеология в контексте культуры. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999. – С. 174-179.
157. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – С. 52-92.
158. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – М.: Изд-во полит. лит., 1986. – 588 с.
159. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 836 с.
160. Цейтлин С.Н., Погосян В.А., Еливанова М.А., Шапиро Е.И. Язык. Речь. Коммуникация: междисциплинарный словарь. – СПб.: КАРО, 2006. – С. 40.
161. Чарльз Д. Выражение эмоций у человека и животных. – Лондон: Джон Мюррей, 1872. – 142 с.
162. Чурилина Л.Н. Лексическая структура художественного текста (коммуникативный и антропоцентрический аспекты). – Магнитогорск: Стрела, 2000. – 129 с.
163. Чурилина Л.Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – 283 с.
164. Шайхисламова З.Ф. Невербальные формы выражения эмоций в башкирском языке // Вестник Башкирского университета. Филология и искусствоведение. 2011. Т. 16. № 3(1). – С. 1016-1019.
165. Шанский Н.М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом. – М., 1986. – 120 с.

166. Шапиро Е.И.: Особенности эмоционального развития детей от 3 до 7 лет: Консультации психолога. – Детство-Пресс, 2011. – 16 с.
167. Шаумян С.О. О понятии языкового знака // Язык и культура. Факты и ценности: к 70-летию Ю. С. Степанова / Под ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Шк. «Яз. славянской культуры», 2001. – С. 149-163.
168. Шаховский В.И. и др. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). – Волгоград: Перемена, 1998. – 148 с.
169. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 1987. – 192 с.
170. Шаховский В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград Архангельск : Перемена, 1996. – С. 80-96.
171. Шелестюк Е.В. Семантика художественного образа и символа (на материале англоязычной поэзии XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. – М., 1998. – 24 с.
172. Шингаров Г.Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. – М.: Наука, 1971. – 132 с.
173. Экман П. Узнай лжеца по выражению лица: Пер. с англ. П. Экман, У. Фризен. – СПб., 2010. – 128 с.
174. Язык и культура: Учеб. пособие к спецкурсу / З. Х. Бижева. – Нальчик, 2000. – 46 с.
175. Язык и текст в пространстве культуры. Научно-методический семинар «ТЕХТУС». Вып. 9. – СПб. Ставрополь, 2003. – 416 с.
176. Языковая картина мира: Лингвистический и культурологический аспекты. Т.1. / Отв. ред. Н.И. Доронина. – Бийск, 1998. – 257 с.
177. Языковая система и художественный текст: сб. науч. тр. – Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 2001. – 131 с.
178. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М., 1979. – С. 193-230.

179. Янмурзина Р.Р. Башкирская языковая картина мира в трилогии Зайнаб Биишевой “К свету”. – Уфа: Гилем, 2015. – 144 с.
180. Янмурзина Р.Р. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия // Вестник Башкирского университета. 2014. Т.19. – №1. – С. 132.
181. Breal Michel. Essai de semantique: science des significations. – Paris: Hachette, 1897. – 349 p.
182. Edmondson W. Spoken. Discourse: A Model for Analysis Text. - London, 1981. – 217 p.
183. Frijda N.H. The Emotions. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 544 p.
184. Ghem T., Scherer K. Relating Situation Evaluation to Emotion Differentiation: Nonmetric Analysis of Cross-Cultural Questionnaire // Facets of Emotion. – Hillsdale, NJ.: Erlbaum, 1988. – P. 61-77.
185. Jakobson R. Essais de linguistique générale. – Paris, 1963. – P. 47-56.
186. Joseph Ledoux. The Emotional Brain. – Orion Books Limited, 1999. – 300 p.
187. Langacker R.W. Concept, image and symbol: the cogritive basis of grammar. – Berlin-NY., 1991. – 217 p.
188. Elliot Aronson, Phoebe C. Ellsworth Methods of Research in Social Psychology. – McGraw-Hill, 1990. – 376 p.
189. Rosch E.H. Natural categories // CP, 1973. Vol. 4. – P. 328-350.
190. Solomon R.C. The Cross-cultural Comparison of Emotions // Emotions in Asian Thought: A dialogue in comparative philosophy. – Albany, N.Y.: State University of New York Press, 1995. – P.253-308.
191. Wierzbicka A. Human emotions: Universal or culture specific // American Anthropologist. 1986. – P. 584-594.
192. Wierzbicka A. Emotion, language and cultural scripts // Emotion and Culture. – Washington: American Psychological Association, 1994. – P. 130-198.

193. Zajonc R.B. On the Primacy of Affect // American Psychologist. V.35, 1984. – P.151-175.
194. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 608 с.
195. <https://www.efremova.info> / Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой
Электронный ресурс. Дата обращения: 14.04.2023 г.
196. <http://slovari.yandex.ru> / Большая советская энциклопедия.
Электронный ресурс. Дата обращения: 15.03.2023 г.
197. <http://www.bookre.org/reader?file=1386236> / Грамматика
современного башкирского литературного языка. Электронный ресурс. Дата
обращения: 14.04.2023 г.
198. <http://psy.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=1271> / Психологический
словарь. Электронный ресурс. Дата обращения: 15.03.2023 г.
199. https://ozlib.com/1086716/literatura/homskiy_voprosy_teorii_porozhdayushey_grammatiki / Хомский Н. Вопросы теории порождающей
грамматики. Электронный ресурс. Дата обращения: 14.04.2023 г.